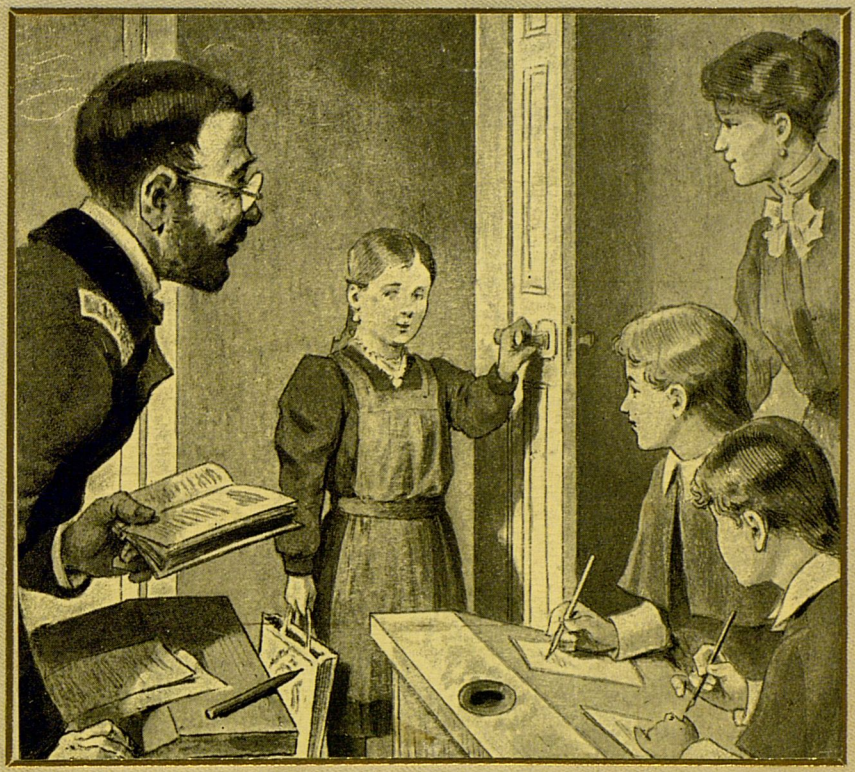


Л. ЧАРСКАЯ

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

ИЗДАНІЕ
Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

1853
1883
M.O.B.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ °, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*° **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ. съ илл. В. А Табурина. Изд. 3-е. Ц въ переплетѣ 3 р

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО. Повѣсть для юношества, съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказаніе старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Карамзина, И. Гурьева и др.

° **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

° **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Ц. въ переплетѣ 3 р.

СЕСТРА МАРИНА Повѣсть для юношества, съ илл. Е. П. Сомокишъ-Судковской.

° **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ, 3 р. 50 к.

° **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

° **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

° **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношества, съ. илл. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. въ перепетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. въ перепле ѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, въ переплетѣ.

СЧАСТЛИВЧИКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ. съ хром. карт. А. Гейера. Ц въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл барона Демерта.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей. съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

— Петербургъ! — выкрикнулъ знакомый голосъ...

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

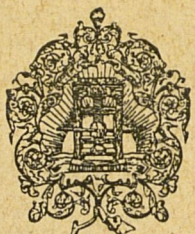
Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 12 иллюстраціями А. Бальдингера

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. признано подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Отз. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. 30. IV. 909).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22
1912



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОБ. ДОМ.
1912

ГЛАВА I.

Въ чужой городъ, къ чужимъ людямъ.

ТУКЪ-ТУКЪ! Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ!—стучатъ колеса, и поѣздъ быстро мчится все впередъ и впередъ.

Мнѣ слышатся въ этомъ однообразномъ шумѣ одни и тѣ же слова, повторяемыя десятки, сотни, тысячи разъ. Я чутко прислушиваюсь и мнѣ кажется, что колеса выстукиваютъ одно и то же, безъ счета, безъ конца:

— Вотъ такъ такъ! Вотъ такъ такъ! Вотъ такъ такъ!

Колеса стучатъ, а поѣздъ мчится и мчится безъ оглядки, какъ вихрь, какъ стрѣла...

Въ окнѣ, навстрѣчу намъ, бѣгутъ кусты, деревья, станціонные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна желѣзной дороги...

Или это поѣздъ нашъ бѣжитъ, а они спокойно стоятъ на одномъ мѣстѣ?—Не знаю, не понимаю.

Впрочемъ, я многаго не понимаю, что случилось со мною за эти послѣдніе дни.

Господи, какъ все странно дѣлается на свѣтѣ! Могла ли я думать нѣсколько недѣль тому назадъ, что мнѣ придется покинуть нашъ маленькій, уютный домикъ на берегу Волги и ѣхать одной-одинешенькой за тысячи верстъ къ какимъ-то дальнимъ, совершенно неизвѣстнымъ родственникамъ?.. Да, мнѣ все еще кажется, что это только сонъ, но — увы! — это не сонъ!.

— «Петербургъ!» — раздался за моей спиной голосъ кондуктора, и я увидѣла передъ собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифоромъ Матвѣевичемъ. Онъ всю дорогу заботился обо мнѣ, поилъ меня чаемъ, постлалъ мнѣ постель на лавкѣ и, какъ только у него было время, всячески развлекалъ меня. У него, оказывается, была моихъ лѣтъ дочурка, которую звали Нюрой и которая съ матерью и братомъ Сережей жила въ Петербургѣ. Онъ мнѣ и адресъ даже свой въ карманъ сунулъ—«на всякій случай», если-бы я захотѣла навѣстить его и познакомиться съ Нюрочкой.

Очень ужъ я васъ жалѣю, барышня,—говорилъ мнѣ не разъ во время моего недолгаго пути Никифоръ Матвѣевичъ, — потому, сиротка вы, а Богъ сиротокъ велитъ любить. И опять, одна вы, какъ есть одна на свѣтѣ; петербургскаго дяденьки своего не знаете, семьи его также... Не легко вѣдь... А только, если ужъ очень не вмоготу станетъ, вы къ намъ приходите. Меня дома рѣдко застанете, потому въ разъѣздахъ я все больше, а жена съ Нюркой вамъ рады будутъ. Онѣ у меня добрыя...

Я поблагодарила ласковаго кондуктора и обѣщала ему побывать у него...

— «Петербургъ!»—еще разъ выкрикнулъ за моей спиной знакомый голосъ и, обращаясь ко мнѣ, добавилъ:

— Вотъ и пріѣхали, барышня. Дозвольте, я вещички ваши соберу, а то послѣ поздно будетъ. Ишь, суетня какая!

И правда, въ вагонѣ поднялась страшная сумагоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ѣхавшая напротивъ меня всю дорогу, потеряла кошелекъ съ деньгами и кричала, что ее обокрали. Чей-то ребенокъ плакалъ въ углу. У двери стоялъ шарманщикъ и наигрывалъ тоскливую пѣсенку на своемъ разбитомъ инструментѣ.

Я выглянула въ окно. Господи! сколько трубъ я увидала! Трубы, трубы и трубы! Цѣлый лѣсъ трубъ! Изъ каждой вился сѣрый дымокъ и, поднимаясь вверхъ, расплывался въ небѣ. Моросилъ мелкій осенній дождикъ и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поѣздъ пошелъ медленнѣе. Колеса уже не выкрикивали свое неугомонное: «вотъ такъ такъ!» Они стучали теперь значительно протяжнѣе и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживаетъ ихъ бойкій, веселый ходъ.

И вотъ поѣздъ остановился.

— Пожалуйте, пріѣхали, — произнесъ Никифоръ Матвѣевичъ.

И, взявъ въ одну руку мой теплый платокъ, подушку и чемоданчикъ, а другою крѣпко сжавъ мою руку, повелъ меня изъ вагона, съ трудомъ протискиваясь черезъ толпу.

ГЛАВА II.

Моя мамочка.

БЫЛА у меня мамочка, ласковая, добрая, милая. Жили мы съ мамочкой въ маленькомъ домикѣ, на берегу Волги. Домикъ былъ такой чистый и свѣтленькій, а изъ оконъ нашей квартиры видно было и широкую, красивую Волгу, и огромные двухъэтажные пароходы, и барки, и пристань на берегу, и толпы гуляющихъ, выходившихъ въ опредѣленные часы на эту пристань встрѣчать приходящіе пароходы... И мы съ мамочкой ходили туда, только рѣдко, очень рѣдко: мамочка давала уроки въ нашемъ городѣ и ей нельзя было гулять со мною такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось. Мамочка говорила:

— Подожди, Ленуша, накоплю денегъ и прокачу тебя по Волгѣ отъ нашего Рыбинска вплоть до самой Астрахани! Вотъ тогда-то нагуляемся вдоволь.

Я радовалась и ждала весны.

Къ веснѣ мамочка прикопила немножко денегъ и мы рѣшили съ первыми же теплыми днями исполнить нашу затѣю.

— Вотъ, какъ только Волга очистится ото льда, мы съ тобой и покатимъ!—говорила мамочка, ласково поглаживая меня по головѣ.

Но когда ледъ тронулся, она простудилась и стала кашлять. Ледъ прошелъ, Волга очистилась, а мамочка все кашляла и кашляла, безъ конца. Она стала какъ-то разомъ худенькая и прозрачная, какъ воскъ, и все сидѣла у окна, смотрѣла на Волгу и твердила:

— Вотъ пройдетъ кашель, поправлюсь немного и покатимъ мы съ тобою до Астрахани, Лену́ша!

Но кашель и простуда не проходили; лѣто было сырое и холодное въ этомъ году, и мамочка съ каждымъ днемъ становилась все худѣе, блѣднѣе и прозрачнѣе.

Наступила осень. Подошелъ сентябрь. Надъ Волгой потянулись длинныя вереницы журавлей, улетающихъ въ теплыя страны. Мамочка уже не сидѣла больше у окна гостиной, а лежала на кровати и все время дрожала отъ холода, въ то время какъ сама была горячая, какъ огонь.

Разъ она подозвала меня къ себѣ и сказала:

— Слушай, Лену́ша. Твоя мама скоро уйдетъ отъ тебя навсегда... Но ты не горюй, милушка. Я всегда буду смотрѣть на тебя съ неба и буду радоваться на добрые поступки моей дѣвочки, а...

Я не дала ей договорить и горько заплакала. И мамочка заплакала также, а глаза у нея стали грустные, грустные, такіе-же точно, какъ у того ангела, котораго я видѣла на большомъ образѣ въ нашей церкви.

Успокоившись немного, мамочка снова заговорила:

— Я чувствую, Господь скоро возьметъ меня къ Себѣ, и да будетъ Его святая воля! Будь умницей безъ мамы, молись Богу и помни меня... Ты поѣдешь жить къ твоему дядѣ, моему родному брату, который живетъ въ Петербургѣ... Я писала ему о тебѣ и просила пріютить сиротку...

Что-то больно, больно при словѣ «сиротка» сдавило мнѣ горло...

Я зарыдала, заплакала и забилась у маминой постели. Пришла Марьюшка (кухарка, жившая у насъ цѣлыя девять лѣтъ, съ самаго года моего рожденія, и любившая мамочку и меня безъ памяти) и увела меня къ себѣ, говоря, что «мамашѣ нуженъ покой».

Вся въ слезахъ уснула я въ эту ночь на Марьюшкиной постели, а утромъ... Ахъ, что было утромъ!..

Я проснулась очень рано, кажется часовъ въ шесть, и хотѣла прямо побѣжать къ мамочкѣ.

Въ эту минуту вошла Марьюшка и сказала:

— Молись Богу, Леночка: Боженька взялъ твою мамашу къ себѣ. Умерла твоя мамочка

— Умерла мамочка!—какъ эхо повторила я.

И вдругъ мнѣ стало такъ холодно, холодно! Потомъ въ головѣ у меня зашумѣло,—и вся комната, и Марьюшка, и потолокъ, и столъ, и стулья,—все перевернулось и закружилось въ моихъ глазахъ и я уже не помню, что сталось со мною вслѣдъ за этимъ. Кажется, я упала на полъ безъ чувствъ...

. . . . . .

. . . . . .

Очнулась я тогда, когда уже мамочка лежала въ большомъ бѣломъ ящикѣ, въ бѣломъ платьѣ съ бѣлымъ вѣночкомъ на головѣ. Старенькій сѣденькій священникъ читалъ молитвы, пѣвчіе пѣли, а Марьюшка молилась у порога спальни. Приходили какія-то старушки и тоже молились; потомъ глядѣли на меня съ сожалѣніемъ, качали головами и шамкали что-то беззубыми ртами...

— Сиротка! Круглая сиротка!—тоже покачивая головой и глядя на меня, жалостливо говорила Марьюшка и плакала. Плакали и старушки...

На третій день Марьюшка подвела меня къ бѣлому ящику, въ которомъ лежала мамочка, и велѣла поцѣловать мнѣ мамочкину руку. Потомъ священникъ благословилъ мамочку, пѣвчіе запѣли что-то очень печальное; подошли какіе-то мужчины, закрыли бѣлый ящикъ и понесли его вонъ изъ нашего домика...

Я громко заплакала. Но тутъ подоспѣли знакомыя мнѣ уже старушки, говоря, что мамочку несутъ хоронить и что плакать не надо, а надо молиться.

Бѣлый ящикъ принесли въ церковь, мы отстояли обѣдню, а потомъ снова подошли какіе-то люди, подняли ящикъ и понесли его на кладбище. Тамъ уже была вырыта глубокая черная яма, куда и опустили мамочкинъ гробъ. Потомъ яму забросали землею, поставили надъ нею бѣлый крестикъ и Марьюшка повела меня домой.

По дорогѣ она говорила мнѣ, что вечеромъ повезетъ меня на вокзалъ, посадитъ въ поѣздъ и отправитъ въ Петербургъ, къ дядѣ.

— Я не хочу къ дядѣ!—проговорила я угрюмо,— не знаю никакого дяди и боюсь ѣхать къ нему!

Но Марьюшка сказала, что стыдно такъ говорить большой дѣвочкѣ, что мамочка слышитъ это и что ей больно отъ моихъ словъ.

Тогда я притихла и стала припоминать лицо дяди. Я никогда не видѣла моего петербургскаго дяди, но въ мамочкиномъ альбомѣ былъ его портретъ. Онъ былъ изображенъ на немъ въ золотомъ шитомъ мундирѣ, со множествомъ орденовъ и со звѣздою на груди. У него былъ очень важный видъ и я его невольно боялась.

Послѣ обѣда, къ которому я едва притронулась, Марьюшка уложила въ старый чемоданчикъ всѣ мои платья и бѣлье, напоила меня чаемъ и повезла на вокзалъ.

ГЛАВА III.

Клѣтчатая дама.

Когда подъѣхалъ поѣздъ, Марьюшка отыскала знакомаго кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотрѣть за мною дорогою. Затѣмъ она дала мнѣ бумажку, на которой записано было, гдѣ живетъ въ Петербургѣ мой дядя, перекрестила меня и, сказавъ: «Ну, будь умницей!», простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во снѣ. Напрасно сидѣвшіе въ вагонѣ старались развлечь меня, напрасно добрый Никифоръ Матвѣевичъ обращалъ мое вниманіе на попадавшіяся намъ по дорогѣ разныя деревни, строенія, стада... Я ничего не видѣла, ничего не замѣчала...

Такъ доѣхала я до Петербурга...

Выйдя съ моимъ спутникомъ изъ вагона, я была сразу оглушена шумомъ, криками и сутолокой, царившими на вокзалѣ. Люди бѣжали куда-то, сталкивались другъ съ другомъ и снова бѣжали съ озабоченнымъ видомъ, съ руками, занятыми узлами, свертками и пакетами.

У меня даже голова закружилась отъ всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла къ нему. Въ нашемъ приволжскомъ городѣ не было такъ шумно.

— А кто-же васъ встрѣчать будетъ, барышня? — вывелъ меня изъ задумчивости голосъ моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросомъ.

Кто меня будетъ встрѣчать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успѣла сообщить мнѣ, что ею послана телеграмма въ Петербургъ къ дядѣ, извѣщающая его о днѣ и часѣ моего пріѣзда, но выѣдетъ ли онъ меня встрѣтить, или нѣтъ, этого я положительно не знала.

И потомъ, если дядя даже и будетъ на вокзалѣ, какъ я узнаю его? Вѣдь я его только и видѣла на портретѣ въ мамочкиномъ альбомѣ!

Размышляя такимъ образомъ, я въ сопровожденіи моего покровителя—Никифора Матвѣевича бѣгала по вокзалу, внимательно вглядываясь въ лица тѣхъ господъ, которые имѣли хотя самое отдаленное сходство съ дядинымъ портретомъ. Но положительно никого похожаго не оказывалось на вокзалѣ.

Я уже порядочно-таки устала, но все еще не теряла надежды увидѣть дядю.

Крѣпко схватившись за руки, мы съ Никифоромъ Матвѣевичемъ метались по платформѣ, поминутно натыкаясь на встрѣчную публику, расталкивая толпу и останавливаясь передъ каждымъ мало-мальски важнаго вида господиномъ.

— Вотъ, вотъ еще одинъ похожій, кажется, на дядю!—вскричала я съ новой надеждой, увлекая моего

спутника вслѣдъ за высокимъ сѣдымъ господиномъ въ черной шляпѣ и широкомъ модномъ пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бѣгомъ бѣжали за высокимъ господиномъ.

Но въ ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокій господинъ повернулъ къ дверямъ зала перваго класса и исчезъ изъ вида. Я бросилась за нимъ слѣдомъ, Никифоръ Матвѣевичъ за мною...

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы въ клѣтчатомъ платьѣ, въ клѣтчатой накидкѣ и съ клѣтчатымъ же бантомъ на шляпѣ. Дама взвизгнула не своимъ голосомъ и, выронивъ изъ рукъ огромный клѣтчатый зонтикъ, растянулась во всю свою длину на дощатомъ полу платформы.

Я бросилась къ ней съ извиненіемъ, какъ и подобаетъ хорошо воспитанной дѣвочкѣ, но она даже не удостоила меня хотя-бы единымъ взглядомъ.

— Невѣжи! Олухи! Неучи!—кричала на весь вокзалъ клѣтчатая дама.—Несутся какъ угорѣлые и сбиваютъ съ ногъ порядочную публику. Невѣжи, неучи! Вотъ я пожалуюсь на васъ начальнику станціи! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невѣжи!

И она барахталась, дѣлая усилія встать, но ей это никакъ не удавалось.

Никифоръ Матвѣевичъ и я подняли наконецъ клѣтчатую даму, подали ей отброшенный во время ея паденія огромный зонтикъ и стали разспрашивать, не ушиблась-ли она.

— Ушиблась понятно! — все тѣмъ-же сердитымъ голосомъ кричала дама, — понятно ушиблась. Что за вопросъ! Тутъ на-смерть убить, не только ушибить можно. А все ты! Все ты!—внезапно накинулась она на меня,—скачешь, какъ дикая лошадь, противная дѣвчонка! Вотъ подожди ты у меня, городовому скажу, въ полицію отправлю!

И она сердито застучала зонтикомъ по доскамъ платформы.

— Полицейскій! Гдѣ полицейскій? Позовите мнѣ его!—снова завопила она.

Я обомлѣла. Страхъ охватилъ меня. Не знаю, чтобы сталось со мною, если-бы Никифоръ Матвѣевичъ не вмѣшался въ это дѣло и не заступился за меня.

— Полноте, сударыня, не пугайте ребенка! Видите, дѣвочка сама не своя отъ страха,—проговорилъ своимъ добрымъ голосомъ мой защитникъ,—и то сказать—не виновата она. Сама въ разстройствѣ. Наскочила нечаянно, уронила васъ, потому что за дядей спѣшила. Показалось ей, что дядя идетъ. Сиротка она. Вчера въ Рыбинскѣ мнѣ ее передали съ рукъ на руки, чтобы къ дяденькѣ доставить въ Петербургѣ. Генералъ у ней дяденька... Генералъ Иконинъ... Фамиліи этой не слыхали-ли?

Едва только мой новый другъ и защитникъ успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ съ клѣтчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова ея съ клѣтчатымъ бантомъ, туловище въ клѣтчатой накидкѣ, длинный крючковатый носъ, рыжеватые кудерки на вискахъ и большой ротъ съ тонкими синеватыми губами—все

это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танецъ, а изъ-за тонкихъ губъ стали вырываться хриплые, шипящіе и свистящіе звуки. Клѣтчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голосъ, выронивъ свой огромный зонтикъ и схватившись за бока, точно у нея сдѣлались колики.

— Ха, ха, ха!—выкрикивала она,—вотъ что еще выдумали! Самъ дяденька! Самъ, видите-ли, генералъ Иконинъ, его превосходительство, долженъ явиться на вокзалъ встрѣтить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха, ха, ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогнѣвись, матушка, на этотъ разъ дядя не выѣхалъ къ тебѣ навстрѣчу, а послалъ меня. Не думалъ онъ, что ты за птица... Ха, ха, ха!!!

Не знаю, долго-ли еще смѣялась бы клѣтчатая дама, если-бы, снова придя мнѣ на помощь, Никифоръ Матвѣевичъ не остановилъ ее.

— Полно, сударыня, надъ дитятей неразумнымъ потѣшаться,—произнесъ онъ строго.—Грѣхъ! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сиротъ Богъ...

— Не ваше дѣло. Молчать!—неожиданно вскричала, прервавъ его, клѣтчатая дама, и смѣхъ ея разомъ пресѣкся.

— Несите за мною барышнины вещи,—добавила она нѣсколько мягче и, обернувшись ко мнѣ, бросила вскользь:—Идемъ. Нѣтъ у меня времени лишняго возиться съ тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Маршъ!

И, грубо схвативъ меня за руку, она потащила меня къ выходу.

Я едва-едва поспѣвала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролетка, запряженная красивою вороной лошадью. Сѣдой, важнаго вида кучеръ возсѣдалъ на козлахъ.

— Степанъ, подавай!—крикнула во весь голосъ клѣтчатая дама.

Кучеръ дернулъ вожжами, и нарядная пролетка подъѣхала вплотную къ самымъ ступенямъ вокзальнаго подъѣзда.

Никифоръ Матвѣевичъ поставилъ на дно ея мой чемоданчикъ, потомъ помогъ взобраться въ экипажъ клѣтчатой дамѣ, которая заняла при этомъ все сидѣнье, оставивъ для меня ровно столько мѣста, сколько потребовалось бы, чтобы помѣстить на немъ куклу, а не живую девятилѣтнюю дѣвочку.

— Ну, прощайте, милая барышня,—ласково зашепталъ мнѣ Никифоръ Матвѣевичъ,—дай вамъ Богъ счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что,—къ намъ милости просимъ. Адресокъ у васъ есть. На самой окраинѣ мы живемъ, на шоссе, у Митрофаніевскаго кладбища, за заставой... Запомните? А ужъ Нюрка рада-то будетъ! Она сиротокъ любитъ. Добрая она у меня.

Еще долго-бы говорилъ со мною мой пріятель, если бы голосъ клѣтчатой дамы не прозвучалъ съ высоты сидѣнья:

— Ну, долго-ли ты еще заставишь ждать себя, несносная дѣвчонка! Что у тебя за разговоры съ мужикомъ! Сейчасъ-же на мѣсто, слышишь!

Я вздрогнула, какъ подъ ударомъ хлыста, отъ этого, едва знакомаго мнѣ, но успѣвшаго стать уже непріятнымъ, голоса и поспѣшила занять мое мѣсто, наскоро пожавъ руку и поблагодаривъ моего недавняго покровителя.

Кучеръ дернулъ вожжами, лошадь снялась съ мѣста, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожихъ комками грязи и брызгами изъ лужъ, пролетка быстро понеслась по шумнымъ городскимъ улицамъ.

Крѣпко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылетѣть на мостовую, я съ удивленіемъ смотрѣла на большія пятиэтажныя зданія, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, съ оглушительнымъ звономъ катившіе по улицѣ, и невольно сердце мое сжималось отъ страха при мысли о томъ, что ждетъ меня въ этомъ большомъ, чуждомъ мнѣ городѣ, въ чужой семьѣ, у чужихъ людей, про которыхъ я такъ мало слышала и знала.

ГЛАВА IV.

Семейство Иконинихъ.—Первыя невзгоды.

МАТИЛЬДА Францевна привезла дѣвочку!

— Твою кузину, а не просто дѣвочку...

— И твою тоже!

— Врешь! Я не хочу никакой кузины! Она нищая.

— И я не хочу!

— И я! И я!

— Звонятъ! Ты оглохъ, Федоръ?

— Привезла! Привезла! Ура!

Все это я слышала, стоя передъ обитой темно-зеленой клеенкой дверью. На прибитой къ двери мѣдной дощечкѣ было выведено крупными, красивыми буквами:

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

Михаилъ Васильевичъ Иконинъ.

За дверью послышались торопливые шаги, и лакей въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, такой, какого

я видѣла только на картинкахъ, широко распахнулъ дверь.

Едва только я перешагнула порогъ ея, какъ кто-то быстро схватилъ меня за руку, кто-то тронулъ за плечи, кто-то закрылъ мнѣ рукою глаза, въ то время, какъ уши мои наполнились шумомъ, звономъ и хохотомъ, отъ котораго у меня разомъ закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотрѣть, я увидѣла, что стою посреди роскошно-убранной гостиной, съ пушистыми коврами на полу, съ нарядной позолоченной мебелью, съ огромными зеркалами отъ потолка до пола. Такой роскоши мнѣ никогда еще не доводилось видѣть, и потому немудрено, если все это показалось мнѣ сномъ.

Вокругъ меня толпились трое дѣтей: одна дѣвочка и два мальчика. Дѣвочка была ровесница мнѣ. Бѣлокурая, нѣжная, съ длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висковъ, съ капризно вздернутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надѣто очень нарядное бѣлое платьице съ кружевнымъ воланомъ и розовымъ-же кушакомъ. Одинъ изъ мальчиковъ, тотъ, который былъ значительно старше, одѣтый въ форменный гимназическій мундирчикъ, очень походилъ на сестру; другой, маленькій, кудрявый, казался не старше шести лѣтъ. Худенькое, живое, но блѣдное его личико казалось болѣзненнымъ на видъ, но пара карихъ и быстрыхъ глазенокъ такъ и впились въ меня съ самымъ живымъ любопытствомъ.

Это были дѣти моего дяди: Жоржикъ, Нина и Толя, о которыхъ мнѣ не разъ разсказывала покойная мамочка.

Дѣти, молча, смотрѣли на меня. Я—на дѣтей.

Минутъ пять длилось молчаніе.

И вдругъ младшій мальчуганъ, которому наскучило, должно быть, стоять такъ, неожиданно поднялъ руку и, ткнувъ въ меня указательнымъ пальцемъ, произнесъ:

— Вотъ такъ фигура!

— Фигура! Фигура! — вторила ему бѣлокурая дѣвочка,—и правда: фи-гу-ра! Толька вѣрно сказалъ!

И она запрыгала на одномъ мѣстѣ, хлопая въ ладоши.

— Очень остроумно! — произнесъ въ носъ гимназистъ,—есть чему смѣяться. Просто, она мокрица какая-то!

— Какъ мокрица? Отчего мокрица?—такъ и всколыхнулись младшія дѣти.

— Да вонъ, развѣ не видите, какъ она полъ намочила. Въ калошахъ ввалилась въ гостиную. Остроумно! Нечего сказать! Вонъ наслѣдила какъ! Лужа. Мокрица и есть.

— А что это такое мокрица?—полюбопытствовалъ Толя, съ явнымъ почтеніемъ глядя на старшаго брата.

— Мм! Мм! Мм!—смѣшался гимназистъ,—мм! это цвѣтокъ такой: когда къ нему прикоснешься пальцемъ, онъ сейчасъ и закроется... Вотъ

— Нѣтъ, вы ошибаетесь,—вырвалось у меня противъ воли. (Мнѣ покойная мама читала и про расте-

нія, и про животныхъ, и я очень много знала для своихъ лѣтъ). — Цвѣтокъ, который закрываетъ свои лепестки при прикосновеніи,—это мимоза, а мокрица—это водяное животное въ родѣ улитки.

— Ммм!—мычалъ гимназистъ, — не все ли равно, цвѣтокъ или животное. У насъ еще этого не проходили въ классѣ. А вы чего съ носомъ суетесь, когда васъ не спрашиваютъ? Ишь, какая умница выискалась!..—внезапно накинулся онъ на меня.

— Ужасная выскочка! — вторила ему дѣвочка и прищурила свои голубые глазки. — Вы лучше-бы за собой слѣдили, чѣмъ Жоржа поправлять, — капризно протянула она, — Жоржъ умнѣе васъ, а вы вотъ въ калошахъ въ гостиную влѣзли. Очень красиво!

— Остроумно!—снова процѣдилъ гимназистъ.

— А ты все-таки мокрица!—пропищалъ его братишка и захихикалъ.—Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто еще не называлъ меня такъ. Прозвище нищей обидѣло меня больше всего остального. Я видѣла нищихъ у паперти церквей, и не разъ сама подавала имъ деньги по приказанію мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не просила. Значитъ, онъ не смѣетъ называть меня такъ. Гнѣвъ, горечь, озлобленіе, — все это разомъ закипѣло во мнѣ и, не помня себя, я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь отъ волненія и гнѣва.

— Не смѣй говорить такъ. Я не нищая! Не смѣй называть меня нищей. Не смѣй! Не смѣй!

— Нѣтъ, нищая! Нѣтъ, нищая! Ты у насъ изъ милости жить будешь. Твоя мама умерла и денегъ тебѣ не оставила. И обѣ вы нищія, да!—какъ заученный урокъ повторялъ мальчикъ. И не зная, еще чѣмъ досадить мнѣ, онъ высунулъ языкъ и сталъ дѣлать передъ моимъ лицомъ самыя невозможныя гримасы. Его братъ и сестра хохотали отъ души, потѣшаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но когда Толя обидѣлъ мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порывъ злобы охватилъ меня, и съ громкимъ крикомъ, не задумываясь и сама не помня, что дѣлаю, я изо всей силы толкнула моего двоюроднаго братца.

Онъ сильно пошатнулся сначала въ одну сторону, потомъ въ другую и, чтобы удержать равновѣсіе, схватился за столъ, на которомъ стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цвѣтами, аистами и какими-то смѣшными черноволосыми дѣвочками въ цвѣтныхъ длинныхъ халатахъ, въ высокихъ прическахъ и съ раскрытыми вѣерами у груди.

Столъ закачался не меньше Толи. Съ нимъ закачалась и ваза съ цвѣтами и черненькими дѣвочками. Потомъ ваза скользнула на полъ... Раздался оглушительный трескъ.

— Трахъ!

И черненькія дѣвочки, и цвѣты, и аисты, все смѣшалось и исчезло въ одной общей грудѣ черепковъ и осколковъ.

ГЛАВА V.

Разбитая ваза.—Тетя Нелли и дядя Мишель.

МИНУТУ длилось гробовое молчаніе. На лицахъ дѣтей былъ написанъ ужасъ. Даже Толя присмирѣлъ и вращалъ во всѣ стороны испуганными глазами.

Жоржъ первый нарушилъ молчаніе.

— Остроумно!—протянулъ онъ въ носъ.

Ниночка покачала своей красивой головкой, глядя на груду черепковъ, и произнесла значительно:

— Любимая мамина японская ваза.

— Ну, такъ что же!—прикрикнулъ на нее старшій братъ,—а кто виноватъ?

— Не я только!—выпалилъ Толя.

— И не я! — поспѣшила не отстать отъ него Ниночка.

— Такъ я, по вашему, что-ли? Остроумно! — обидѣлся гимназистъ.

— Не ты, а мокрица!—выкрикнула Ниночка.

— Конечно, мокрица!—подтвердилъ и Толя.

— Мокрица и есть. Надо пожаловаться мамзелькѣ. Зовите сюда вашу Баварію Ивановну — то-бишь, Матильду Францевну. Ну, чего рты разинули!—командовалъ Жоржъ младшимъ дѣтямъ.—Не понимаю только, чего она смотритъ за вами!

И, пожавъ плечами, онъ съ видомъ взрослаго человѣка заходилъ по залѣ.

Ниночка и Толя скрылись въ одну минуту и тотчасъ-же снова появились въ гостиной, таща за собою Матильду Францевну, ту самую клѣтчатую даму, которая встрѣтила меня на вокзалѣ.

— Что за шумъ? Что за шкандаль? — спрашивала она, глядя на всѣхъ насъ строгими, вопрошающими глазами.

Тогда дѣти, окруживъ ее, стали разсказывать хоромъ, какъ все случилось. Еслибъ я не была такъ убита горемъ въ эту минуту, то невольно удивилась-бы тому избытку лжи, которая сквозила въ каждой фразѣ маленькихъ Икониныхъ.

Но я ничего не слышала и не хотѣла слышать. Я стояла у окна, смотрѣла на небо, на сѣрое петербургское небо, и думала:

«Тамъ, наверху, моя мамочка. Она смотритъ на меня и видитъ все. Вѣроятно, она недовольна мною. Вѣроятно, ей тяжело видѣть, какъ нехорошо поступила сейчасъ ея Леночка...»

— Мамочка, милая,—шептало мое сильно бьющееся сердце,—развѣ я виновата, что они такіе злые, такіе нехорошіе задиры?

— Ты глухая или нѣтъ! — внезапно раздался за

мною рѣзкій окликъ, и цѣпкіе пальцы клѣтчатой дамы впились мнѣ въ плечо. — Ты ведешь себя, какъ настоящая разбойница. Уже на вокзалѣ подставила мнѣ ножку...

— Неправда! — внѣ себя прервала я рѣзко, — неправда! Я не дѣлала этого! Я нечаянно толкнула васъ!

— Молчать! — взвизгнула она такъ, что, стоявшій неподалеку отъ нея, Жоржъ зажалъ себѣ уши.—Мало того, что ты груба и рѣзка, ты еще лгунья и драчунья! Нечего сказать, сокровище пріобрѣли мы себѣ въ домъ!

И, говоря это, она дергала меня за плечи, за руки и за платье въ то время, какъ глаза ея такъ и сверкали злобой

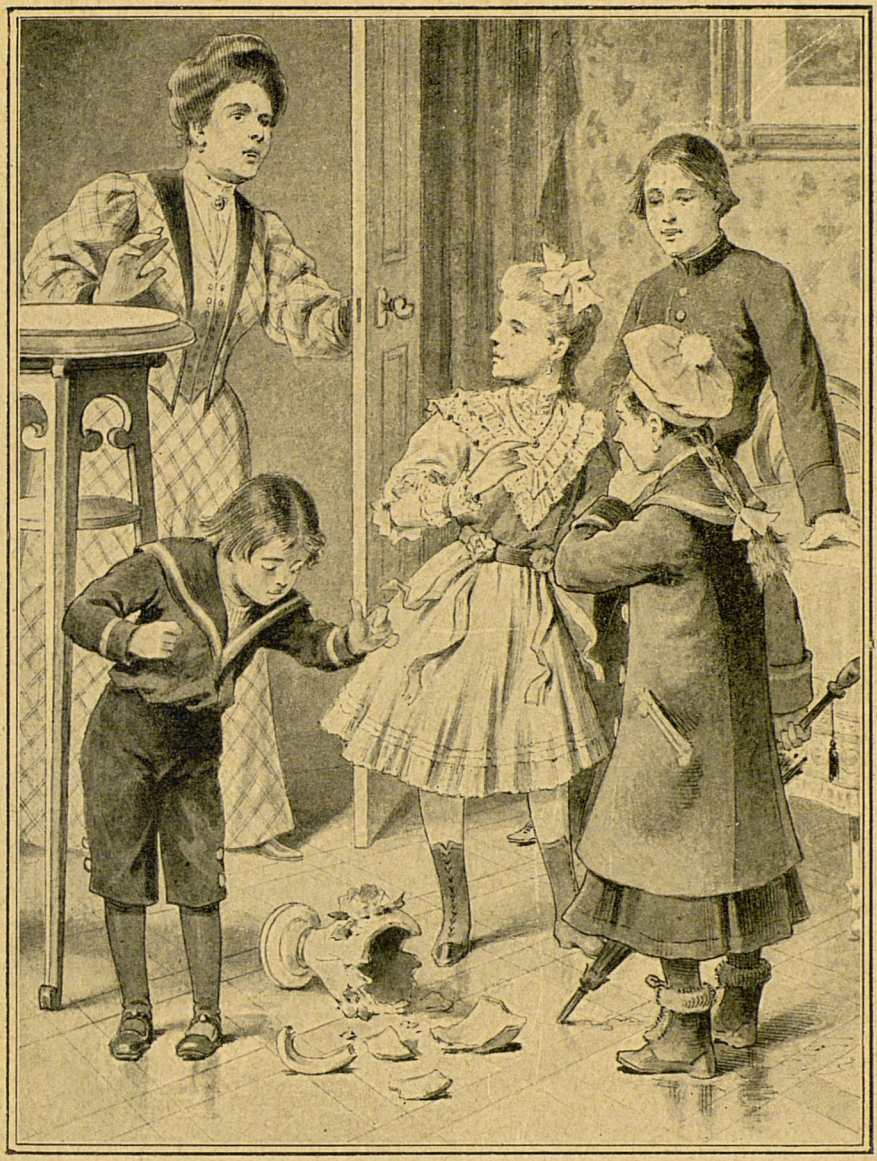
— Ты будешь наказана,—шипѣла Матильда Францевна,—ты будешь строго наказана! Отправляйся снимать бурнусъ и калоши! Давно пора

Внезапный звонокъ заставилъ ее умолкнуть. Дѣти разомъ оправились и подтянулись, услышавъ этотъ звонокъ. Жоржъ обдернулъ мундирчикъ, Толя поправилъ волосы. Одна только Ниночка не обнаружила никакого волненія и, подпрыгивая на одной ножкѣ, побѣжала въ прихожую посмотрѣть кто звонилъ.

Черезъ гостиную пробѣжалъ лакей, неслышно скользя по коврамъ мягкими подошвами, тотъ самый лакей, который открывалъ намъ двери.

Тотчасъ-же изъ передней донесся веселый голосъ Ниночки:

— Мама! Папочка! Какъ вы поздно!



— Что за шумъ?—спрашивала она...

Послышался звукъ поцѣлуя, и черезъ минуту въ гостиную вошли очень нарядно одѣтая въ свѣтло-сѣрое платье дама и полный, очень добродушнаго вида господинъ съ такимъ-же точно, но только менѣе важнымъ лицомъ, какое было на дядиномъ портретѣ.

Красивая, нарядная дама была какъ двѣ капли воды похожа на Ниночку или, вѣрнѣе, Ниночка была вылитая мать. То же холодно-надменное личико, та же капризно вздернутая губка.

— Ну, здравствуй, дѣвочка! — произнесъ густымъ басомъ полный господинъ, обращаясь ко мнѣ.—Иди-ка сюда, дай взглянуть на себя! Ну-ну, поцѣлуй дядю. Нечего дичиться. Живо!—шутливымъ голосомъ говорилъ онъ...

Но я не двигалась съ мѣста. Правда, лицо высокаго господина было очень похоже на лицо дяди на портретѣ, но гдѣ-же остались его золотомъ шитый мундиръ, важный видъ и ордена, которые были изображены на портретѣ? Нѣтъ,—рѣшила я,—это не дядя Миша

Полный господинъ, видя мою нерѣшительность, произнесъ тихо, обращаясь къ дамѣ:

— Она немного дика, Нелли. Ужъ ты извини. Придется заняться ея воспитаніемъ.

— Благодарю покорно! — отвѣчала та и сдѣлала недовольную гримаску, отчего вдругъ стала еще болѣе походить на Ниночку. — Мало мнѣ заботъ со своими! Пойдетъ въ гимназію, тамъ ее и вымуштруютъ...

— Ну, конечно, конечно, — согласился полный господинъ.

А потомъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Здравствуй-же, Лена! Что-жъ ты не подойдешь ко мнѣ поздороваться? Я твой дядя Мишель.

— Дядя? — неожиданно сорвалось у меня съ губъ помимо моего желанія. — Вы — дядя? А какъ-же мундиръ и ордена, гдѣ-же у васъ тотъ мундиръ и ордена, которые я видѣла на портретѣ?

Онъ сначала не понялъ, что я у него спрашиваю. Но разобравъ въ чемъ дѣло, весело и громко разсмѣялся своимъ громкимъ, густымъ, баснстымъ голосомъ.

— Такъ вотъ оно что! — добродушно произнесъ онъ,— тебѣ орденовъ и звѣзду захотѣлось? Ну, ордена и звѣзду я дома не надѣваю, дѣвочка. Ужъ извини, они у меня въ комодѣ лежатъ до поры до времени... А будешь умницей и скучать у насъ не станешь, — я тебѣ ихъ тогда и покажу въ награду...

И, наклонившись ко мнѣ, онъ поднялъ меня на воздухъ и крѣпко поцѣловалъ въ обѣ щеки.

Мнѣ сразу понравился дядя. Онъ былъ такой ласковый, добрый, что невольно тянуло къ нему. Къ тому-же онъ доводился роднымъ братомъ покойной мамочкѣ, и это еще болѣе сблизило меня съ нимъ. Я готова была уже броситься ему на шею и расцѣловать его милое, улыбающееся лицо, какъ внезапно надо мною раздался непріятный, шипящій голосъ моего новаго неожиданнаго врага—Матильды Францевны.

— Не очень-то ее ласкайте, Herr General (господинъ генералъ), она очень гадкая дѣвочка, — заговорила Матильда Францевна. — Всего только полчаса

какъ у васъ въ домѣ, а уже успѣла надѣлать много дурного.

И тутъ-же своимъ противнымъ, шипящимъ голосомъ Матильда Францевна пересказала все то, что случилось до прихода дяди и тети. Дѣти подтвердили ея слова. И никто изъ нихъ не сказалъ, почему все это такъ случилось и кто настоящій виновникъ всѣхъ происшедшихъ бѣдъ. Во всемъ оказалась виновата только Лена, одна только Лена...

«Бѣдная Лена!.. Мамочка, зачѣмъ ты покинула меня?»

По мѣрѣ того, какъ нѣмка разсказывала, все сумрачнѣе и печальнѣе становилось лицо дяди, и тѣмъ строже и холоднѣе смотрѣли на меня глаза тети Нелли, его жены. Осколки разбитой вазы и слѣды на паркетѣ отъ мокрыхъ калошъ, вмѣстѣ съ растерзаннымъ видомъ Толи — все это далеко не говорило въ мою пользу.

Когда Матильда Францевна кончила, тетя Нелли строго нахмурилась и сказала:

— Ты будешь непремѣнно наказана въ слѣдующій разъ, если позволишь себѣ что-либо подобное.

Дядя посмотрѣлъ на меня грустными глазами и замѣтилъ:

— Твоя мама въ дѣтствѣ была кротка и послушна, Лена. Мнѣ жаль, что ты такъ мало похожа на нее...

Я готова была заплакать отъ обиды и горечи, готова была броситься на шею дядѣ и разсказать ему, что все это не правда, что меня обидѣли совершенно незаслуженно и что я далеко не такъ виновата, какъ

объяснили ему сейчасъ. Но слезы душили меня, и я не могла выговорить ни слова. Да и къ чему было говорить! Мнѣ-бы все равно не повѣрили...

Какъ разъ въ эту минуту на порогѣ залы появился лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ салфеткою въ рукахъ и доложилъ, что кушать подано.

— Иди, сними съ себя верхнюю одежду и вымой руки, да пригладь волосы,—приказала мнѣ суровымъ, строгимъ голосомъ тетя Нелли. — Ниночка проводитъ тебя.

Ниночка съ неохотой оторвалась отъ матери, которая стояла обнявшись со своей любимицей. Сказавъ мнѣ сухо «пойдемте», она повела меня куда-то цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ, красиво убранныхъ комнатъ.

Въ просторной дѣтской, гдѣ стояли три совершенно одинаково убранныя кроватки, она подвела меня къ изящному мраморному умывальнику.

Пока я мыла руки и тщательно обтирала ихъ полотенцемъ, Ниночка разглядывала меня очень подробно, наклонивъ немного въ сторону свою бѣлокурую головку

Думая, что она хочетъ заговорить со мною, но стѣсняется, я ободряюще улыбнулась ей.

Но она вдругъ фыркнула, покраснѣла и въ тотъ-же мигъ повернулась ко мнѣ спиной.

Я поняла по этому движенію дѣвочки, что она сердится на меня за что-то, и рѣшила оставить ее въ покоѣ.

ГЛАВА VI.

Горбунья. — Новый врагъ.

Когда мы вошли въ столовую, надъ длиннымъ обѣденнымъ столомъ горѣла люстра, ярко освѣщая комнату.

Вся семья уже сидѣла за обѣдомъ. Тетя Нелли указала мнѣ мѣсто около Матильды Францевны, которая такимъ образомъ очутилась между мною и Ниночкой, пріютившейся около матери. Напротивъ насъ сидѣлъ дядя Мишель и оба мальчика.

Подлѣ меня оказывался еще одинъ не занятый приборъ. Этотъ приборъ невольно привлекъ мое вниманіе.

«Развѣ въ семьѣ Икониныхъ есть еще кто-нибудь?» — подумала я.

И какъ-бы въ подтвержденіе моихъ мыслей, дядя взглянулъ на пустой приборъ недовольными глазами и спросилъ у тети:

— Опять наказана? Да?

— Должно быть! — пожала та плечами.

Дядя хотѣлъ еще спросить что-то, но не успѣлъ, потому что какъ разъ въ это время въ передней прозвенѣлъ такой оглушительный звонокъ, что тетя Нелли невольно зажала себѣ уши, а Матильда Францевна на цѣлые полъ-аршина подпрыгнула на стулѣ.

— Отвратительная дѣвчонка! Сколько разъ ей сказано не трезвонить такъ!—произнесла тетя сердитымъ голосомъ и обернулась къ дверямъ.

Я посмотрѣла туда-же. На порогѣ столовой стояла маленькая, безобразная фигурка съ приподнятыми плечами и длиннымъ блѣднымъ лицомъ. Лицо было такое-же безобразное, какъ и фигурка. Длинный крючковатый носъ, тонкія, блѣдныя губы, нездоровый цвѣтъ кожи и густыя черныя брови на низкомъ, упрямомъ лбу. Единственно, что было красиво въ этомъ недѣтски суровомъ и недобромъ, старообразномъ личикѣ, — такъ это одни глаза. Большіе, черные, умные и проницательные, они горѣли, какъ два драгоцѣнные камня, и сверкали, какъ звѣзды, на худенькомъ, блѣдномъ лицѣ.

Когда дѣвочка повернулась немного, я тотчасъ замѣтила огромный горбъ за ея плечами.

Бѣдная! Бѣдная дѣвочка! Такъ вотъ почему у нея такое измученное блѣдное личико, такая жалкая обезображенная фигурка!

Мнѣ стало до слезъ жалко ее. Покойная мамочка учила меня постоянно любить и жалѣть калѣкъ, обиженныхъ судьбою. Но, очевидно, никто, кромѣ меня, не жалѣлъ маленькую горбунью. По крайней мѣрѣ Матильда Францевна окинула ее съ головы до ногъ

сердитымъ взглядомъ и спросила, ехидно поджимая свои синія губы:

— Опять изволили быть наказаны?

А тетя Нелли вскользь взглянула на горбунью и бросила мимоходомъ:

— Сегодня опять безъ пирожнаго. И въ послѣдній разъ запрещаю тебѣ такъ трезвонить. Нечего на ни въ чемъ неповинныхъ вещахъ показывать свой прелестный характеръ. Когда-нибудь оборвешь звонокъ. Злючка!

Я взглянула на горбунью. Я была увѣрена, что она покраснѣетъ, смутится, что на глаза ея набѣгутъ слезы. Но ничуть не бывало! Она съ самымъ равнодушнымъ видомъ подошла къ матери и поцѣловала у нея руку, потомъ направилась къ отцу и чмокнула его кое-какъ въ щеку. Съ братьями, сестрой и гувернанткой она и не думала здороваться. Меня какъ-бы не замѣтила совсѣмъ.

— Жюли! — обратился къ горбатой дѣвочкѣ дядя, какъ только она усѣлась на незанятое мѣсто по сосѣдству со мною, — развѣ ты не видишь, что у насъ гостья? Поздоровайся-же съ Леной. Она твоя кузина.

Маленькая горбунья подняла глаза отъ тарелки съ супомъ, за который она принялась-было съ большою жадностью, и посмотрѣла на меня какъ-то бокомъ, вскользь.

Господи! Что за глаза это были! Злые, ненавидящіе, угрожающіе, суровые, какъ у голоднаго волчонка, котораго затравили охотники... Точно я была ея давнишнимъ и злѣйшимъ врагомъ, котораго она ненави-

дѣла всей душой. Вотъ что выражали черные глаза горбатой дѣвочки...

Когда подали сладкое — что-то красивое, розовое и пышное, въ видѣ башенки, на большомъ фарфоровомъ блюдѣ — тетя Нелли повернула къ лакею свое холодное, красивое лицо и проговорила строго:

— Старшая барышня сегодня безъ пирожнаго.

Я взглянула на горбунью. Ея глаза загорѣлись злыми огоньками, и безъ того блѣдное лицо поблѣднѣло еще больше.

Матильда Францевна положила мнѣ на тарелку кусочекъ пышной розовой башенки, но ѣсть сладкое я не могла, потому что въ упоръ на меня съ завистью и злобой смотрѣли два жадные черные глаза.

Мнѣ показалось невозможнымъ ѣсть свою порцію, когда моя сосѣдка была лишена сладкаго, и я рѣшительно отодвинула отъ себя тарелку и тихо шепнула, наклонившись въ сторону Жюли:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, я тоже не буду кушать.

— Отвяжитесь! — буркнула она чуть слышно, но съ еще большимъ выраженіемъ злобы и ненависти въ глазахъ.

Когда обѣдъ кончился, всѣ вышли изъ-за стола. Дядя и тетя тотчасъ же поѣхали куда-то, а насъ, дѣтей, отправили въ классную — огромную комнату подлѣ дѣтской.

Жоржъ тотчасъ-же исчезъ куда-то, сказавъ мимоходомъ Матильдѣ Францевнѣ, что идетъ учить уроки. Жюли послѣдовала его примѣру. Нина и Толя за-

тѣяли какую-то шумную игру, не обращая никакого вниманія на мое присутствіе.

— Елена, — услышала я за собою знакомый мнѣ, непріятный голосъ, — ступай въ твою комнату и разбери твои вещи. Вечеромъ будетъ поздно. Ты сегодня раньше должна лечь спать: завтра пойдешь въ гимназію.

Въ гимназію?

Полно, не ослышалась-ли я? Меня отдадутъ въ гимназію? Я готова была запрыгать отъ радости. Хотя мнѣ пришлось всего только два часа провести въ семьѣ дяди, но я уже поняла всю тяжесть предстоящей мнѣ жизни въ этомъ большомъ, холодномъ домѣ, въ обществѣ сердитой гувернантки и злыхъ двоюродныхъ братьевъ и сестрицъ. Не мудрено поэтому, что я такъ обрадовалась извѣстію о поступленіи въ гимназію, гдѣ навѣрное меня не встрѣтятъ такъ, какъ здѣсь. Вѣдь тамъ было не двѣ, а можетъ быть тридцать двѣ дѣвочки-сверстницы, между которыми, конечно, найдутся и хорошія, милыя дѣти, которыя не будутъ меня такъ обижать, какъ эта надутая, капризная Ниночка и злая, угрюмая и грубая Жюли. И потомъ, тамъ навѣрное не будетъ такой сердитой клѣтчатой дамы, какъ Матильда Францевна...

Мнѣ даже на душѣ веселѣе какъ-то стало отъ этого извѣстія, и я побѣжала разбирать мои вещи, исполняя приказаніе гувернантки. Я даже не обратила особеннаго вниманія на брошенное мнѣ вслѣдъ замѣчаніе Ниночки, обращенное къ брату:

— Смотри, смотри, Толя, наша Мокрица—ужъ не Мокрица больше, а настоящая коза въ сарафанѣ.

На что Толя замѣтилъ:

— Вѣрно она въ платьѣ своей мамаши. Точно мѣшокъ!

Стараясь не слушать, что они говорятъ, я поторопилась уйти отъ нихъ.

Миновавъ коридоръ и какія-то двѣ-три не такія большія и не такія свѣтлыя комнаты, изъ которыхъ одна, должно быть, была спальня, а другая уборная, я вбѣжала въ дѣтскую, въ ту самую комнату, куда Ниночка водила меня мыть руки передъ обѣдомъ.

— Гдѣ мой чемоданчикъ, не можете ли вы сказать?—вѣжливо обратилась я съ вопросомъ къ молоденькой горничной, стлавшей на ночь постели.

У нея было доброе, румяное лицо, которое привѣтливо мнѣ улыбалось.

— Нѣтъ, нѣтъ, барышня, вы не здѣсь спать будете,—сказала горничная,—у васъ комнатка совсѣмъ особенная будетъ; генеральша такъ приказала.

Я не сразу сообразила, что генеральша это—тетя Нелли, но тѣмъ не менѣе попросила горничную показать мою комнату.

— Третья дверь направо по коридору, въ самомъ концѣ,—охотно пояснила она, и мнѣ показалось, что глаза дѣвушки съ ласкою и грустью остановились на мнѣ, когда она сказала: — жаль мнѣ васъ, барышня, трудно вамъ у насъ будетъ. Дѣти у насъ злючки, прости Господи! — И она сокрушенно вздохнула и махнула рукой.

Я выбѣжала изъ спальни съ сильно бьющимся сердцемъ.

Первая... вторая... третья...—считала я двери, выходившія въ коридоръ. Вотъ она—третья дверь, о которой говорила дѣвушка. Я не безъ волненія толкаю ее и... передо мною маленькая, крошечная комнатка въ одно окно. У стѣны узкая кроватка, простой рукомойникъ и комодъ. Но не это обратило мое вниманіе. Посреди комнаты лежалъ мой раскрытый чемоданчикъ, а вокругъ него на полу валялось мое бѣлье, платья и все мое нехитрое имущество, которое такъ заботливо укладывала Марьюшка, собирая меня въ дорогу. А надъ всѣми моими сокровищами сидѣла горбатая Жюли и безцеремонно рылась на днѣ чемоданчика.

Увидавъ это, я такъ растерялась, что не могла произнести ни слова въ первую минуту. Молча стояла я передъ дѣвочкой, не находя, что ей сказать. Потомъ, сразу оправившись и встряхнувшись, я произнесла дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— И не стыдно вамъ трогать то, что вамъ не принадлежитъ?

— Не твое дѣло!—обрѣзала она меня грубо.

Въ это время рука ея, безостановочно шарившая на днѣ чемодана, схватила завернутый въ бумагу и тщательно перевязанный ленточкой пакетикъ. Я знала, что это былъ за пакетикъ и со всѣхъ ногъ бросилась къ Жюли, стараясь вырвать его изъ ея рукъ. Но не тутъ-то было. Горбунья была куда проворнѣе и быстрѣе меня. Она высоко подняла руку со сверткомъ надъ головою и въ одинъ мигъ вскочила на столъ, стоявшій посреди комнаты. Тутъ она быстро развернула свертокъ, и въ ту же минуту изъ-подъ бумаги выгля-

нула старенькая, но красивая коробочка-несессеръ, которою всегда пользовалась при работѣ покойная мамочка и которую почти наканунѣ своей смерти подарила мнѣ. Я очень дорожила этимъ подаркомъ, потому что каждая вещица въ этой коробкѣ напоминала мнѣ мою дорогую. Я обращалась такъ осторожно съ коробочкой, точно она была сдѣлана изъ стекла и могла разбиться каждую минуту. Потому мнѣ было очень тяжело и больно видѣть, какъ безцеремонно рылась въ ней Жюли, швыряя на полъ каждую вещицу изъ несессера.

— Ножницы... игольникъ... наперстокъ... протыкалочки...—перебирала она, то и дѣло выбрасывая одну вещь за другою. — Отлично, все есть... Цѣлое хозяйство... А это что? — и она схватила маленькій портретъ мамочки, находившійся на днѣ несессера.

Я тихо вскрикнула и бросилась къ ней.

— Послушайте... — зашептала я, вся дрожа отъ волненія,—вѣдь это не хорошо... вы не смѣете... Это не ваши... а мои вещи... Не хорошо брать чужое...

— Отвяжись... Не ной!.. — прикрикнула на меня горбунья, и вдругъ зло, жестко разсмѣялась мнѣ въ лицо.—А хорошо отъ меня отнимать было... А? Что ты скажешь на это?—задыхаясь отъ злобы, прошептала она.

— Отнимать? У васъ? Что могу я отнять у васъ?— пораженная до глубины души воскликнула я.

— Ага, не знаешь развѣ? Скажите, пожалуйста, невинность какая! Такъ я тебѣ и повѣрила! Держи карманъ шире! Противная, скверная, нищая дѣвчонка!

Ужъ лучше бы ты не пріѣзжала. Безъ тебя легче-бы было. Все-таки мнѣ раньше не такъ попадало, потому что я жила отдѣльно, не съ противной Нинкой, маминой любимицей, и у меня былъ свой уголокъ. А тутъ... ты пріѣхала и меня въ дѣтскую къ Нинкѣ и къ Баваріи перевели... У-у! Какъ я ненавижу тебя за это, гадкая, противная! Тебя и твой несессеръ, и все, и все!

И говоря это, она широко размахнулась рукою съ маминымъ портретомъ, очевидно желая отправить его туда-же, гдѣ уже нашли себѣ мѣсто игольникъ, ножницы и хорошенькій серебряный наперстокъ, которымъ очень дорожила покойная мамочка.

Я во-время схватила ее за руку.

Тогда горбунья изловчилась и, быстро наклонившись къ моей рукѣ, изо всѣхъ силъ укусила меня за палецъ.

Я громко вскрикнула и отступила назадъ.

Въ ту-же минуту дверь широко распахнулась, и Ниночка стремглавъ влетѣла въ комнату.

— Что? Что такое?—подскочила она ко мнѣ, и тутъ же, замѣтя портретъ въ рукахъ сестры, закричала, нетерпѣливо топая ногою:

— Что это у тебя? Сейчасъ покажи! Покажи сію минуту! Жюлька, покажи!

Но та, вмѣсто портрета, показала сестрѣ языкъ. Ниночка такъ и вскипѣла.

— Ахъ, ты, дрянная горбушка! — вскричала она, бросаясь къ Жюли, и прежде чѣмъ я могла удержать ее, она въ одну минуту очутилась на столѣ рядомъ съ нею.

— Покажи сейчасъ, сію минуту! — кричала она пронзительно.

— И не подумаю, съ чего ты взяла, что я буду показывать, — спокойно возразила горбунья и еще выше подняла руку съ портретомъ.

Тогда произошло что-то совсѣмъ особенное. Ниночка подпрыгнула на столѣ, желая выхватить вещицу изъ рукъ Жюли, столъ не выдержалъ тяжести обѣихъ дѣвочекъ, ножка его подвернулась, и обѣ онѣ съ оглушительнымъ шумомъ полетѣли вмѣстѣ со столомъ на полъ.

Крикъ... стонъ... слезы... вопли.

У Нины кровь льетъ ручьемъ изъ носу и капаетъ на розовый кушакъ и бѣлое платье. Она кричитъ на весь домъ, захлебываясь слезами...

Жюли присмирѣла. У нея тоже ушиблены рука и колѣно. Но она молчитъ и только втихомолку кряхтитъ отъ боли.

На порогѣ комнаты появляется Матильда Францевна, Ѳедоръ, Дуняша, Жоржъ и Толя.

— Остроумно!—тянетъ Жоржъ по своему обыкновенію.

— Что? что случилось?—кричитъ Матильда Францевна, бросаясь почему-то ко мнѣ и тряся меня за руку.

Я съ удивленіемъ смотрю въ ея круглые глаза, не чувствуя ровно никакой вины за собою. И вдругъ взглядъ мой встрѣчается со злымъ, горящимъ, какъ у волчонка, взоромъ Жюли. Въ ту же минуту дѣвочка подходитъ къ гувернанткѣ и говоритъ:

— Матильда Францевна, накажите Лену. Она прибила Ниночку.

Что такое?.. Я едва вѣрю своимъ ушамъ.

— Я? Я прибила?—повторяю я эхомъ.

— А скажешь—не ты!—рѣзко закричала на меня Жюли,—смотри, у Нины кровь идетъ носомъ.

— Велика важность кровь! Три капельки только,—произнесъ съ видомъ знатока Жоржъ, внимательно разслѣдывая припухшій носъ Нины. — Удивительныя эти дѣвчонки, право! И подраться-то какъ слѣдуетъ не умѣютъ. Три капли! Остроумно, нечего сказать!

— Да это неправда все!—начала было я и не докончила моей фразы, такъ какъ костлявые пальцы впились мнѣ въ плечо, и Матильда Францевна потащила меня куда-то изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

Страшная комната. — Черная птица.

Сердитая нѣмка протащила меня черезъ весь коридоръ и втолкнула въ какую-то темную и холодную комнату.

— Сиди здѣсь! — злобно крикнула она, — если не умѣешь вести себя въ дѣтскомъ обществѣ.

И вслѣдъ за этимъ я услышала, какъ щелкнула снаружи задвижка двери и... я осталась одна.

Мнѣ ни чуточки не было страшно. Покойная мамочка пріучила меня не бояться ничего. Но, тѣмъ не менѣе, непріятное ощущеніе остаться одной въ незнакомой, холодной, темной комнатѣ давало себя чувствовать. Но еще больнѣе я чувствовала обиду, жгучую обиду на злыхъ, жестокихъ дѣвочекъ, наклеветавшихъ на меня.

— Мамочка! Родная моя мамулечка, — шептала я, крѣпко сжимая руки, — зачѣмъ ты умерла, мамочка! Если бы ты осталась со мною, никто бы не сталъ мучить твою бѣдную Ленушу.

И слезы невольно текли изъ моихъ глазъ, а сердце билось сильно, сильно...

Понемногу глаза мои стали привыкать къ темнотѣ, и я могла уже различать окружающіе меня предметы: какіе-то ящики и шкапы по стѣнамъ. Вдали смутно бѣлѣлось окошко. Я шагнула по направленію его, какъ вдругъ какой-то странный шумъ привлекъ мое вниманіе. Я невольно остановилась и подняла голову. Что-то большое, круглое, съ двумя горящими во тьмѣ точками, приближалось ко мнѣ по воздуху. Два огромныя крыла отчаянно хлопали надъ моимъ ухомъ. Вѣтромъ пахнуло мнѣ въ лицо отъ этихъ крыльевъ, а горящія точки такъ и приближались съ каждой минутой ко мнѣ.

Я отнюдь не была трусихой, но тутъ невольный ужасъ сковалъ меня. Вся дрожа отъ страха, я ждала приближенія чудовища. И оно приблизилось.

Два блестящіе круглые глаза смотрѣли на меня минуту, другую, и вдругъ—что-то сильно ударило меня по головѣ...

Я громко вскрикнула и безъ чувствъ грохнулась на полъ. . . . . .

. . . . . .

— Скажите, какія нѣжности! Изъ-за всякаго пустяка хлопъ въ обморокъ! Нѣженка какая!—услышала я грубый голосъ, и, съ усиліемъ открывъ глаза, я увидала передъ собой ненавистное лицо Матильды Францевны.

Теперь это лицо было блѣдно отъ испуга, и нижняя губа «Баваріи», какъ ее называлъ Жоржъ, нервно дрожала.

— А гдѣ-же чудовище?—въ страхѣ прошептала я.

— Никакого чудовища и не было! — фыркнула гувернантка, — не выдумывай, пожалуйста. Или ты ужъ такъ глупа, что принимаешь за чудовище обыкновенную ручную сову Жоржа? Филька, иди сюда, глупая птица!—позвала она тоненькимъ голосомъ.

Я повернула голову и при свѣтѣ лампы, должно быть принесенной и поставленной на столъ Матильдой Францевной, увидѣла огромнаго филина съ острымъ хищнымъ носомъ и круглыми глазами, горѣвшими вовсю...

Птица смотрѣла на меня, наклонивъ голову набокъ, съ самымъ живымъ любопытствомъ. Теперь, при свѣтѣ лампы и въ присутствіи гувернантки, въ ней не было ничего страшнаго. По крайней мѣрѣ Матильдѣ Францевнѣ, очевидно, она вовсе не казалась страшной, потому что она, обращаясь ко мнѣ, заговорила спокойнымъ голосомъ, никакого вниманія не обращая на птицу:

— Слушай ты, скверная дѣвчонка,—на этотъ разъ я тебя прощаю, но смѣй мнѣ только еще разъ обидѣть кого-нибудь изъ дѣтей. Тогда я высѣку тебя безъ сожалѣнія... Слышишь?

Высѣчь! Меня—высѣчь?

Покойная мамочка никогда даже не повышала на меня голоса и была постоянно довольна своей Ленушей, а теперь... Мнѣ грозятъ розгами! И за что?.. Я вздрогнула всѣмъ тѣломъ и, оскорбленная до глубины души словами гувернантки, шагнула къ двери

Но несносный голосъ «Баваріи» снова остановилъ меня.

— Ты, пожалуйста, не вздумай насплетничать дядѣ, что испугалась ручной совы и грохнулась въ обморокъ,—сердито, обрывая каждое слово, говорила нѣмка.—Ничего нѣтъ страшнаго въ этомъ, и только такая дурочка, какъ ты, могла испугаться невинной птицы. Ну, нечего мнѣ съ тобой разговаривать больше... Маршъ спать!

Мнѣ оставалось только повиноваться.

Послѣ нашей уютной рыбинской спаленки какой непріятной показалась мнѣ каморка Жюли, въ которой я должна была поселиться!

Бѣдная Жюли! Вѣроятно ей не пришлось устроиться болѣе удобно, если она пожалѣла для меня своего убогаго уголка. Не легко, должно быть, ей живется, убогой бѣднягѣ!

И, совершенно позабывъ о томъ, что ради этой «убогой бѣдняги» меня заперли въ комнату съ совою и обѣщали высѣчь, я жалѣла ее всею душою.

Раздѣвшись и помолясь Богу, я улеглась на узенькую неудобную кроватку и покрылась одѣяломъ. Мнѣ было очень странно видѣть и эту убогую постель, и старенькое одѣяло въ роскошной обстановкѣ моего дяди. И вдругъ смутная догадка мелькнула въ моей головѣ, почему у Жюли бѣдная каморка и плохенькое одѣяло, тогда какъ у Ниночки нарядныя платьица, красивая дѣтская и много игрушекъ. Мнѣ невольно припомнился взглядъ тети Нелли, какимъ она взглянула на горбунью въ минуту ея появленія въ столовой, и

глаза той же тети, обращенные на Ниночку съ такой лаской и любовью.

И я теперь разомъ поняла все: Ниночку любятъ и балуютъ въ семьѣ за то, что она живая, веселая и хорошенькая, а бѣдную калѣку Жюли не любитъ никто.

«Жюлька», «злючка», «горбушка» — припомнились мнѣ невольно названія, данныя ей ея сестрою и братьями.

Бѣдная Жюли! Бѣдная маленькая калѣка! Теперь я окончательно простила маленькой горбуньѣ ея выходку со мною. Мнѣ было безконечно жаль ее.

— Непремѣнно подружусь съ нею,—рѣшила я тутъ же,—докажу ей, какъ нехорошо клеветать и лгать на другихъ, и постараюсь приласкать ее. Она, бѣдняжка, не видитъ ласки! А мамочкѣ какъ хорошо будетъ тамъ, на небѣ, когда она увидитъ, что ея Ленуша отплатила лаской за вражду.

И съ этимъ добрымъ намѣреніемъ я уснула.

Мнѣ снилась въ эту ночь огромная черная птица съ круглыми глазами и лицомъ Матильды Францевны. Птицу звали «Баваріей» и она ѣла розовую пышную башенку, которую подавали на третье къ обѣду. А горбатенькая Жюли непремѣнно хотѣла высѣчь черную птицу за то, что она не желала занять мѣсто кондуктора, Никифора Матвѣича, котораго произвели въ генералы.

ГЛАВА VIII.

Въ гимназіи.—Непріятная встрѣча.—Я—гимназистка.

—ВОТЪ вамъ новая ученица, Анна Владиміровна. Предупреждаю, дѣвочка изъ рукъ вонъ плоха. Возни вамъ будетъ достаточно съ нею. Лжива, груба, драчлива и непослушна. Наказывайте ее почаще. Frau Generalin (генеральша) ничего не будетъ имѣть противъ.

И, закончивъ свою длинную рѣчь, Матильда Францевна окинула меня торжествующимъ взглядомъ.

Но я не смотрѣла на нее. Все мое вниманіе привлекала къ себѣ высокая, стройная дама въ синемъ платьѣ, съ орденомъ на груди, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и молодымъ, свѣжимъ, безъ единой морщинки лицомъ. Ея большіе, ясные, какъ у ребенка, глаза смотрѣли на меня съ нескрываемой грустью.

— Ай-ай-ай, какъ нехорошо, дѣвочка!—произнесла она, покачивая своей сѣдой головою.

И лицо ея въ эту минуту было такое-же кроткое и ласковое, какъ у моей мамочки. Только моя мамочка

была совсѣмъ черненькая, какъ мушка, а синяя дама вся сѣдая. Но лицомъ она казалась не старше мамочки и странно напоминала мнѣ мою дорогую.

— Ай-ай-ай!—повторила она безъ всякаго гнѣва,— и не стыдно тебѣ, дѣвочка?

Ахъ, какъ мнѣ было стыдно! Мнѣ хотѣлось заплакать, такъ мнѣ было стыдно. Но не отъ сознанія своей виновности,—я не чувствовала никакой вины за собою,—а потому только, что меня оклеветали передъ этой милой ласковой начальницею гимназіи, такъ живо напомнившей мнѣ мою мамочку.

Мы всѣ трое, Матильда Францевна, Жюли и я, пришли въ гимназію вмѣстѣ. Маленькая горбунья побѣжала въ классы, а меня задержала начальница гимназіи Анна Владиміровна Чирикова. Ей-то и рекомендовала меня злая «Баварія» съ такой нелестной стороны.

— Вѣрите-ли, — продолжала Матильда Францевна разсказывать начальницѣ, — всего только сутки, какъ водворили у насъ въ домѣ эту дѣвочку, — тутъ она мотнула головой въ мою сторону,—а уже столько она набѣдокурила, что сказать нельзя!

И начался долгій перечетъ всѣхъ моихъ продѣлокъ. Тутъ ужъ я не выдержала больше. Слезы разомъ навернулись мнѣ на глаза, я закрыла лицо руками и громко зарыдала.

— Дитя! Дитя! Что съ тобою?—послышался надо мной милый голосъ синей дамы. — Слезы тутъ не помогутъ, дѣвочка, надо стараться исправиться... Не плачь-же, не плачь! — и она нѣжно гладила меня по головкѣ своей мягкой бѣлой рукою.

Не знаю, что сталось со мною въ эту минуту, но я быстро схватила ея руку и поднесла къ губамъ. Начальница смѣшалась отъ неожиданности, потомъ быстро обернулась въ сторону Матильды Францевны и сказала:

— Не безпокойтесь, мы поладимъ съ дѣвочкой. Передайте генералу Иконину, что я принимаю ее.

— Но помните, уважаемая Анна Владиміровна, — скрививъ многозначительно губы, произнесла «Баварія», — Елена заслуживаетъ строгаго воспитанія. Какъ можно чаще наказывайте ее.

— Я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ,—холодно проговорила начальница, — у меня своя собственная метода воспитывать дѣтей.

И чуть замѣтнымъ кивкомъ головы она дала понять нѣмкѣ, что она можетъ оставить насъ однѣхъ.

«Баварія» нетерпѣливымъ жестомъ обдернула свою клѣтчатую тальму и, погрозивъ мнѣ многозначительно пальцемъ на прощанье, исчезла за дверью.

Когда мы остались вдвоемъ, моя новая покровительница подняла мою голову и, держа мое лицо своими нѣжными руками, проговорила тихимъ, въ душу вливающимся голосомъ:

— Я не могу вѣрить, дѣвочка, чтобы ты была такою.

И снова глаза мои наполнились слезами.

— Нѣтъ! нѣтъ! Я не такая, нѣтъ!—вырвалось со стономъ и крикомъ изъ моей груди и я, рыдая, бросилась на грудь начальницы.

Она дала мнѣ время выплакаться хорошенько, потомъ, поглаживая меня по головѣ, заговорила:

— Ты поступишь въ младшій классъ. Экзаменовать тебя теперь не будемъ; дадимъ тебѣ оправиться немного. Сейчасъ ты пойдешь въ классъ знакомиться съ твоими новыми подругами. Я не стану провожать тебя: ступай одна. Дѣти сближаются лучше безъ помощи старшихъ. Постарайся быть умницей и я буду любить тебя. Хочешь, чтобы я тебя любила, дѣвочка?

— О-о! — могла только выговорить я, глядя съ восхищеніемъ въ ея кроткое, прекрасное лицо.

— Ну, смотри-же, — покачала она головою, — а теперь ступай въ классъ. Твое отдѣленіе первое направо по коридору. Торопись; учитель уже пришелъ.

Я молча поклонилась и пошла къ дверямъ. У порога я оглянулась, чтобы еще разъ увидѣть милое молодое лицо и сѣдые волосы начальницы. И она смотрѣла на меня.

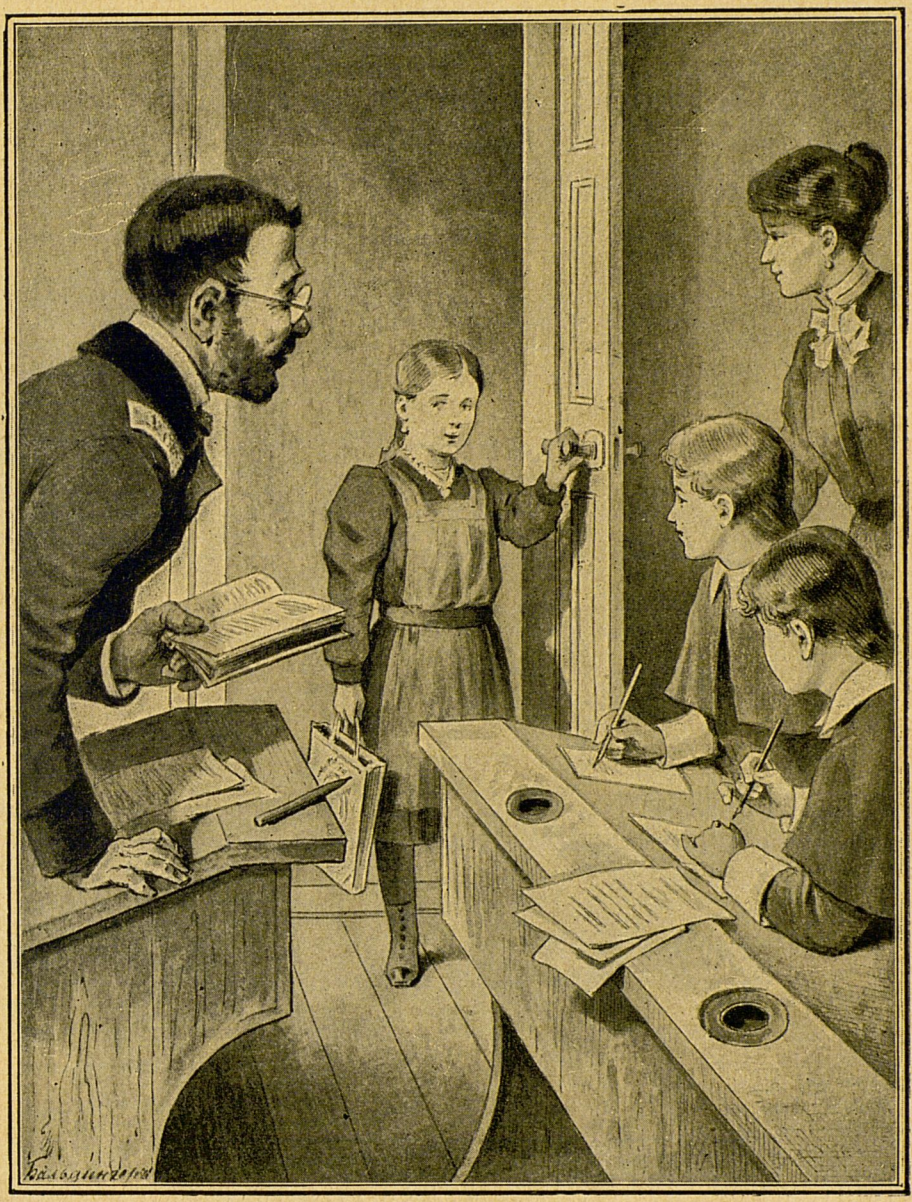
— Ступай съ Богомъ, дѣвочка! Твоя кузина Юлія Иконина познакомитъ тебя съ классомъ.

И кивкомъ головы г-жа Чирикова отпустила меня.

. . . . . .

«Первая дверь направо! Первая дверь»...

Я съ недоумѣніемъ оглядывалась вокругъ себя, стоя въ длинномъ свѣтломъ коридорѣ, по обѣ стороны котораго тянулись двери съ прибитыми черными дощечками надъ ними. На черныхъ дощечкахъ написаны цифры, обозначающія названіе класса, находящагося за дверью.



Дѣвочки повернули ко мнѣ свои головки...

Ближайшая дверь и черная дощечка надъ нею принадлежали I-му или младшему классу. Я храбро приблизилась къ двери и открыла ее.

Тридцать или около этого числа дѣвочекъ сидятъ на скамейкахъ за покатыми столиками въ видѣ пюпитровъ. Ихъ по двѣ на каждой скамейкѣ и всѣ онѣ записываютъ что-то въ синихъ тетрадкахъ. На высокой каѳедрѣ сидитъ черноволосый господинъ въ очкахъ, съ подстриженною бородою и вслухъ читаетъ что-то. У противоположной стѣны, за маленькимъ столикомъ какая-то тощая дѣвушка, черненькая, съ желтымъ цвѣтомъ лица, съ косыми глазами, вся въ веснушкахъ, съ жиденькой косичкой, заложенной на затылкѣ, вяжетъ чулокъ, быстро, быстро двигая спицами.

Лишь только я появилась на порогѣ, какъ всѣ тридцать дѣвочекъ, какъ по командѣ, повернули ко мнѣ свои бѣлокурыя, черненькія и рыжія головки. Тощая барышня съ косыми глазами безпокойно завертѣлась на своемъ мѣстѣ. Высокій господинъ съ бородою, въ очкахъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ, на возвышеніи, пристальнымъ взоромъ окинулъ меня съ головы до ногъ и произнесъ, обращаясь ко всему классу и глядя поверхъ очковъ:

— Новенькая?

И рыженькія, и черненькія, и бѣленькія дѣвочки прокричали хоромъ на разные голоса:

— Новенькая, Василій Васильевичъ!

— Иконина вторая!

— Сестра Юліи Икониной.

— Вчера только пріѣхала изъ Рыбинска.

— Изъ Костромы!

— Изъ Ярославля!

— Изъ Іерусалима!

— Изъ Южной Америки!

— Молчать! — кричала, надрываясь, тощая барышня въ синемъ платьѣ.

Учитель, котораго дѣти назвали Василій Васильевичъ, зажалъ уши, потомъ разжалъ ихъ и спросилъ:

— А кто изъ васъ можетъ сказать, когда благовоспитанныя дѣвицы бываютъ курицами?

— Когда онѣ кудахчутъ! — бойко отвѣтила съ передней скамейки розовенькая бѣлокурая дѣвочка съ веселыми глазками и вздернутымъ пуговицеобразнымъ носикомъ.

— Именно-съ, — отвѣтилъ учитель, — и я прошу оставить ваше кудахтанье по этому случаю. Новенькая,—обратился онъ ко мнѣ, — вы сестра или кузина Икониной?

— Кузина,—хотѣла отвѣтить я, но въ эту минуту съ одной изъ ближайшихъ скамеекъ поднялась блѣдная Жюли и произнесла сухо:

— Я, Василій Васильевичъ, не хочу считать ее ни сестрой, ни кузиной.

— Это почему-же? Почему такая немилость?—изумился тотъ.

— Потому, что она лгунья и драчунья!—крикнула со своего мѣста бѣлокурая дѣвочка съ веселыми глазками.

— А вы почемъ знаете, Соболева? — перевелъ на нее глаза учитель.

— Мнѣ Иконина говорила. И всему классу говорила то же, — бойко отвѣчала живая Соболева.

— Недурно,—усмѣхнулся учитель.—Хорошо-же вы отрекомендовали кузину, Иконина. Нечего сказать! Откровенно! Да, я бы на вашемъ мѣстѣ, если-бы это и было такъ, скрылъ отъ подругъ, что у васъ кузина драчунья, а вы точно хвастаетесь этимъ. Стыдно выносить соръ изъ избы! И потомъ... Странно, но эта худенькая дѣвочка въ траурномъ платьицѣ не имѣетъ вида драчуньи. Такъ-ли я говорю, а, Иконина вторая?

Вопросъ былъ обращенъ прямо ко мнѣ. Я знала, что мнѣ надо было отвѣтить, и не могла. Въ странномъ смущеніи стояла я у дверей класса, упорно смотря въ полъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Не смущайтесь! — ласковымъ голосомъ обратился ко мнѣ учитель. — Садитесь на мѣсто и пишите диктовку... Жебелева, дайте тетрадку и перо новенькой. Она сядетъ съ вами,—скомандовалъ учитель.

При этихъ словахъ съ сосѣдней скамейки поднялась черненькая, какъ мушка, дѣвочка съ маленькими глазами и тоненькой косичкой. У нея было недоброе лицо и очень тонкія губы.

— Садитесь! — довольно-таки нелюбезно бросила она въ мою сторону и, подвинувшись немного, дала мнѣ мѣсто около себя.

Учитель уткнулся въ книгу и черезъ минуту въ классѣ попрежнему стало тихо.

Василій Васильевичъ повторялъ одну и ту-же фразу нѣсколько разъ и потому было очень легко писать подъ его диктовку. Покойная мамочка сама занималась со мною русскимъ языкомъ и ариѳметикой. Я была очень прилежна и для моихъ девяти лѣтъ писала довольно сносно. Сегодня-же я съ особеннымъ усердіемъ выводила буквы, стараясь угодить обласкавшему меня учителю, и очень красиво и правильно исписала цѣлую страницу.

— Точка. Довольно. Жукова, соберите тетради,— приказалъ учитель.

Худенькая востроносенькая дѣвочка — моя сверстница—стала обходить скамейки и собирать тетради въ одну общую груду.

Василій Васильевичъ отыскалъ мою тетрадку и, быстро раскрывъ ее, сталъ просматривать прежде всѣхъ остальныхъ тетрадей.

— Браво, Иконина, браво! Ни одной ошибки и написано чисто и красиво,—произнесъ онъ веселымъ голосомъ.

Въ тотъ же мигъ раздался рѣзкій голосъ съ послѣдней скамейки:

— Я очень стараюсь, г. учитель, не мудрено, что вы довольны моей работой! — произнесла на весь классъ моя кузина Жюли.

— Ахъ, это вы, Иконина первая? Нѣтъ, это не вами я доволенъ, а работой вашей кузины, — поторопился пояснить учитель.

И тутъ же, увидя, какъ покраснѣла дѣвочка, онъ успокоилъ ее:

— Ну, ну, не смущайтесь, барышня. Можетъ быть, ваша работа еще лучше окажется. — И онъ быстро отыскалъ ея тетрадь въ общей грудѣ, поспѣшно раскрылъ ее и пробѣжалъ написанное и... всплеснулъ руками, потомъ быстро повернулъ къ намъ тетрадку Жюли раскрытой страницей и, высоко поднявъ ее надъ головою, вскричалъ, обращаясь ко всему классу:

— Что это, дѣвицы? Диктовка ученицы или шалость разрѣзвившагося пѣтушка, который опустилъ лапку въ чернила и нацарапалъ эти каракульки?

Вся страница тетради Жюли была испещрена крупными и мелкими кляксами. Классъ смѣялся. Тощая барышня, оказавшаяся, какъ я узнала потомъ, классной дамой, всплеснула руками, а Жюли стояла у своего пюпитра съ угрюмо сдвинутыми бровями и злымъ-презлымъ лицомъ. Ей, казалось, вовсе не было стыдно, — она только злилась. А учитель между тѣмъ продолжалъ разсматривать исписанную каракулями страницу и считалъ:

— Одна... двѣ... три ошибки... четыре... пять... десять... пятнадцать... двадцать... Недурно, въ десяти строкахъ — двадцать ошибокъ. Стыдитесь, Иконина первая! Вы старше всѣхъ и пишете хуже всѣхъ. Берите примѣръ съ вашей младшей кузины! Стыдно, очень стыдно!

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но въ эту минуту прозвучалъ звонокъ, извѣщавшій объ окончаніи урока.

Всѣ дѣвочки разомъ встрепенулись и повскакали съ мѣстъ. Учитель сошелъ съ каѳедры, поклонился классу въ отвѣтъ на дружное присѣданіе дѣвочекъ, пожалъ руку классной дамѣ и исчезъ за дверью.

ГЛАВА VIII.

Травля. — Японка. — Единица.

— Ты, какъ тебя, Дракуньина!..

— Нѣтъ, Лгунишкина...

— Нѣтъ, Крикунова...

— Ахъ, просто она Подлизова!

— Да, да, именно Подлизова... Отвѣчай-же, какъ тебя зовутъ?

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Ей лѣтъ, дѣвочки, много! Ей сто лѣтъ. Она бабушка! Видите, какая она сгорбившаяся да съежившаяся. Бабушка, бабушка, гдѣ твои внучки?

И веселая, живая какъ ртуть, Соболева изо всей силы дернула меня за косичку.—Ай!—невольно вырвалось у меня.

— Ага! Знаешь, гдѣ птичка «ай» живетъ!—захохотала во весь голосъ шалунья, въ то время, какъ другія дѣвочки плотнымъ кругомъ обступили меня со всѣхъ сторонъ. У всѣхъ у нихъ были недобрыя лица. Черные, сѣрые, голубые и каріе глазки смотрѣли на меня, поблескивая сердитыми огоньками.

— Да что это, языкъ у тебя отнялся, что-ли! — вскричала черненькая Жебелева, — или ты такъ заважничала, что и не хочешь говорить съ нами?

— Да какъ-же ей не гордиться: ее самъ Яшка отличилъ! Всѣмъ намъ въ примѣръ ставилъ. Всѣмъ старымъ ученицамъ — новенькую. Срамъ! Позоръ! Осрамилъ насъ Яшка! — кричала хорошенькая блѣдная хрупкая дѣвочка по фамиліи Ивина — отчаяннѣйшая шалунья въ классѣ и сорви-голова, какъ я узнала впослѣдствіи.

— Срамъ! Позоръ! Правда, Ивина! Правда! — подхватили въ одинъ голосъ всѣ дѣвочки.

— Травить Яшку! Извести его за это хорошенько! Въ слѣдующій же урокъ затопить ему баню! — кричали въ одномъ углу. — Истопить баню! Непремѣнно баню! — кричали въ другомъ.

— Новенькая, смотри, если ты не будешь для Яшки бани топить, мы тебя изживемъ живо! — звенѣло въ третьемъ.

Я ровно ничего не понимала, что говорили дѣвочки, и стояла оглушенная, пришибленная. Слова «Яшка», «истопить баню», «травить» мнѣ были совершенно непонятны.

— Только, смотри, не выдавать, не по-товарищески это! Слышишь! — подскочила ко мнѣ толстенькая, кругленькая, какъ шарикъ, дѣвочка, Сонечка Рошъ. — А то берегись!

— Берегись! Берегись! Если выдашь, мы тебя сами травить будемъ! Смотри!

— Неужели, mesdam'очки, вы думаете, что она

не выдастъ? Ленка-то? Да она васъ всѣхъ съ головой подведетъ, чтобы самой отличиться. «Вотъ, молъ, я какая умница, одна среди нихъ!»

Я подняла глаза на говорившую. По блѣдному лицу Жюли было видно, что она злилась. Глаза ея злобно горѣли, губы кривились.

Я хотѣла ей отвѣтить и не могла. Дѣвочки со всѣхъ сторонъ надвинулись на меня, крича и угрожая. Лица ихъ разгорѣлись. Глаза сверкали.

— Не смѣй выдавать! Слышишь? Не смѣй, а то мы тебѣ покажемъ, гадкая дѣвчонка!—кричали онѣ.

Новый звонокъ, призывающій къ классу ариѳметики, заставилъ ихъ живо отхлынуть и занять свои мѣста. Только шалунья Ивина никакъ не хотѣла угомониться сразу.

— Г-жа Драчуникова, извольте садиться. Тутъ не полагается колясокъ, которыя отвезли бы васъ на ваше мѣсто!—кричала она.

— Ивина, не забывайте, что вы въ классѣ,—прозвучалъ рѣзкій голосъ классной дамы.

— Не забуду, m-lle! — самымъ невиннымъ тономъ произнесла шалунья и потомъ добавила какъ ни въ чемъ не бывало:

— Это неправда вѣдь, m-lle, что вы японка и пріѣхали къ намъ сюда прямо изъ Токіо?

— Что? что такое?—такъ и подскочила на мѣстѣ тощая барышня.—Какъ ты смѣешь говорить такъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не безпокойтесь, m-lle, я также знаю, что неправда. Мнѣ сегодня до урока старшая воспитанница Окунева говоритъ: «Знаешь, Ивушка,

вѣдь ваша Зоя Ильинишна—японская шпіонка, я это знаю навѣрное... и...

— Ивина, не дерзи!

— Ей Богу же, это не я сказала, m-lle, а Окунева I-го класса. Вы ее и браните. Она говорила еще, что васъ сюда прислали, чтобы...

— Ивина! Еще одно слово — и ты будешь наказана! — окончательно вышла изъ себя классная дама.

— Да вѣдь я повторяю только то, что Окунева говорила. Я молчала и слушала...

— Ивина, становись къ доскѣ! Сію же минуту! я тебя наказываю.

— Тогда и Окуневу тоже накажите. Она говорила, а я слушала. Нельзя же наказывать за то только, что человѣку даны уши... Господи, какія мы несчастныя, право, то-есть тѣ, которыя слышатъ, — не унималась шалунья, въ то время какъ остальныя дѣвочки фыркали отъ смѣха.

Дверь широко распахнулась и въ классъ ввалился кругленькій человѣчекъ съ огромнымъ животомъ и съ такимъ счастливымъ выраженіемъ лица, точно ему только что довелось узнать что-то очень пріятное.

— Ивина сторожитъ доску! Прекрасно!—произнесъ онъ, потирая свои пухлыя маленькія ручки. — Опять нашалила? — лукаво прищуриваясь, произнесъ кругленькій человѣчекъ, котораго звали Адольфомъ Ивановичемъ Шарфомъ и который былъ учителемъ ариѳметики въ классѣ маленькихъ.

— Я наказана за то только, что у меня есть уши и что я слышу то, что не нравится Зоѣ Ильинишнѣ,—

капризнымъ голосомъ протянула шалунья Ивина, дѣлая видъ, какъ будто она плачетъ.

— Скверная дѣвчонка! — произнесла Зоя Ильинишна, и я видѣла, какъ она вся дрожала отъ волненія и гнѣва.

Мнѣ было сердечно жаль ее. Правда, она не казалась ни доброй, ни симпатичной, но и Ивина отнюдь не была добра: она мучила бѣдную дѣвушку, и мнѣ было очень жаль послѣднюю.

Между тѣмъ кругленькій Шарфъ задалъ намъ ариѳметическую задачу и весь классъ принялся за нее. Потомъ онъ вызывалъ дѣвочекъ по-очереди къ доскѣ до окончанія урока.

Слѣдующій классъ былъ батюшкинъ. Строгій на видъ, даже суровый, священникъ говорилъ отрывисто и быстро. Было очень трудно поспѣвать за нимъ, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ Ной построилъ ковчегъ и поплылъ со своимъ семействомъ по огромному океану, въ то время, какъ всѣ остальные люди погибли за грѣхи. Дѣвочки невольно присмирѣли, слушая его. Потомъ батюшка сталъ вызывать дѣвочекъ по-очереди на середину класса и спрашивалъ заданное.

Была вызвана и Жюли.

Она стала вся красная, когда батюшка назвалъ ея фамилію, потомъ поблѣднѣла и не могла произнести ни слова.

Жюли не выучила урока.

Батюшка взглянулъ на Жюли, потомъ на журналъ, который лежалъ передъ нимъ на столѣ, затѣмъ обмак-

нулъ перо въ чернила и поставилъ Жюли жирную, какъ червякъ, единицу.

— Стыдно плохо учиться, а еще генеральская дочка!—сердито произнесъ батюшка.

Жюли присмирѣла.

Въ двѣнадцать часовъ дня урокъ Закона Божія кончился и началась большая перемѣна, то-есть свободное время до часу, въ которое гимназистки завтракали и занимались чѣмъ хотѣли. Я нашла въ своей сумкѣ бутербродъ съ мясомъ, приготовленный мнѣ заботливой Дуняшей, единственнымъ человѣкомъ, который хорошо относился ко мнѣ. Я ѣла бутербродъ и думала, какъ мнѣ тяжело будетъ жить на свѣтѣ безъ мамочки, и почему я такая несчастная, почему я не сумѣла сразу заставить полюбить меня, и почему дѣвочки были такія злыя со мною.

Впрочемъ, во время большой перемѣны онѣ такъ занялись своимъ завтракомъ, что забыли обо мнѣ. Ровно въ часъ пришла француженка, m-lle Mercioł, и мы читали съ нею басни. Потомъ худой, какъ вѣшалка длинный, нѣмецкій учитель дѣлалъ намъ нѣмецкую диктовку — и только въ два часа звонокъ возвѣстилъ намъ, что мы свободны.

Какъ стая встряхнувшихся птичекъ, бросился весь классъ вразсыпную къ большой прихожей, гдѣ дѣвочекъ ждали уже ихъ матери, сестры, родственницы или просто прислуга, чтобы вести домой.

За нами съ Жюли явилась Матильда Францевна, и подъ ея начальствомъ мы отправились домой.

ГЛАВА IX.

Филька пропалъ.—Меня хотятъ наказать.

Опять зажгли громадную висячую люстру въ столовой и поставили свѣчи на обоихъ концахъ длиннаго стола. Опять неслышно появился Федоръ, съ салфеткой въ рукахъ, и объявилъ, что кушать подано. Это было на пятый день моего пребыванія въ домѣ дяди. Тетя Нелли, очень нарядная и очень красивая, вошла въ столовую и заняла свое мѣсто. Дяди не было дома: онъ долженъ былъ сегодня пріѣхать очень поздно. Всѣ мы собрались въ столовой, только Жоржа не было.

— Гдѣ Жоржъ?— спросила тетя, обращаясь къ Матильдѣ Францевнѣ.

Та ничего не знала.

И вдругъ, въ эту самую минуту, Жоржъ, какъ ураганъ, ворвался въ комнату и съ громкими криками бросился на грудь матери.

Онъ ревѣлъ на весь домъ, всхлипывая и причитая. Все его тѣло вздрагивало отъ рыданій. Жоржъ умѣлъ

только дразнить сестеръ и брата и «остроумить», какъ говорила Ниночка, и потому было ужасно странно видѣть его самого въ слезахъ.

— Что? Что такое? Что случилось съ Жоржемъ?— спрашивали всѣ въ одинъ голосъ.

Но онъ долго не могъ успокоиться.

Тетя Нелли, которая никогда не ласкала ни его, ни Толю, говоря, что мальчикамъ ласка не приноситъ пользы, а что ихъ слѣдуетъ держать строго, — въ этотъ разъ нѣжно обняла его за плечи и притянула къ себѣ.

— Что съ тобою? да говори же, Жоржикъ! — самымъ ласковымъ голосомъ просила она сына.

Нѣсколько минутъ еще продолжалось всхлипываніе. Наконецъ, Жоржъ выговорилъ, съ большимъ трудомъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— Филька пропалъ... мама... Филька...

— Какъ? Что? Что такое?

Всѣ разомъ заахали и засуетились. Филька — это былъ никто иной, какъ сова, напугавшая меня въ первую ночь моего пребыванія въ домѣ дяди.

— Филька пропалъ? Какъ? Какимъ образомъ?

Но Жоржъ ничего не зналъ. И мы знали не больше его. Филька жилъ всегда, со дня своего появленія въ домѣ (то-есть съ того дня, какъ дядя привезъ его однажды, возвратившись съ пригородной охоты), въ большой кладовой, куда входили очень рѣдко, въ опредѣленные часы и куда самъ Жоржъ являлся аккуратно два раза въ день, чтобы кормить Фильку сырымъ мясомъ и подрессировать его на свободѣ. Онъ просижи-

валъ долгіе часы въ гостяхъ у Фильки, котораго любилъ, кажется, гораздо больше родныхъ сестры и брата. По крайней мѣрѣ, Ниночка увѣряла всѣхъ въ этомъ.

И вдругъ, — Филька пропалъ!

Тотчасъ послѣ обѣда всѣ принялись за поиски Фильки. Только Жюли и меня отправили въ дѣтскую учить уроки.

Лишь только мы остались однѣ, Жюли сказала:

— А я знаю гдѣ Филька!

Я подняла на нее глаза, недоумѣвая.

— Я знаю гдѣ Филька!—повторила горбунья.

— Это хорошо...—неожиданно заговорила она, задыхаясь, что съ нею было постоянно, когда она волновалась,—это очень даже хорошо. Жоржъ мнѣ сдѣлалъ гадость, а у него пропалъ Филька... Очень, очень даже хорошо!

И она торжествующе хихикала, потирая руки.

Тутъ мнѣ разомъ припомнилась одна сцена — и я поняла все.

Въ тотъ день, когда Жюли получила единицу за Законъ Божій, дядя былъ въ очень дурномъ настроеніи. Онъ получилъ какое-то непріятное письмо и ходилъ блѣдный и недовольный весь вечеръ. Жюли, боясь, что ей достанется больше, нежели въ другомъ случаѣ, попросила Матильду Францевну не говорить въ этотъ день объ ея единицѣ, и та обѣщала. Но Жоржъ не выдержалъ и нечаянно или нарочно объявилъ во всеуслышаніе за вечернимъ чаемъ:

— А Жюли получила колъ изъ Закона Божія!

Жюли наказали. И въ тотъ-же вечеръ, ложась спать, Жюли погрозила кому-то кулаками, лежа уже въ постели (я зашла въ эту минуту случайно въ ихъ комнату), и сказала:

— Ну, ужъ я ему припомню за это. Онъ у меня попляшетъ!..

И она припомнила — на Филькѣ. Филька исчезъ. Но какъ? Какъ и куда могла маленькая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка спрятать птицу, — этого я угадать не могла.

— Жюли! зачѣмъ ты сдѣлала это? — спросила я, когда мы вернулись въ классную послѣ обѣда.

— Что сдѣлала?—такъ и встрепенулась горбунья.

— Куда ты дѣла Фильку?

— Фильку? Я? Я дѣла?—вскричала она, вся блѣдная и взволнованная.—Да ты съ ума сошла! Я не видѣла Фильки. Убирайся, пожалуйста...

— А зачѣмъ-же ты... — начала я и не докончила.

Дверь широко распахнулась и Матильда Францевна, красная, какъ піонъ, влетѣла въ комнату.

— Очень хорошо! Великолѣпно! Воровка! Укрывательница! Преступница! — грозно потрясая руками въ воздухѣ, кричала она.

И прежде, чѣмъ я успѣла произнести хоть слово, она схватила меня за плечи и потащила куда-то.

Передо мною замелькали знакомые коридоры, шкапы, сундуки и корзины, стоявшіе тамъ по стѣнамъ. Вотъ и кладовая. Дверь широко распахнута въ коридоръ. Тамъ стоятъ тетя Нелли, Ниночка, Жоржъ, Толя...

— Вотъ! Я привела виновную! — торжествующе вскричала Матильда Францевна и толкнула меня въ уголъ.

Тутъ я увидѣла небольшой сундучекъ и въ немъ распростертую на днѣ мертвую Фильку. Сова лежала, широко распластавъ крылья и уткнувшись клювомъ въ доску сундука. Должно быть она задохлась въ немъ отъ недостатка воздуха, потому что клювъ ея былъ широко раскрытъ, а круглые глаза почти вылѣзли изъ орбитъ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣла на тетю Нелли.

— Что это такое?—спросила я.

— И она еще спрашиваетъ! — вскричала или, вѣрнѣе, взвизгнула «Баварія». — И она еще осмѣливается спрашивать—она, неисправимая притворщица!— кричала она на весь домъ, размахивая руками, какъ вѣтреная мельница своими крыльями.

— Я ни въ чемъ не виновата! Увѣряю васъ! — произнесла я тихо.

— Не виновата! — произнесла тетя Нелли и прищурила на меня свои холодные глаза. — Жоржъ, кто по-твоему спряталъ сову въ ящикъ? — обратилась она къ старшему сыну.

Жоржъ мелькомъ взглянулъ на меня.

— Конечно, Мокрица,—произнесъ онъ увѣреннымъ голосомъ.—Филька напугалъ ее тогда ночью!.. и вотъ она въ отместку за это... Очень остроумно...—и онъ снова захныкалъ.

— Конечно, Мокрица!—подтвердила его слова Ниночка.

Меня точно варомъ обдало. Я стояла, ровно ничего не понимая. Меня обвиняли и въ чемъ-же? Въ чемъ я совсѣмъ, совсѣмъ не была виновата.

Одинъ Толя молчалъ. Глаза его были широко раскрыты, а лицо побѣлѣло, какъ мѣлъ. Онъ держался за платье своей матери и не отрываясь смотрѣлъ на меня.

Я снова взглянула на тетю Нелли и не узнала ея лица. Всегда спокойное и красивое, оно какъ-то подергивалось, въ то время, когда она говорила.

— Вы правы, Матильда Францевна. Дѣвочка неисправима. Надо попробовать наказать ее чувствительно. Распорядитесь пожалуйста. Пойдемте, дѣти,— произнесла она, обращаясь къ Нинѣ, Жоржу и Толѣ.

И, взявъ младшихъ за руки, вывела ихъ изъ кладовой.

На минуту въ кладовую заглянула Жюли. У нея было совсѣмъ уже блѣдное, взволнованное лицо, и губы ея дрожали, точь-въ-точь какъ у Толи.

Я взглянула на нее умоляющими глазами.

— Жюли!—вырвалось изъ моей груди, — вѣдь ты знаешь, что я не виновата. Скажи-же это.

Но Жюли ничего не сказала, повернулась на одной ножкѣ и исчезла за дверью.

Въ ту-же минуту Матильда Францевна высунулась за порогъ и крикнула:

— Дуняша! Розогъ!

Я похолодѣла. Липкій потъ выступилъ у меня на лбу. Что-то клубкомъ подкатило къ груди и сжало горло.

Меня? высѣчь! Меня—мамочкину Леночку, которая была всегда такой умницей въ Рыбинскѣ, на которую всѣ не нахвалились?.. И за что? за что?

Не помня себя, я кинулась на колѣни передъ Матильдой Францевной и, рыдая, покрывала поцѣлуями ея руки съ костлявыми крючковатыми пальцами.

— Не наказывайте меня! Не бейте! — кричала я изступленно.—Ради Бога, не бейте! Мамочка никогда не наказывала меня. Пожалуйста. Умоляю васъ! Ради Бога!

Но Матильда Францевна и слышать ничего не хотѣла. Въ ту-же минуту просунулась въ дверь рука Дуняши съ какимъ-то отвратительнымъ пучкомъ. Лицо у Дуняши было все залито слезами. Очевидно, доброй дѣвушкѣ было жаль меня.

— А-а, отлично! — прошипѣла Матильда Францевна и почти вырвала розги изъ рукъ горничной. Потомъ подскочила ко мнѣ, схватила меня за плечи и изо всей силы бросила на одинъ изъ сундуковъ, стоявшихъ въ комнатѣ.

Голова у меня закружилась сильнѣе... Во рту стало горько и какъ-то холодно за-разъ. И вдругъ...

— Не смѣйте трогать Лену! Не смѣйте! — прозвенѣлъ надъ моей головой чей-то дрожащій голосъ.

Я быстро вскочила на ноги. Точно что-то подняло меня. Передо мной стоялъ Толя. По его дѣтскому личику катились крупныя слезы. Воротникъ курточки съѣхалъ на сторону. Онъ задыхался. Видно, что мальчикъ спѣшилъ сюда, сломя голову.

— M-lle, не смѣйте сѣчь Лену! — кричалъ онъ внѣ себя,—Лена сиротка, у нея мама умерла... Грѣхъ обижать сиротокъ! Лучше меня высѣките. Лена не трогала Фильку! Правда-же не трогала! Ну, что хотите сдѣлайте со мною, а Лену оставьте!

Онъ весь трясся, весь дрожалъ; все его тоненькое тѣльце ходуномъ-ходило подъ бархатнымъ костюмомъ, а изъ голубыхъ глазенокъ текли все новые и новые потоки слезъ.

— Толя! Сейчасъ замолчи! Слышишь, сію-же минуту перестань ревѣть! — прикрикнула на него гувернантка.

— А вы не будете Лену трогать? — всхлипывая, прошепталъ мальчикъ.

— Не твое дѣло! Ступай въ дѣтскую! — снова закричала «Баварія» и взмахнула надо мною отвратительнымъ пучкомъ прутьевъ.

Но тутъ случилось то, чего не ожидала ни я, ни она, ни самъ Толя: глаза у мальчика закатились, слезы разомъ остановились, и Толя, сильно пошатнувшись, изо всѣхъ силъ грохнулся въ обморокѣ на полъ.

Поднялся крикъ, шумъ, бѣготня, топотъ.

Гувернантка бросилась къ мальчику, подхватила его на руки и понесла куда-то. Я осталась одна, ничего не понимая, ни о чемъ не соображая въ первую минуту. Я была очень благодарна милому мальчику за то, что онъ спасъ меня отъ позорнаго наказанія, и въ то-же время я готова была быть высѣченной противной «Баваріей», лишь-бы Толя остался здоровъ.

Размышляя такимъ образомъ, я присѣла на край сундука, стоявшаго въ кладовой, и сама не знаю какъ, но сразу заснула, измученная перенесенными волненіями.

ГЛАВА X.

Маленькій другъ и ливерная колбаса.

— Тс! Ты не спишь, Леночка?

Что такое?—я въ недоумѣніи открываю глаза. Гдѣ я? Что со мною?

Лунный свѣтъ льется въ кладовую черезъ маленькое окошко, и въ этомъ свѣтѣ я вижу маленькую фигурку, которая тихо прокрадывается ко мнѣ.

На маленькой фигуркѣ длинная бѣлая сорочка, въ какихъ рисуютъ ангеловъ, и лицо у фигурки настоящее лицо ангелочка—бѣленькое, бѣленькое, какъ сахаръ. Но то, что фигурка принесла съ собою и протягивала мнѣ своей крошечной лапкой, никогда не принесетъ ни одинъ ангелъ. Это «что-то»—не что иное, какъ огромный кусокъ толстой ливерной колбасы.

— Ѣшь, Леночка! — слышится мнѣ тихій шопотъ, въ которомъ я узнаю голосокъ моего недавняго защитника Толи,—ѣшь, пожалуйста. Ты ничего еще не кушала съ обѣда. Я подождалъ, когда они всѣ уля-

Я вижу маленькую фигурку...

гутся, и «Баварія» также, пошелъ въ столовую и принесъ тебѣ колбасу изъ буфета.

— Но вѣдь ты былъ въ обморокѣ, Толечка!—удивилась я,—какъ-же тебя пустили сюда?

— Никто и не думалъ меня пускать. Вотъ смѣшная дѣвочка! Я самъ пошелъ. Баварія уснула, сидя у моей постели, а я къ тебѣ... Ты не думай... Вѣдь со мной часто это случается. Вдругъ голова закружится, и бухъ!!! Я люблю, когда со мною это бываетъ. Тогда Баварія пугается, бѣгаетъ и плачетъ. Я люблю, когда она пугается и плачетъ, потому что тогда ей больно и страшно. Я ее ненавижу, Баварію, да! А тебя... тебя...

Тутъ шопотъ оборвался разомъ, и вмигъ двѣ маленькія захолодѣвшія ручонки обвили мою шею, и Толя, тихо всхлипывая и прижимаясь ко мнѣ, зашепталъ мнѣ на ухо:

— Леночка! Милая! Добрая! Хорошая! Прости ты меня, ради Бога... Я былъ злой, нехорошій мальчишка. Я тебя дразнилъ. Помнишь? Ахъ, Леночка! А теперь, когда тебя мамзелька выдрать хотѣла, я разомъ понялъ, что ты хорошая, и ни въ чемъ не виновата. И такъ мнѣ жалко тебя стало, бѣдную сиротку!

Тутъ Толя еще крѣпче обнялъ меня и разрыдался навзрыдъ.

Я нѣжно обвила рукою его бѣлокурую головку, посадила его къ себѣ на колѣни, прижала къ груди. Что-то хорошее, свѣтлое, радостное наполнило мою душу. Вдругъ все стало такъ легко и отрадно въ ней. Мнѣ казалось, что сама мамочка посылаетъ мнѣ моего

новаго маленькаго друга. Я такъ хотѣла сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей Икониныхъ, но въ отвѣтъ отъ нихъ получала однѣ только насмѣшки и брань. Я охотно-бы все простила Жюли и подружилась съ нею, но она оттолкнула меня, а этотъ маленькій, болѣзненный мальчикъ самъ пожелалъ приласкать меня. Милый, дорогой Толя! Спасибо тебѣ за твою ласку! Какъ я буду любить тебя, мой дорогой, милый!

А бѣлокуренькій мальчикъ говорилъ между тѣмъ:

— Ты прости мнѣ, Леночка... все, все... Я хоть больной и припадочный, а все-же добрѣе ихъ всѣхъ, да, да! Кушай колбасу, Леночка, ты голодна. Непремѣнно кушай, а то я буду думать, что ты все еще сердишься на меня!

— Да, да, я буду кушать, милый, милый Толя!

И тутъ-же, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, я раздѣлила пополамъ жирную, сочную ливерную колбасу, одну половину отдала Толѣ, а за другую принялась сама.

Въ жизни моей никогда не ѣла я ничего вкуснѣе!

Когда колбаса была съѣдена, мой маленькій другъ протянулъ мнѣ ручонку и сказалъ, робко поглядывая на меня своими ясными глазками:

— Такъ помни-же, Леночка: Толя теперь твой другъ!

Я крѣпко пожала эту запачканную ливеромъ ручонку и тотчасъ-же посовѣтовала ему идти спать.

— Ступай, Толя,—уговаривала я мальчика,— а то явится Баварія...

— И не посмѣетъ ничего сдѣлать. Вотъ! — прервалъ онъ меня.—Вѣдь папа разъ навсегда запретилъ

ей волновать меня, а то у меня отъ волненія случаются обмороки... Вотъ она и не посмѣетъ. А только я все-таки пойду спать, и ты иди тоже.

Поцѣловавъ меня, Толя зашлепалъ босыми ножонками по направленію къ двери. Но у порога онъ остановился. По лицу его промелькнула плутоватая улыбка.

— Спокойной ночи! — сказалъ онъ. — Иди и ты спать. Баварія давно ужъ заснула. Впрочемъ и совсѣмъ она не Баварія, — прибавилъ онъ лукаво. — Я узналъ... Она говоритъ, что она изъ Баваріи родомъ. А это не правда... Изъ Ревеля она... Ревельская килька... Вотъ она кто, мамзелька наша! Килька, а важничаетъ... ха, ха, ха!

И совсѣмъ позабывъ о томъ, что Матильда Францевна можетъ проснуться, а съ нею—и всѣ въ домѣ, Толя съ громкимъ хохотомъ выбѣжалъ изъ кладовой.

Я тоже слѣдомъ за нимъ отправилась въ мою комнату

Отъ ливерной колбасы, съѣденной не въ урочный часъ и безъ хлѣба, у меня во рту оставался непріятный вкусъ жира, но на душѣ у меня было свѣтло и радостно. Въ первый разъ со смерти мамочки у меня стало весело на душѣ: я нашла друга въ холодной дядиной семьѣ.

ГЛАВА XI.

Сюрпризъ.—Фискалка.—Робинзонъ и его Пятница.

На слѣдующее утро, лишь-только я проснулась, какъ въ комнату ко мнѣ вбѣжала Дуняша.

— Барышня! Сюрпризъ вамъ! Скорѣе одѣвайтесь и ступайте въ кухню, пока мамзель еще не одѣвшись. Гости къ вамъ!—добавила она таинственно.

— Гости? ко мнѣ?—удивилась я.—Кто-же?

— А вотъ догадайтесь!—усмѣхнулась она лукаво, и тотчасъ же лицо ея приняло грустное выраженіе.

— Жаль мнѣ васъ, барышня! — проговорила она и потупилась, чтобы скрыть слезы.

— Жаль меня? Почему, Дуняша?

— Извѣстно почему. Обижаютъ васъ. Вотъ давеча Баварія... то-бишь Матильда Францевна,—наскоро поправила себя дѣвушка,—какъ на васъ накинулась, а? Розогъ еще потребовала. Хорошо, что барчукъ вступился. Ахъ, вы, барышня горемычная моя! — заключила добрая дѣвушка и неожиданно обняла меня.

Потомъ быстро смахнула передникомъ слезы и произнесла снова веселымъ голосомъ:

— А все же одѣвайтесь скорѣе. Потому сюрпризъ васъ на кухнѣ ждетъ.

Я заторопилась и въ какихъ-нибудь двадцать минутъ была причесана, умыта и помолилась Богу.

— Ну, идемте! Только, чуръ! Будьте поаккуратнѣе. Меня не выдавать! Слышите? Мамзель на кухню ходить, сами знаете, не дозволяетъ. Такъ вы поаккуратнѣе!— весело шептала мнѣ на пути Дуняша.

Я обѣщала быть «поаккуратнѣе» и, сгорая отъ нетерпѣнія и любопытства, побѣжала на кухню.

Вотъ и дверь, запятнанная жиромъ... Вотъ я широко распахиваю ее и... И правда сюрпризъ. Самый пріятный, какого я и не ожидала.

— Никифоръ Матвѣевичъ! Какъ я рада! — вырвалось у меня радостно.

Да, это былъ Никифоръ Матвѣевичъ въ новенькомъ съ иголочки кондукторскомъ кафтанѣ, въ праздничныхъ сапогахъ и новомъ поясѣ. Должно быть, онъ умышленно принарядился получше, прежде чѣмъ прійти сюда. Около моего стараго знакомаго стояла хорошенькая, быстроглазая дѣвочка моихъ лѣтъ и высокій мальчикъ съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ и глубокими темными глазами.

— Здравствуйте, милая барышня, — привѣтливо произнесъ, протягивая мнѣ руку, Никифоръ Матвѣевичъ,—вотъ и снова свидѣлись. Я васъ какъ-то случайно на улицѣ встрѣтилъ, когда вы съ вашей гувернанткой и сестрицей въ гимназію шли. Прослѣдилъ,

гдѣ вы живете—и вотъ къ вамъ и нагрянулъ. И Нюрку съ Сергѣемъ знакомиться привелъ. Да и напомнить вамъ, кстати, что стыдно друзей забывать. Обѣщались пріѣхать къ намъ и не пріѣхали. А еще у дяденьки лошади свои. Могли-бы когда попросить къ намъ проѣхаться? А?

Что я могла ему отвѣтить? Что я не только не могу попросить дать мнѣ прокатиться, но и пикнуть не смѣю въ домѣ дяди!

Къ счастью, меня выручила хорошенькая Нюрочка.

— А я такой точно и представляла себѣ васъ, Леночка, когда мнѣ про васъ тятя разсказывалъ! — произнесла она бойко и чмокнула меня въ губы.

— И я тоже! — вторилъ ей Сережа, протягивая мнѣ руку.

Мнѣ разомъ стало хорошо и весело съ ними. Никифоръ Матвѣевичъ присѣлъ на табуретѣ у кухоннаго стола, Нюра и Сережа — подлѣ него, я передъ ними — и мы заговорили всѣ разомъ. Никифоръ Матвѣевичъ разсказывалъ, какъ по-прежнему катается на своемъ поѣздѣ отъ Рыбинска до Питера и обратно, что въ Рыбинскѣ мнѣ всѣ кланяются — и дома, и вокзалъ, и сады, и Волга. Нюрочка разсказывала, какъ ей легко и весело учиться въ школѣ, Сережа хвасталъ, что скоро окончитъ училище и пойдетъ учиться къ переплетчику переплетать книги. Всѣ они были такъ дружны между собою, такіе счастливые и довольные, а между тѣмъ это были бѣдняки, существовавшіе на скромное жалованье отца и жившіе

гдѣ-то на окраинѣ города въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, въ которомъ, должно быть, холодно и сыро подчасъ.

Я невольно подумала, что есть же счастливые бѣдняки въ то время, когда богатыя дѣти, которыя не нуждаются ни въ чемъ, какъ, напримѣръ, Жоржъ и Нина, ничѣмъ никогда не бываютъ довольны.

— Вотъ, барышня, когда соскучитесь въ богатствѣ да въ холѣ, — словно угадавъ мои мысли, произнесъ кондукторъ,—то къ намъ пожалуйте. Очень рады будемъ васъ видѣть...

Но тутъ онъ внезапно оборвалъ свою рѣчь. Стоявшая у дверей насторожѣ Дуняша (кромѣ насъ и ея, никого не было въ кухнѣ) отчаянно замахала руками, дѣлая намъ какой-то знакъ. Въ ту же минуту дверь растворилась и Ниночка въ своемъ нарядномъ бѣломъ платьицѣ съ розовыми бантами у висковъ появилась на порогѣ кухни.

Съ минуту она стояла въ нерѣшительности. Потомъ презрительная улыбка скривила ея губы; она прищурила глазки по своему обыкновенію и протянула насмѣшливо:

— Вотъ какъ! У нашей Елены мужики въ гостяхъ! Нашла себѣ общество! Хочетъ быть гимназисткой и водитъ знакомство съ какими-то мужиками... Нечего сказать!

Мнѣ стало ужасно стыдно за мою двоюродную сестру, стыдно передъ Никифоромъ Матвѣевичемъ и его дѣтьми.

Никифоръ Матвѣевичъ молча окинулъ взглядомъ

бѣлокурую дѣвочку, съ брезгливой гримаской смотрѣвшую на него.

— Ай-ай, барышня! Видно мужиковъ вы не знаете, что гнушаетесь ими, — произнесъ онъ, укоризненно качая головою. — Мужика сторониться стыдно. Онъ и пашетъ, и жнетъ, и молотитъ на васъ. Вы, конечно, не знаете этого, а жаль... Такая барышня и такой несмышленочекъ.—И онъ чуть-чуть насмѣшливо улыбнулся.

— Какъ вы смѣете грубить мнѣ!—вскричала Нина и топнула ножкой.

— Не грублю я, а васъ жалѣю, барышня! За недоумокъ жалѣю васъ... — ласково отвѣтилъ ей Никифоръ Матвѣевичъ.

— Грубіянъ. Я мамѣ пожалуюсь!—вышла изъ себя дѣвочка.

— Кому угодно, барышня, я ничего не боюсь. Я правду сказалъ. Вы меня обидѣть хотѣли, назвавъ мужикомъ, а я вамъ доказалъ, что добрый мужикъ иной куда лучше сердитой маленькой барышни...

— Не смѣйте говорить такъ! Противный! Не смѣйте!—выходила изъ себя Нина и вдругъ съ громкимъ плачемъ бросилась изъ кухни въ комнаты.

— Ну, бѣда, барышня! — вскричала Дуняша. — Теперь онѣ мамашѣ побѣжали жаловаться.

— Ну, и барышня! Я-бы съ ней и знаться не хотѣла!—неожиданно вскричала Нюра, все время безмолвно наблюдавшая эту сцену.

— Молчи, Нюрка!—ласково остановилъ ее отецъ,— что ты смыслишь...—и вдругъ неожиданно, положивъ

— Къ намъ пожалуйте... Очень рады будемъ...

мнѣ на голову свою большую рабочую руку, онъ ласково погладилъ мои волосы и произнесъ:

— И вирямь, горемычная вы сиротинка, Леночка. Съ какими дѣтьми вамъ приходится якшаться. Ну, да потерпите, никто какъ Богъ... А не вмоготу будетъ,— помните, друзья у васъ есть... Адресокъ нашъ не потеряли?

— Не потеряла,—шепнула я чуть слышно.

— Непремѣнно приходи къ намъ, Леночка! — неожиданно произнесла Нюра и крѣпко поцѣловала меня,—я тебя такъ полюбила по тятинымъ разсказамъ, такъ полю...

Она не докончила своей фразы: какъ разъ въ эту минуту въ кухню вошелъ Ѳедоръ и произнесъ, дѣлая строгое лицо:

— Барышня Елена Викторовна, къ генеральшѣ пожалуйте,—и широко распахнулъ передо мной дверь.

Я наскоро попрощалась съ моими друзьями и отправилась къ тетѣ. Сердце мое, не скрою, сжималось отъ страха. Кровь стучала въ виски.

Тетя Нелли сидѣла передъ зеркаломъ въ своей уборной и старшая горничная Матреша, у которой Дуняша состояла въ помощницахъ, причесывала ей голову.

На тетѣ Нелли былъ надѣтъ ея розовый японскій халатъ, отъ котораго всегда такъ хорошо пахло духами.

При видѣ меня тетя сказала:

— Скажи мнѣ на милость, кто ты, Елена: племянница твоего дяди или кухаркина дочка? Въ какомъ

обществѣ Ниночка застала тебя на кухнѣ! Какой-то мужикъ, солдатъ, съ ребятами, такими же какъ онъ... Богъ знаетъ что! Тебя простили вчера, въ надеждѣ, что ты исправишься, но исправиться, какъ видно, ты не желаешь. Въ послѣдній разъ повторяю тебѣ: веди себя какъ слѣдуетъ и будь благонравной, иначе...

Тетя Нелли говорила еще долго, очень долго. Ея сѣрые глаза смотрѣли на меня не сердито, но такъ внимательно-холодно, точно я была какая-то любопытная вещица, а не маленькая Лена Иконина, ея племянница. Мнѣ стало даже жарко подъ этимъ взглядомъ и я была очень довольна, когда тетя наконецъ отпустила меня.

У порога за дверью я слышала, какъ она сказала Матрешѣ:

— Передайте Ѳедору, что-бы онъ гналъ этого, какъ его, кондуктора и его ребятъ, если не хочетъ, чтобы мы позвали полицію... Маленькой барышнѣ не мѣсто быть въ ихъ обществѣ.

«Гнать Никифора Матвѣевича, Нюрочку, Сережу!»

Глубоко обиженная направилась я въ столовую. Еще не доходя до порога, я услышала крики и споръ.

— Фискалка! Фискалка! Ябедница!—кричалъ, выходя изъ себя, Толя.

— А ты дурачокъ! Малышъ! Неучъ!..

— Такъ что-жъ! Я маленькій, да знаю, что сплетничать — гадость! А ты на Леночку мамѣ насплетничала! Фискалка ты!

— Неучъ! Неучъ! — пищала, выходя изъ себя, Ниночка.

— Молчи, сплетница! Жоржъ, вѣдь у васъ въ гимназіи за это проучили-бы здорово! а? Такъ-бы «разыграли», что только держись!—обратился онъ за поддержкой къ брату.

Но Жоржъ, который только-что напихалъ полный ротъ бутербродами, промычалъ что-то непонятное въ отвѣтъ.

Въ эту минуту я вошла въ столовую

— Леночка, милая! — кинулся Толя ко мнѣ навстрѣчу.

Жоржъ даже привскочилъ на стулѣ при видѣ, какъ ласковый ребенокъ цѣлуетъ и обнимаетъ меня.

— Вотъ такъ штукенція! — протянулъ онъ, дѣлая большіе глаза. — Собачья дружба до первой кости! Остроумно!

— Ха, ха, ха! — звонко разсмѣялась Ниночка, — вотъ именно до первой кости...

— Робинзонъ и Пятница! — вторилъ ей старшій братъ.

— Не смѣй браниться!—вышелъ изъ себя Толя,— самъ то ты противная Среда...

— Ха, ха, ха! Среда! Нечего сказать, остроумно!— заливался Жоржъ, добросовѣстно напихавши себѣ ротъ бутербродами.

— Пора въ гимназію! — произнесла неслышно появившаяся на порогѣ Матильда Францевна.

— А все-таки не смѣй браниться,—погрозилъ Толя

крошечнымъ кулачкомъ брату. — Ишь ты: Пятницей назвалъ... Какой!

— Это не брань, Толя, — поспѣшила я объяснить мальчику,—это такой дикій былъ...

— Дикій? Я не хочу быть дикимъ! — снова заартачился мальчуганъ.—Не хочу, не хочу... Дикіе — голые ходятъ и ничего не моютъ. Людское мясо ѣдятъ.

— Нѣтъ, это былъ совсѣмъ особенный дикій, — поясняла я, — онъ не ѣлъ людей, онъ былъ вѣрнымъ другомъ одного матроса. Про него разсказъ есть. Хорошій разсказъ. Я тебѣ почитаю его когда-нибудь. Мнѣ его мама читала, и книжка у меня есть... А теперь до свиданья. Будь умникомъ. Мнѣ въ гимназію надо.

И крѣпко поцѣловавъ мальчика, я поспѣшила за Матильдой Францевной въ прихожую одѣваться.

Тамъ къ намъ присоединилась Жюли. Она была какая-то растерянная сегодня и избѣгала встрѣчаться со мною глазами, точно ей было стыдно чего-то.

ГЛАВА XII.

Яшку травятъ. — Измѣнница. — Графиня Симолинь.

ШУМЪ, крикъ, визгъ и суматоха царили въ классѣ у младшихъ. Классной дамы не было и дѣвочки, предоставленныя самимъ себѣ, подняли возню.

Черненькая Ивина вбѣжала на каѳедру и, стуча по столу линейкой, кричала во весь голосъ:

— Такъ помните: травить Яшку сегодня-же!

— Травить! Травить! — эхомъ отозвалось сразу нѣсколько голосовъ.

— Что вы, mesdam'очки! Развѣ это можно? — робко прозвучали голоса трехъ-четырехъ ученицъ, считавшихся самыми прилежными и благонравными изъ всего класса.

— Ну, ужъ вы, «тихони», молчите! — напустилась на нихъ рыженькая Рошъ. — Не смѣйте идти противъ класса! Это гадость! Слышите-ли, всѣ должны дружно дѣйствовать и травить Яшку, всѣ до одной.

А кто не станетъ дѣлать этого, пускай убирается отъ насъ. Да!

Глаза «толстушки», какъ звали Женю Рошъ ея подруги, ярко разгорѣлись, щеки пылали.

«Тихони» какъ-то разомъ смолкли и присмирѣли. Одна изъ нихъ, Тиночка Прижинцова, высокая, блѣдная дѣвочка, первая ученица младшаго класса, неторопливо поднялась со своего мѣста и сказала, обращаясь къ Рошъ:

— Ты напрасно горячишься, «толстушка», разъ всѣмъ классомъ рѣшено «травить» Яшку, — мы не можемъ отстать отъ класса. Только надо придумать, чѣмъ его травить...

— О, я уже выдумала!—торжествующе произнесла хорошенькая Ивина. — Сегодня намъ задана басня «Демьянова уха»... Да?

— Да, да!—отвѣчалъ ей весь классъ хоромъ.

— Отлично. А мы, то-есть каждая изъ насъ будетъ отвѣчать другую басню. И что-бы ни говорилъ Яшка, какъ-бы ни ругался и ни выходилъ изъ себя, мы будемъ отвѣчать не «Демьянову уху», а то, что каждая хочетъ. Идетъ?

— Идетъ! Идетъ! Прекрасно придумала! Отлично!— снова закричали дѣвочки.

Нѣкоторыя изъ нихъ даже захлопали въ ладоши и запрыгали отъ удовольствія.

Я сидѣла на своемъ мѣстѣ и съ удивленіемъ прислушивалась къ тому, что происходило вокругъ меня. Я понимала только одно, что тридцать маленькихъ глупыхъ дѣвочекъ хотятъ раздразнить, извести одного

взрослаго, большого, умнаго человѣка и вдобавокъ — учителя. Мнѣ хотѣлось встать и сказать имъ, какъ все это нехорошо, гадко, нечестно, но—увы! — это было уже поздно. Дверь отворилась и въ классъ вошелъ самъ Василій Васильевичъ Яковлевъ, учитель русскаго языка.

Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи, потому что съ удовольствіемъ потиралъ свои красныя съ холода руки и поглядывалъ на насъ добрыми черезъ очки глазами.

Бѣдный Яковлевъ! Если-бъ онъ зналъ, что замышляли продѣлать съ нимъ тридцать злыхъ, безсердечныхъ дѣвочекъ!

— Холодно, дѣвицы! Ну, и денекъ! — произнесъ онъ, оглядывая классъ.—Небось, защипало вамъ носъ и щеки, пока изъ дому бѣжали въ гимназію, а?

Но «дѣвицы» хранили упорное молчаніе.

Тогда Яковлевъ понялъ, что классъ приготовился «воевать» и сразу измѣнилъ свое обращеніе.

— Г-жа Ивина! — послышался его рѣзкій голосъ, совсѣмъ иной, нежели тотъ, которымъ онъ разговаривалъ съ нами за минуту до этого,—извольте прочесть заданное!

Хорошенькая Ляля Ивина быстро поднялась со своего мѣста и громко, отчетливо произнесла на весь классъ:

— «Демьянова уха», басня Крылова.

— Отлично-съ! Ну-съ, отвѣчайте басню.

— Хорошо! — также бодро отчеканила Ляля и начала, предварительно откашлявшись:

«Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да призадумалась, а сыръ...»

— Довольно! Довольно!—неистово замахалъ руками учитель. — Вы сами не понимаете, что говорите сейчасъ. Г-жа Рошъ, отвѣчайте басню... Г-жа Ивина, садитесь и придите въ себя. Вы нездоровы, должно быть, и это избавитъ васъ отъ единицы.

Ивина усѣлась на свое мѣсто, обводя классъ торжествующими глазами, а вмѣсто нея поднялась Женя Рошъ.

«По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ!
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ...»

Пропищала она тоненькимъ-претоненькимъ голоскомъ.

У учителя глаза стали вдругъ круглыми, какъ орѣхи. Онъ смотрѣлъ то на толстушку Рошъ, то на классный журналъ. Наконецъ, очевидно, смекнувъ въ чемъ дѣло, онъ покраснѣлъ и, махнувъ рукою Рошъ, чтобы она садилась, поставилъ ей крупную единицу...

— Стыдно школьничать!—произнесъ онъ строго.— Но вы обѣ на дурномъ счету, поэтому съ васъ и взятки гладки, какъ говорится... Г-жа Прижинцова, потрудитесь прочесть вы «Демьянову уху»,—обратился онъ къ первой ученицѣ класса.

Танюша поднялась вся красная со своего мѣста. Ей не хотѣлось огорчать Яковлева и получать дурную отмѣтку въ классномъ журналѣ и, въ то же время,

она не смѣла идти противъ класса. Слезы стояли у нея на глазахъ, когда она начала, захлебываясь и волнуясь:

«Мартышка въ старости слаба глазами стала,
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не столь большой руки
Лишь стоитъ завести очки...»
Очковъ съ...

— «Демьянову уху», «Демьянову уху» прошу читать, а не «Мартышку и очки!»— закричалъ не своимъ голосомъ учитель.—Да что вы, извести меня поклялись всѣ, что-ли? И это вы! Прижинцова! Первая ученица, моя гордость! — произнесъ онъ дрожащимъ отъ волненія и гнѣва голосомъ. — На васъ-то ужъ я надѣялся! Ну... да ужъ... Садитесь, — присовокупилъ Василій Васильевичъ съ горечью и новая единица прочно воцарилась въ клѣточкѣ журнала.

— Степановская... Рохель... Мордвинова... Шмидтъ...— сердито вызывалъ дѣвочекъ Яковлевъ и каждая изъ нихъ говорила всевозможныя басни, только не ту, которую требовалъ учитель—не «Демьянову уху», заданную на сегодня.

За черноглазой и черноволосой Сарой Рохель поднялась Жюли и начала, дерзко глядя въ самые глаза учителя:

«Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса...»

— Молчать!—прервалъ Жюли грознымъ голосомъ учитель и изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

И вдругъ его глаза встрѣтились съ моими. Я увидѣла столько гнѣва и въ то-же время тоски въ его обычно добрыхъ глазахъ, что невольно подалась впередъ, желая его утѣшить.

— А-а, — произнесъ Василій Васильевичъ, — г-жа Иконина вторая, про васъ я чуть не забылъ... Отвѣчайте басню!

Я медленно поднялась и, вставъ у парты, начала:

«Сосѣдушка, мой свѣтъ,
Пожалуйста, покушай...
— Сосѣдушка, я сытъ по горло.—Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же ей, на славу сварена!»

Я не знаю, жаль-ли мнѣ было замученнаго классомъ учителя, или совѣсти не хватило слѣдовать примѣру моихъ подругъ, но я читала ту именно басню, которая была задана намъ на сегодня и которую я знала отлично. И чѣмъ дальше читала я, тѣмъ больше прояснялось хмурое, недовольное лицо учителя и тѣмъ ласковѣе сіяли подъ очками его печальные и гнѣвные до этого глаза.

— Отлично, Иконина! Спасибо! Успокоили старика...—произнесъ Василій Васильевичъ, когда я кончила.—А про васъ всѣхъ,—обратился онъ къ классу,—будетъ доложено начальницѣ.

И говоря это, онъ обмакнулъ перо въ чернила и вывелъ крупное 5—лучшую отмѣтку—въ журнальной клѣточкѣ противъ моей фамиліи.

Лишь только прозвучалъ звонокъ и учитель вы-

Меня потащили къ дверямъ...

шелъ изъ класса, дѣвочки повскакали со своихъ мѣстъ и окружили меня.

— Измѣнница!—кричала одна.

— Шпіонка!—вторила ей другая.

— Дрянная!—пищала третья.

— Вонъ ее! не хотимъ шпіонку! Прочь изъ класса! Вонъ, сію-же минуту, вонъ!

Вокругъ меня были грозящія, искаженныя до неузнаваемости лица; дѣтскіе глазки горѣли злыми огоньками; голоса звучали хрипло, рѣзко, крикливо.

— Если-бъ мы были мальчиками, мы бы «разыграли» тебя! — кричала Ляля Ивина, подскакивая ко мнѣ и грозя пальцемъ передъ самымъ моимъ носомъ.

— Да, да, разыграли-бы! — вторила ей высокая, рыжая Мордвинова,—у! какъ разыграли-бъ, а теперь только можемъ прогнать тебя. Вонъ!

И она толкнула меня, пребольно ущипнувъ за руку.

Горбунья Жюли одна изъ всѣхъ не кричала и не суетилась. Но я видѣла, какъ зло сверкали ея глаза, устремленные куда-то мимо меня въ стѣну, и какъ она яростно кусала свои тонкія губы. Въ ту-же минуту кто-то схватилъ меня подъ одну руку, кто-то подъ другую и меня потащили къ дверямъ.

Я не помню хорошо, какъ я шла по коридору, и даже шла-ли я или нѣтъ, и только опомнилась, оставшись одна въ большой, мрачной комнатѣ, заставленной шканами.

Очевидно, злыя дѣвчонки притащили меня въ гимназическую библіотеку и заперли въ ней дверь на

задвижку снаружи. По крайней мѣрѣ, когда я подошла къ двери, желая открыть ее, она не поддавалась.

— Мамочка! Милая мамочка! Ты видишь, что онѣ дѣлаютъ со мною, и у дяди и здѣсь! — прошептала я, съ тоскою сжимая руки, и залилась слезами.

Мнѣ такъ живо припомнилась счастливая жизнь въ Рыбинскѣ подъ крылышкомъ у моей мамочки, безъ заботъ и волненій... Такая чудная жизнь!

И крѣпко стиснувъ голову руками, я бросилась на одно изъ креселъ, стоявшихъ въ библіотекѣ, и глухо зарыдала.

— Ахъ, если-бы только явилась какая-нибудь добрая фея и помогла мнѣ, какъ помогла въ сказкѣ Сандрильонѣ ея крестная, — повторяла я сквозь рыданія,—явилась-бы, тронула меня волшебной палочкой по плечу—и все-бы стало по старому: мамочка была бы жива и мы-бы по-прежнему жили въ Рыбинскѣ, и я-бы училась подъ ея руководствомъ, а не въ этой противной гимназіи, гдѣ такія злыя, злыя дѣвочки, которыя такъ мучаютъ меня! Ахъ, если-бы только добрыя феи существовали на землѣ! Добрыя феи и волшебныя палочки!..

И только что я успѣла подумать это, какъ ясно почувствовала прикосновеніе волшебной палочки къ моему плечу. Я тихо вскрикнула и подняла голову. Но не златокудрая фея въ золотомъ одѣяніи стояла передо мной, а красивая, стройная дѣвочка лѣтъ 15 или 16, съ чудесными черными локонами, небрежно распущенными по плечамъ, въ коричневомъ форменномъ платьѣ и черномъ фартукѣ.

Она ласково обняла меня и спросила:

— О чемъ ты плачешь, дѣвочка?

Я взглянула въ ея тонко очерченное личико, въ ея немного грустные черные глаза и вдругъ неожиданно кинулась къ ней на шею и, громко всхлипывая на всю комнату, проговорила:

— Ахъ, я очень, очень несчастна! Ахъ, почему вы не фея, и не можете помочь мнѣ!

— Бѣдная дѣвочка, бѣдная маленькая дѣвочка! Какъ мнѣ жаль тебя! — проговорила она печально. — Я, дѣйствительно, не фея, а только Симолинь... графиня Анна Симолинь. Но я постараюсь успокоить тебя и помочь тебѣ, чѣмъ могу. Разскажи мнѣ твое горе, малютка!

И говоря это, она нѣжно посадила меня къ себѣ на колѣни, притянула къ себѣ и, приглаживая своей маленькой ручкой мои волосы, ждала, когда я разскажу ей мое горе.

И я разсказала ей все. И про мамочку, и про Рыбинскъ, и про дядину семью, и про злыхъ дѣвочекъ...

Она слушала меня очень внимательно и поминутно мѣнялась въ лицѣ. Когда я ей разсказывала про смерть мамочки, она сдѣлалась вся бѣлая, какъ снѣгъ, а когда я передавала ей, какъ злая Баварія хотѣла меня высѣчь, молоденькая графиня вся покраснѣла, какъ піонъ, и топнула ногою.

Когда я кончила мой недолгій разсказъ, Анна крѣпко обняла меня и сказала:

— Мнѣ особенно жаль тебя, потому что въ твои

годы у меня тоже умерла мама. Но я была все-таки счастливѣе тебя: у меня остался папа, который очень, очень любитъ меня и дѣлаетъ все, что я его ни попрошу. А у тебя никого нѣтъ, бѣдная, бѣдная дѣвочка! Хочешь, я буду твоимъ другомъ? Да? Когда у тебя будетъ горе,—приди сюда. Только чтобы злыя дѣвчонки не знали, что ты дружна со мною, а то онѣ будутъ еще хуже дразнить и мучить тебя. Въ гимназіи нашей есть правило, которое запрещаетъ дѣвочкамъ маленькихъ классовъ дружиться со старшими... Но если тебѣ ужъ очень тяжело будетъ,—ты обвяжи платкомъ руку и выйди въ перемѣну между двумя уроками въ коридоръ. Я тогда буду знать, что ты вызываешь меня сюда, въ библіотеку... Согласна?

— Еще-бы!—вскричала я радостнымъ голосомъ и крѣпко-крѣпко поцѣловала мою новую знакомую.

— Да, я и забыла самое важное! Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?—спросила молоденькая графиня.

— Еленой меня зовутъ у дяди, а мамочка... — начала я и запнулась.

— Какъ звала тебя твоя мамочка? — заинтересовалась юная графиня.

— Ленушей,—тихо, чуть слышно проронила я.

— Ну, и я буду звать тебя Ленушей! Хорошо. А теперь до свиданья, Ленуша! — произнесла она ласково и крѣпко обняла меня. — Ступай въ классъ и не обращай вниманія на злыхъ дѣвчонокъ. Онѣ скоро поймутъ, какъ были неправы съ тобой. Прощай!

И еще разъ поцѣловавъ меня, графиня Анна быстро пошла къ двери. Я долго смотрѣла ей вслѣдъ, до

тѣхъ поръ, пока ея стройная, высокая фигурка не скрылась въ коридорѣ. Въ какіе-нибудъ четверть часа я успѣла полюбить эту красивую, добрую дѣвочку такъ, какъ никого еще не любила послѣ мамочки.

Теперь моя жизнь въ гимназіи не казалась мнѣ такой печальной и пустой: я пріобрѣла друга, который обѣщалъ скрашивать мнѣ мои горькія минуты, и я чувствовала, что эта черненькая Анна любитъ меня точно родную сестру.

ГЛАВА XIII.

Моя жизнь.—Дядина ласка.—Драка.

ПРИБЛИЖАЛОСЬ Рождество. Худо-ли, хорошо-ли, но я уже прожила около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ дяди. Въ эти три мѣсяца жизнь моя нимало не измѣнилась: такъ-же приходилось мнѣ терпѣть отъ злыхъ выходокъ Ниночки и Жюли, хотя послѣдняя какъ-то меньше задѣвала меня со дня гибели Фильки, и издѣвательства Жоржа, считавшаго вполнѣ естественнымъ, чтобы дѣвочки терпѣли гоненія отъ мальчиковъ, и наказанія Баваріи, или «Ревельской кильки», какъ съ того злополучнаго дня прозвалъ ее Толя. Сѣчь меня она, однако, больше не собиралась,— вѣроятно, чтобы не повторился прежній припадокъ у Толи. Съ послѣднимъ мы были теперь неразлучны. Въ свободное отъ уроковъ время я прочла ему Робинзона Крузо. Познакомившись съ этой интересной повѣстью, мой двоюродный братишка рѣшилъ, что Пятница дѣйствительно совсѣмъ особенный дикій — и рѣшилъ съ этихъ поръ быть моимъ Пятницей.

Въ гимназіи дѣло обстояло такъ же, какъ и въ день злополучнаго чтенія басенъ. Дѣвочки поминутно «нападали» на меня—то та, то другая. Только Жюли теперь какъ бы не замѣчала меня. По крайней мѣрѣ, когда мы встрѣчались глазами, она потупляла свои, поджимала губы и дѣлала видъ, что меня не видитъ совершенно. Зато графиня Анна каждую свободную минуту видѣлась со мною. Какимъ-то чудомъ дѣвочки не замѣчали нашего знакомства и свиданій въ библіотекѣ.

Ахъ, что это были за свиданія!

Анна, несмотря на свою молодость (ей было не больше 15), объѣздила полміра со своимъ отцомъ. Они были очень богаты и могли путешествовать все свободное время. Отецъ Анны былъ очень важный сановникъ и зимою имѣлъ очень много работы. Зато лѣтомъ они съ Анной каждый годъ ѣздили за границу. Какъ любила эти поѣздки съ отцомъ молоденькая графиня!

Я, благодаря ея разсказамъ (а разсказывать Анна умѣла мастерски), узнала и про египетскія пирамиды, въ которыхъ древніе египтяне хоронили своихъ царей или фараоновъ, и про Эйфелеву башню, самую высокую башню въ мірѣ, и про Адріатическое море, вѣчно теплое и вѣчно голубое...

Въ короткія минуты встрѣчъ Анна дѣлилась со мною всѣмъ, что сама знала и, Боже мой, какъ я любила эти встрѣчи, какъ любила милую, дорогую Анну!

. . . . . .

— Ну, дѣтвора, черезъ два дня плясать будемъ,— говорилъ передъ кануномъ сочельника дядя, входя въ залъ въ послѣобѣденное время, когда мы всѣ, чинно разсѣвшись подлѣ «Баваріи», слушали разсказъ о томъ, какъ одинъ неблагонравный мальчикъ набилъ шишку на носу другому благонравному, и какъ въ награду пострадавшему мать дала чернослив, а неблагонравнаго драчуна поставила въ уголъ... Исторія была прескучная, но мы должны были ее слушать, потому что уроковъ учить не полагалось, такъ какъ занятія въ гимназіи прекратились и насъ распустили на рождественскія каникулы по домамъ.

Дядя былъ въ отличномъ настроеніи; онъ только-что пріѣхалъ откуда-то и внесъ съ собою струю свѣжаго морознаго воздуха и бѣлыя снѣжинки, не успѣвшія растаять на усахъ и бородѣ.

Толя первый вскочилъ со своего мѣста, за нимъ— Нина, за Ниной—Жоржъ и за Жоржемъ—Жюли.

Надо сказать, что дядя любилъ всѣхъ своихъ дѣтей одинаково и не дѣлалъ различія между хорошенькой Ниночкой и горбуньей Жюли. Но онъ рѣдко бывалъ дома и, занятый службой, не могъ много времени посвящать дѣтямъ.

— Папа,—кричала Жюли,—непремѣнно пригласи на елку Ивину, Рамъ, Мордвинову и Рохель! Это мои лучшія подруги...

— Ну, вотъ еще! — процѣдилъ Жоржъ, — очень нужно! Лучше, папа, гимназистовъ позови: Валюка, Ростовцева, Чернявина, Ясвоина, Котикова, Мухина, Дронскаго, Скворцова... а то — что дѣвчонокъ! Ей-

Богу! Онѣ только пищатъ и кривляются: «Ахъ, какой бантикъ! Ахѣ, прелесть кушакъ! Ахъ, восторгъ ленточка! Кудахъ-тахъ-тахъ, кудахъ-тахъ-тахъ!» Курицы—и только! Остроумно!

Дядя смѣялся.

— Всѣхъ позовемъ, всѣмъ мѣста хватитъ... А тебѣ, Леночка, кого пригласить хочется? а? — обратился онъ неожиданно ко мнѣ.

Я смутилась.

— Можетъ быть, изъ подругъ кого хочешь? — поглаживая меня по головѣ, ласково спрашивалъ онъ.

— У меня нѣтъ подругъ, дядя! — чуть слышно произнесла я.

— Какъ! никого нѣтъ въ классѣ кто бы подружился съ тобою?

— Нѣтъ, дядя!

— Ну, а такъ у тебя, помимо гимназіи, развѣ нѣтъ подругъ?

Я задумалась на минуту. «Пригласить графиню Анну?»—мелькнуло въ моей головѣ.

Но тутъ же я оттолкнула эту мысль. Молоденькая графиня строго-настрого, ради моего блага, запретила мнѣ говорить про наше знакомство. Нѣтъ, рѣшительно я не смѣла приглашать ее къ намъ и я уже хотѣла поблагодарить дядю за его вниманіе ко мнѣ и сказать, что у меня нѣтъ подругъ, какъ неожиданно надъ моимъ ухомъ прозвучалъ насмѣшливый голосокъ Ниночки:

— Что-жъ ты забыла про твою подругу—кондукторскую дочку!

«Нюрочку! Пригласить Нюрочку! — обрадовалась я.—Какъ это не пришло мнѣ въ голову раньше! Какъ я могла забыть про нее!»

И тутъ-же я попросила позвать къ намъ на вечеръ маленькую дочь Никифора Матвѣевича.

— Съ удовольствіемъ, дѣвочка, — согласился дядя, который всегда былъ ласковъ со мною въ память своей покойной сестры, т.-е. моей мамочки,—напиши письмо твоей подругѣ. Пусть приходитъ... Всѣ пишите приглашенія вашимъ друзьямъ, — обратился онъ къ дѣтямъ,—а я самъ приглашу только одну единственную гостью, а кого,—не скажу...—заключилъ онъ съ лукавымъ видомъ.

— Скажи, скажи, папочка!—облѣпили его со всѣхъ сторонъ Жюли, Жоржъ, Нина и Толя.

— Ну, ладно, такъ и быть, скажу. Это дочь моего начальника, прелестная маленькая барышня, очень образованная и начитанная. Я-бы хотѣлъ, чтобы вы подружились съ ней. А теперь пустите меня. Надо ѣхать за покупками къ балу. До свиданья! — И перецѣловавъ всѣхъ насъ, дядя поспѣшилъ уйти

Матильда Францевна принялась-было снова за книгу, но никто не хотѣлъ знать, чѣмъ кончилась печальная повѣсть благонравнаго мальчика съ шишкой на носу.

Жоржъ первый прервалъ чтеніе, вскричавъ:

— Могу себѣ представить эту дочь начальника: фря какая-нибудь! Говоритъ все время по-французски и ходитъ, какъ утка, переваливаясь на высокихъ каблукахъ. Остроумно!

— Ну, эта ужъ въ тысячу разъ лучше, нежели солдатская дочка!—протянула, презрительно сморщивъ носикъ, Ниночка. — Очень пріятно быть знакомою съ дочерью какого-нибудь министра. А то вдругъ Ню-роч-ка! Мужицкое имя. Стыдно сказать!

— Нюрочка, Курочка, Подфуфырочка, не все-ли равно! Я съ мужичкой танцовать не стану. И Толькѣ не позволю! Да!—вскричалъ Жоржъ.

— А я буду!—неожиданно пропищалъ мой милый Пятница и торжествующе посмотрѣлъ на старшаго брата.

— Молчи! Какъ ты смѣешь!—разсердился Жоржъ.— Клопъ, а еще разговариваетъ! Остроумно! Тоже! Молчать!

— Самъ молчать!

Тутъ произошло нѣчто неожиданное. Жоржъ ударилъ Толю, Толя — Жоржа. И оба полетѣли со стула прямо подъ столъ на ноги Баваріи. У Баваріи болѣли мозоли; она лѣчила ихъ каждое утро какой-то жидкостью изъ зеленой баночки. Жоржъ ударился головой о мозоль Баваріи, Баварія закричала отъ боли и разставила мальчиковъ по угламъ.

Жоржъ стоялъ въ углу и злился. Толя вздыхалъ и тихонько ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Вотъ уѣду на необитаемый островъ, заведу себѣ козу и попугая, какъ Робинзонъ. Попугая выучу говорить: «Ревельская килька лѣчитъ мозоли». Ахъ, зачѣмъ я не Робинзонъ, а только Пятница. Бѣдный Толя! Бѣдный Пятница!

ГЛАВА XIV.

Балъ.—Снова Нюрочка.

ЧТО это была за чудная красавица! Пышная, зеленокудрая, обвѣшенная золочеными украшеніями и всевозможными бездѣлушками.

Я смотрѣла на нарядную елку и мнѣ вспомнилась другая: далекая, скромная елочка, которую ежегодно добрая мамочка устраивала для меня. Ахъ, та елочка нравилась мнѣ больше, гораздо больше этой пышной красавицы!

Я стою посреди гостиной и въ головѣ моей проносится знакомая, милая картина.

Рождественскій сочельникъ... На дворѣ вьюга и мятелица, а мы въ теплой уютной комнаткѣ украшаемъ нашу елку. Мама въ бѣломъ платьѣ, такая нарядная, счастливая.

— «Вотъ тебѣ отъ меня подарокъ, Ленуша!» — говоритъ она и подаетъ мнѣ свертокъ.

Я знаю, что это. Кукольный сервизъ и настоящій самоварикъ, который можно ставить. Я именно и хотѣла этого. Добрая мамочка, какъ она умѣетъ угодить!..

И углубившись въ мечты, я совершенно забываю про окружающее...

— Вотъ она гдѣ! Очень любезно заставлять искать себя!—слышится вдругъ подлѣ меня голосъ Ниночки, который сразу будитъ меня.

И Нина, нарядная, хорошенькая и воздушная, влетаетъ въ залу.

За нею — ея подруги: Ивина, Мордвинова, Рошъ, Рохель.

Я точно просыпаюсь отъ сна... А какой это былъ сонъ! Дивный! Чудный!

— Гости уже собрались, а она еще и не думаетъ одѣваться! Разгуливаетъ въ своей черной рясѣ точно монахиня! Изволь одѣваться скорѣе! Изъ-за тебя опоздаемъ съ танцами, гадкая мокрица! — выходитъ изъ себя моя хорошенькая кузина.

— Что, какъ ты сказала? — слышится вокругъ насъ веселый хохотъ.—Мокрица! Ахъ, какъ это вѣрно! Она вѣчно хнычетъ, всегда! Мокрица и есть... Браво! Браво!

— Ступай одѣваться!—крикнула Ниночка.

— Мнѣ нечего одѣваться. Ничего другого я не одѣну,—тихо, но твердо проговорила я.—Дядя позволилъ мнѣ носить трауръ по мамочкѣ цѣлый годъ и я ни за что не разстанусь съ моимъ чернымъ платьемъ.

— Да какъ-же ты танцовать будешь въ траурѣ?— сдѣлала на меня большіе глаза Женя Рошъ.

— Я и танцовать не буду!

— Ну, это ужъ дудки! Не смѣй портить намъ праздника!

И прежде, чѣмъ я успѣла опомниться, Женя бросилась къ роялю, открыла крышку и заиграла очень шумную польку. Между тѣмъ высокая, сильная Мордвинова подхватила меня за талію и закружилась со мною по залѣ. Я напрасно отбивалась отъ нея: она была вдвое сильнѣе меня. Глядя на мои тщетныя усилія освободиться, дѣвочки помирали со смѣху. Особенно хохотала Ниночка. Она даже на полъ упала и не могла подняться, обезсилѣвъ отъ хохота. Въ эту минуту въ передней раздался звонокъ.

— Кто-бы это могъ быть? Вѣрно начальница!— разомъ сдѣлавшись серьезной, произнесла Ниночка, вскакивая съ полу.

— Кто? кто? какая начальница?—закидали ее вопросами дѣвочки.

— Папина начальника дочь. Очень важная барышня. Ея отецъ министръ, кажется, или еще поважнѣе! — не безъ гордости произнесла Ниночка и окинула всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

Дѣвочки заохали и заволновались. Дочь министра! Ахъ, какъ это хорошо!.. И онѣ будутъ танцовать съ такой важной барышней!

— Ахъ, какая ты счастливица, Ниночка, что у тебя такая знатная подруга!—произнесла, блестя разгорѣвшимися глазками, хорошенькая Ивина

Ниночка только головой кивнула, въ то время какъ лицо ея приняло гордое и довольное выраженіе.

Но какъ разъ въ это время на порогѣ появился Жоржъ и крикнулъ мнѣ:

— Ступай встрѣчать свою гостью, мокрица! Кондукторская дочка пришла!

Ахъ, что сдѣлалось съ Ниночкой! Она покраснѣла сначала, потомъ поблѣднѣла, потомъ все лицо ея пошло красными пятнами. Между тѣмъ лица остальныхъ дѣвочекъ такъ и засіяли насмѣшливыми улыбками.

— Ай да Нина Иконина! — первая вскричала толстушка Рошъ.—Хвастунья и больше ничего. Хороша дочка министра! Кондукторша! Вотъ такъ знакомства! Нечего сказать! Отличилась!

Ниночка, вся красная, оправдывалась, какъ могла: это не она виновата, а противная мокрица, и кондукторская дочка не ея гостья, а мокрицына. А дочка министра будетъ, непремѣнно будетъ. Вотъ онѣ всѣ увидятъ. А съ кондукторшей она и говорить не станетъ и мальчикамъ съ ней не позволитъ танцовать. Такъ какъ она мокрицына гостья, а не ея, Ниночки, то пусть мокрица и возится съ нею.

Ниночка говорила еще много, много, но я уже не слышала ничего: я стояла передъ Нюрочкой въ прихожей, помогала ей раздѣваться и поминутно повторяла, стараясь скрыть отъ нея мое смущенье:

— Ахъ, какъ я рада видѣть тебя, Нюрочка! Какъ рада!

На Нюрѣ было простенькое шерстяное платьице, но сшитое очень аккуратно; волосы ея, заплетенные въ двѣ косы, были перевязаны красной ленточкой. Ничего грубаго, смѣшного не было въ ея костюмѣ.

Я взяла Нюру за руку и повела въ залъ. Тамъ уже танцовали. Товарищи-гимназисты Жоржина класса

приглашали подругъ Жюли, которыя, однако, скорѣе были подругами живой и хорошенькой Ниночки, съ которою успѣли подружиться, посѣщая ея сестру. По крайней мѣрѣ онѣ вертѣлись все время подлѣ Ниночки, въ то время какъ Жюли оставалась одна въ самомъ отдаленномъ углу зала. Я отыскала ее и вмѣстѣ съ Нюрой подошла къ ней.

— Отчего ты не танцуешь, Жюли? — спросила я дѣвочку.

— Убирайся вонъ, если ты пришла издѣваться надо мною!—рѣзко отвѣчала горбунья.—Развѣ калѣка можетъ танцовать. Ты глупа, если не понимаешь этого!

— Бѣдняжка! — сочувственно глядя на нее проговорила Нюра.—Какъ мнѣ жаль васъ. Я такъ люблю танцовать сама, что мнѣ кажется—и всѣ должны любить танцы.

— Кажется — такъ перекреститесь, и не будетъ казаться! — грубо оборвала дѣвочку Жюли. — Желаю вамъ веселиться, только врядъ-ли придется,—заключила она съ злой торжествующей улыбкой.

Между тѣмъ Матильда Францевна, сидѣвшая за роялемъ, заиграла очень красивый мотивъ вальса. Маленькіе кавалеры подходили къ маленькимъ дамамъ и приглашали ихъ. Пара кружилась за парой. Всѣ дѣвочки танцовали. Всѣ мальчики имѣли по дамѣ. Даже мой милый Пятница кружился во-всю съ толстенькой Рошъ. Одна только Жюли оставалась въ своемъ углу да Нюрочка, по-прежнему находившаяся подлѣ меня, не дождалась приглашенья.

Мнѣ было очень больно за дѣвочку. Я сразу поняла, чьи это были штуки.

«Неужели-же никто не захочетъ танцовать съ нею оттого только, что она дочь кондуктора, а не важная барышня?—мысленно терзалась я.—Нѣтъ, не можетъ быть, что-бы это было такъ! Не должны же быть такими злыми всѣ эти веселые, живые мальчики!»

— Толя! Толя!—позвала я моего Пятницу,—не можешь-ли ты потанцовать съ Нюрой?—попросила я его.

— Ахъ, Леночка! — произнесъ съ совершенно искреннимъ отчаяніемъ мой милый Пятница,—я тебя очень, очень люблю... но ты посмотри только: Нюра твоя — длинная, какъ аршинъ, а я маленькій, какъ карандашикъ!—заключилъ онъ, разводя руками.

Онъ былъ правъ, къ сожалѣнію. Нюра была очень высокаго роста для своихъ лѣтъ и Толя приходился ей только по поясъ. Смѣшно было составить такую танцующую пару.

Но тутъ-же мой Пятница и выручилъ меня.

— Смотри, Леночка,—оживленно заговорилъ онъ,—видишь ты того высокаго гимназиста? Это Миша Ясвоинъ. Онъ очень умный и вѣжливый мальчикъ. Пойди къ нему и попроси его пригласить Нюру.

Сказано — сдѣлано. Черезъ минуту я уже стояла передъ красивымъ, бѣлокурымъ мальчикомъ и просила его, заикаясь отъ смущенья, вся красная, какъ ракъ:

— Пожалуйста... если можете, пригласите Нюрочку на какой-нибудь танецъ!

Онъ окинулъ серьезнымъ, умнымъ взглядомъ мою маленькую фигурку въ черномъ траурномъ платьецѣ

и проговорилъ очень вѣжливо, расшаркиваясь передо мною:

— Прошу извинить меня, m-lle, но у меня уже есть дама.

И тотчасъ же сталъ кружиться съ Сарою Рохель.

— Жоржъ! Жоржъ! — вскричала я отчаяннымъ голосомъ, увидя проходившаго мимо меня Жоржа, — пожалуйста, потанцуй съ Нюрой!

— Вотъ еще! — отмахнулся отъ меня рѣзко мой двоюродный братецъ.—Она навѣрное и двухъ шаговъ сдѣлать не сумѣетъ... И потомъ у нея голова навѣрно напомажена репейнымъ масломъ. Эти мужички всегда репейнымъ масломъ голову мажутъ. Остроумно!

И, подпрыгнувъ на одной ножкѣ, Жоржъ отошелъ отъ меня.

ГЛАВА XV.

Неожиданная встрѣча.—Мазурка.—Нюрочка отличилась.

—ПРІѢХАЛА! Пріѣхала! Пріѣхала! — пронеслось шумнымъ шопотомъ по залѣ.

— Настоящая гостья пріѣхала, а не кондукторша какая-нибудь! — пробѣгая мимо меня и Нюрочки, съехидничала Ниночка.—Начальница, дочь министра! Вотъ кто!

Всѣ выбѣжали въ прихожую. Даже Жюли покинула свой уголъ и поспѣшила слѣдомъ за остальными.

Я и Нюра остались однѣ. Мнѣ было стыдно взглянуть на мою новую подругу: я чувствовала невольную вину за собою въ томъ, что всѣ такъ обижаютъ ее... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я пригласила ее на елку!

— Простите-ли вы меня, Нюрочка? — тихо, сконфуженно обратилась я къ моей подругѣ.

— Ахъ, что вы, Леночка! — всплеснула руками та. — Да развѣ вы виноваты! Да мнѣ и не обидно

нисколько. Съ вами куда лучше побыть, чѣмъ безъ толку-то кружиться.

И она крѣпко обняла меня, желая утѣшить.

Едва мы успѣли поцѣловаться, какъ вся толпа дѣтей вернулась въ залу.

— Вы еще не со всѣми перезнакомились, графиня, — услышала я голосъ Жоржа гдѣ-то поблизости.—Рекомендую вамъ, моя кузина мокрица! Прошу любить и жаловать!

— Что такое? Кто? — послышался мнѣ странно знакомый голосъ.

Я подняла глаза и... отступила съ легкимъ крикомъ изумленья.

Передо мной стояла Анна. Графиня Анна, мой самый близкій, дорогой другъ!

— Леночка! Ты!—прозвучалъ надо мною ея чудный голосъ.

— Анна! Милая Анна!..

Я бросилась къ ней, кинулась ей на грудь и покрыла поцѣлуями ея точеное милое личико.

— Анна! Здѣсь? Вы — здѣсь? Господи! Какъ я счастлива!—шептала я, крѣпко прижимаясь къ моему другу.

— Леночка! Вотъ не ожидала-то встрѣтить! И не думала, что m-r Иконинъ, твой дядя, и есть сослуживецъ моего папы! Ахъ, какъ все это странно и хорошо вышло!

— А это кто? Съ остальными дѣтьми я уже успѣла перезнакомиться, — обратилась ко мнѣ съ вопросомъ Анна, глядя на стоявшую подлѣ меня Нюрочку.

— Это Нюрочка! Моя подруга!

— Кондукторша!—четко прозвучалъ голосъ Жоржа, спрятавшагося въ толпѣ мальчиковъ.

Анна ничего не сказала, только чуть сощурила на шалуна свои строгіе черные глаза. Потомъ быстро подошла къ Нюрѣ, обняла ее и сказала:

— Очень рада познакомиться съ вами. Вы подруга Ленуши, а я ея старшій другъ. Будемъ и мы друзьями.

Нюрочка даже покраснѣла вся отъ удовольствія. И было чего! Красивая, знатная барышня— графиня— обласкала ее на глазахъ всѣхъ этихъ недобрыхъ дѣтей, такъ безсовѣстно смѣявшихся надъ нею.

Ниночка надулась. Жюли также. Онѣ вертѣлись все время подлѣ Анны, всѣми силами стараясь обратить на себя ея вниманіе. Жюли знала по гимназіи молоденькую графиню, но никакъ не думала, что это она и есть дочь начальника ея отца.

Но Анна ни на кого не хотѣла, казалось, обращать вниманія, кромѣ меня и Нюры. Она сѣла между нами и разспрашивала, какъ мы проводимъ праздники, интересовалась занятіями Нюрочки въ школѣ и всячески обласкала ее.

Когда Матильда Францевна снова усѣлась за рояль и заиграла мазурку, къ Аннѣ сразу подбѣжали два кавалера приглашать ее на танцы: Миша Ясвоинъ и Жоржъ.

— Нѣтъ, вы лучше возьмите себѣ другихъ дамъ!— съ милой улыбкой отвѣтила имъ молоденькая графиня, — а у меня есть уже дама у самой.

— Кто?—въ одинъ голосъ вскричали оба мальчика.

— А вотъ!—и Анна указала глазами на Нюрочку.— Неправда ли, вы не откажетесь танцовать со мною?— съ тою-же милой улыбкой спросила она.

Нюрочка вся вспыхнула отъ удовольствія.

— Благодарю васъ! — произнесла она, взглянувъ признательными глазами на моего друга.

Жоржъ закусилъ губы и топнулъ ногою.

— Воображаю танцующей эту кондукторшу! Вѣрно переваливается съ боку на бокъ, какъ рѣзвящійся гиппопотамъ! Остроумно! — шипѣлъ онъ себѣ подъ носъ, мѣняясь въ лицѣ отъ злости.

Дѣвочки сочувственно смотрѣли на него. Товарищи-гимназисты утѣшали его, какъ могли.

— Ничего! Ничего!—ворчалъ Жоржъ. — Посмотримъ, какъ она танцовать будетъ! Вѣрно запрыгаетъ какъ коза въ сарафанѣ! Восторгъ! Остроумно!

Но ничего подобнаго не случилось.

Съ первыми же звуками мазурки Нюрочка граціозно взялась двумя пальцами за свою пышную юбочку, другую руку подала Аннѣ и красиво и плавно, наклонивъ немного головку на бокъ, легко понеслась по паркету.

Дѣти даже ахнули отъ изумленія. Маленькая кондукторша танцовала отлично, даже лучше самой графини Симолинь! Даже Матильда Францевна сдѣлала нѣсколько ошибокъ, невольно залюбовавшись на танцующую пару. Изъ сосѣдней съ залой гостиной пришли взрослые и тоже не могли надивиться на обѣихъ дѣвочекъ.

Обѣ онѣ скользили по паркету...

Обѣ онѣ то скользили, какъ двѣ воздушныя феи, по паркету, то неслись быстро, быстро, какъ эльфы, изумительно выдѣлывая граціозныя па и ни на минуту не теряя такта.

— Браво! Браво! — аплодировали старшіе, столпившіеся въ дверяхъ, когда обѣ дѣвочки, порядкомъ уставшія и запыхавшіяся, очутились на своемъ мѣстѣ.

— Браво! Браво! — вторили имъ дѣти, совершенно забывъ, что за минуту до этого они сами же высмѣяли ту, которой сейчасъ высказывали шумное одобреніе.

— Прекрасно! Чудесно! — слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Вы отлично танцуете! Гдѣ вы учились?—спросилъ, подойдя къ Нюрочкѣ, Миша Ясвоинъ.

— Ахъ, я нигдѣ не училась,—чистосердечно призналась та, — у насъ есть ученица одна въ школѣ, такъ та показывала намъ какъ мазурку танцовать надо, и польку, и вальсъ.

— Прелесть, какъ хорошо!—одобрилъ Миша, считавшійся лучшимъ танцоромъ во всемъ классѣ.—Пойдемте со мной!

И Нюрочка, нисколько не ломаясь и не гримасничая, пошла съ Мишей.

Потомъ къ ней подошелъ Коля Валюкъ, Ваня Ростовцевъ, Володя Мухинъ, Сережа Дранской—и со всѣми она танцовала съ одинаковымъ удовольствіемъ, совершенно позабывъ нанесенную ей обиду.

— Ага, что скажешь, — рѣзвящійся гиппопотамъ?

Коза въ сарафанѣ, да?—подскочилъ къ Жоржу торжествующій Толя, все время съ восторгомъ слѣдившій за танцующей Нюрочкой.

— Молчи, щенокъ! — огрызнулся на него старшій братъ.

— А ты... а ты... а ты... гадкій мальчишка! — чуть не плача отъ досады, что ему не выдумать подходящаго браннаго названія, захлебываясь, произнесъ Толя.

Анна замѣтила эту сцену, происходившую неподалеку отъ нея.

— Пойди сюда, малютка!—позвала она мальчика.— Ты очень любишь Ленушу?—спросила она, когда Толя приблизился къ ея стулу.

— Ужасно!—горячо вырвалось у него. — Недавно полюбилъ только. Раньше не любилъ и тоже называлъ мокрицей, а когда узналъ, какая она хорошая, то такъ полюбилъ, такъ! Вотъ какъ!

И онъ неожиданно обвилъ мою шею обѣими ручонками и звонко чмокнулъ на всю залу.

— Вотъ!—торжествующе заключилъ онъ.

— Ахъ, ты, прелесть! — засмѣялась Анна, притягивая его къ себѣ.—И меня ты любишь?

Толя посмотрѣлъ на нее долгимъ, внимательнымъ взглядомъ, потомъ сказалъ:

— Васъ я еще не люблю, потому что мало знаю. Но вы мнѣ нравитесь. Вы ужасно хорошенькая. У васъ такіе глаза! Я еще такихъ не видалъ. Если-бъ я былъ такой же большой, какъ папа, я-бы непремѣнно женился на васъ.

— Ахъ, ты, бутузъ!—весело разсмѣялась маленькая графиня и тотчасъ же, ставъ серьезной, тихо проговорила:

— Слушай, мальчикъ! Ты долженъ теперь защищать Ленушу, беречь ее, быть ея рыцаремъ...

— Ахъ, нѣтъ, я лучше буду ея Пятницей, — прервалъ внезапно Анну мой милый братишка.

— Ну, кѣмъ хочешь будь—только чтобы никто не смѣлъ ее обижать... Слышишь? А въ награду за это я выйду за тебя замужъ, когда ты вырастешь! Хочешь?

— Ужасно хочу!—обрадовался мальчикъ.

Анна звонко разсмѣялась и, поцѣловавъ его, отпустила плясать.

. . . . . .

Передъ самымъ ужиномъ разобрали елку. Каждый изъ дѣтей получилъ по красивому, дорогому подарку. Всѣ были счастливы и довольны. Мнѣ подарили хорошенькій бюваръ съ массою карточекъ и конвертовъ. Толя получилъ трубу и трубилъ въ нее такъ, что Анна пресерьезно увѣряла его, что онъ оглушитъ свою невѣсту.

Наконецъ, послѣднія свѣчи догорѣли, елку убрали. Ѳедоръ и Дуняша явились со щетками въ рукахъ подметать полъ. Въ залѣ открыли форточки, а насъ, дѣтей, повели ужинать.

За ужиномъ Нюрочкѣ пришлось еще разъ отличиться.

Стали задавать шарады. Миша Ясвоинъ задалъ особенно интересную.

— Мое первое, — началъ онъ, — нѣчто въ родѣ пѣсни; мое второе — часть свѣта, а цѣлое — учебное заведеніе. Что это будетъ? а?

— Часть свѣта... ммм... часть свѣта...—заминалъ Жоржъ,—я знаю части свѣта... сѣверъ, югъ, востокъ и западъ...

Но едва онъ окончилъ свою фразу, какъ въ столовой раздался оглушительный хохотъ дѣтей.

— Сѣверъ, югъ, востокъ и западъ — по-твоему части свѣта, — громче всѣхъ кричалъ его пріятель-Миша. — А еще второклассникъ! Вотъ молодецъ! А Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія—что по-твоему будетъ? Страны свѣта? Ай! Ай! Ай! Осрамилъ ты нашу братію, Жоржъ!

Жоржъ сконфузился ужасно и, красный до ушей, лепеталъ себѣ подъ носъ:

— Страны... части... не все ли равно! Глупая шарада! Остроумно!

Но тутъ смѣхъ дѣтей раздался съ новою силой:

— Какъ все равно? Ай да гимназистъ! Ай да второклассникъ!

Нюрочка, сидѣвшая между мною и Анной, вдругъ неожиданно встала со своего мѣста.

— Ахъ, онъ не виноватъ! Право, не виноватъ! Онъ спуталъ. Шарада трудная,—заступилась она за Жоржа.

— А вы рѣшите?—со смѣхомъ крикнулъ ей Миша Ясвоинъ. — Ну-ка!

— Да я ужъ и рѣшила, — скромно отвѣтила Нюрочка,—первое—гимнъ, второе—Азія, а все вмѣстѣ—гимназія, — закончила она.

— Вѣрно! Браво! Браво! — вскричалъ Миша.

— Браво! Браво!—вторили ему дѣти.

— Какая умная эта Нюрочка... А мы-то! — шепнула Сара Рохель Лялѣ Ивиной.

Послѣ ужина всѣ стали разъѣзжаться.

— Прощайте, Анна! Прощайте, милый другъ мой!—говорила я, стоя въ прихожей и помогая одѣваться моей подругѣ.

— Прощай, Лену́ша! Крѣпись, если тяжело тебѣ живется! Теперь мы будемъ видѣться часто въ гимназіи.

— Очень рада!—отвѣчала я, цѣлуя графиню.

— Смотри же, Толя! Береги твою кузину, — прощаясь съ мальчикомъ, говорила она, — помни, что я твоя невѣста, а ты—ея рыцарь.

— Не рыцарь, а Пятница! — важно поправилъ мальчикъ.

Нюрочка уѣхала послѣднею. Она долго цѣловалась со мною, обѣщая заходить.

Жоржъ, Ниночка и Жюли мило простились съ нею, какъ съ равной, понявъ, наконецъ, всю глупость своего недавняго поступка съ нею.

ГЛАВА XVII.

Происшествіе.—Чужая вина.

ПРОШЛО Рождество, пролетѣло Крещеніе — и снова потянулись скучныя будни. Снова каждое утро Дуняша будила меня и отправляла въ гимназію. Снова ежедневно просиживали мы съ Жюли и Жоржемъ около пяти часовъ въ классѣ, въ то время, какъ къ Ниночкѣ и Толѣ ходили учителя домой.

Моя гимназическая жизнь нѣсколько измѣнилась за это время. Дѣвочки, увидя мою дружбу съ графиней Анной, которая слыла любимицей всей гимназіи, сразу прекратили свою травлю. Правда, меня пока еще чуждались, но обиды и нападки уже на меня не возобновлялись въ классѣ.

Стоялъ ясный январскій денекъ. Маленькія гимназистки бѣгали по залѣ. Шла большая перемѣна, послѣ которой долженъ былъ быть урокъ батюшки. Но батюшка прислалъ записку, что боленъ и мы узнали,

что, вмѣсто урока батюшки, японка будетъ диктовать намъ изъ красной книжки, которую она особенно берегла, никому не давала и прятала въ свою корзиночку для работы. Изъ другой книжки она не диктовала намъ никогда

Ровно въ часъ на порогѣ залы появилась тощая, сухая фигура и крикнула рѣзкимъ голосомъ:

— Дѣти, въ классъ! Сейчасъ будемъ заниматься нѣмецкой диктовкой. Приготовьте перья и тетради и ждите меня. Я должна зайти къ начальницѣ на минуту. Сейчасъ вернусь.

— Нѣмецкая диктовка! Фу, гадость!—дѣлая кислую гримасу, произнесла Ляля Ивина.—Что можетъ быть хуже нѣмецкой диктовки, спрашиваю я васъ?

— Японка хуже! Сама Японка хуже, въ сто разъ хуже!—пищала шалунья Соболева.

Дѣйствительно, Японка была хуже. Она бранилась, злилась и придиралась къ намъ ужасно. Не было дѣвочки въ младшемъ классѣ, которая-бы любила ее. Она постоянно жаловалась на насъ начальницѣ, подслушивала и подсматривала за нами и всячески изводила насъ. И не мудрено потому, что и ей платили тѣмъ-же.

— А знаете, — громче другихъ раздался въ эту минуту голосъ Жюли,—я сдѣлаю такъ, что диктовки не будетъ! Хотите?

— Ты сдѣлаешь? Какъ? Вотъ глупости! Какъ ты можешь это сдѣлать, когда красная книжка уже лежитъ по своему обыкновенію въ рабочей корзинкѣ Японки и сама Японка явится диктовать

черезъ какія-нибудь пять минутъ! — волновались дѣвочки.

— А вотъ увидите, что книжки она не найдетъ и диктовать не будетъ! — торжествующе прокричала Жюли и исчезла куда-то.

Дѣвочки замѣшкались въ залѣ, не желая такъ скоро прервать игру. Я пошла въ классъ приготовить свою тетрадь. Каково же было мое удивленіе, когда навстрѣчу мнѣ выскочила Жюли, красная, взволнованная, съ блестящими, какъ уголья, глазами.

— Что ты здѣсь дѣлала, Жюли? — спросила я, останавливая дѣвочку.

— Не ваше дѣло, госпожа Мокрица! Много будете знать — скоро состаритесь.

И, говоря это, она нѣсколько разъ оглядывалась въ уголъ и глаза ея бѣгали по сторонамъ. Я тоже взглянула туда и испуганно ахнула, разомъ догадавшись, въ чемъ дѣло. Въ углу стояла круглая печь, которая постоянно топилась въ это время; дверца печки сейчасъ была широко раскрыта и видно было, какъ въ огнѣ ярко пылала маленькая красная книжка, постепенно сворачиваясь въ трубочки своими почернѣвшими и зауглившимися листами

Боже мой! Красная книжка Японки! Я сразу узнала ее.

— Жюли! Жюли!—прошептала я въ ужасѣ,—что ты надѣлала, Жюли!

Но Жюли, какъ говорится, и слѣдъ простылъ.

— Жюли! Жюли!—отчаянно звала я мою кузину,— гдѣ ты? Ахъ, Жюли!

Въ огнѣ ярко пылала маленькая красная книжка..

— Что такое? Что случилось? Что вы кричите, какъ уличный мальчишка, — внезапно появляясь на порогѣ, строго произнесла Японка. — Развѣ можно такъ кричать!

Потомъ, замѣтивъ мой сконфуженный и растерянный видъ, она окинула всю мою маленькую фигуру подозрительнымъ взглядомъ и громкимъ голосомъ спросила, строго нахмуривъ свои бѣловатыя брови:

— Что вы тутъ дѣлали въ классѣ одна? Отвѣчайте сію же минуту! Зачѣмъ вы здѣсь?

Но я стояла, какъ пришибленная, не зная, что ей отвѣтить. Щеки мои пылали, глаза упорно смотрѣли въ полъ.

Вдругъ громкій крикъ Японки заставилъ меня разомъ поднять голову, очнуться...

Она стояла у печки, привлеченная, должно быть, открытой дверцой и, протягивая руки къ ея отверстію, громко стонала:

— Моя красная книжка, моя бѣдная книжка! Подарокъ покойной сестры Софи! О, какое горе! Какое ужасное горе!

И опустившись на колѣни передъ дверцой, она зарыдала, схватившись за голову обѣими руками.

Только и слышны были между взрывами слезъ и всхлипываній одни и тѣ-же восклицанія отчаянія и горя:

— Моя книжка... красная книжка!.. Подарокъ Софи, моей бѣдной, единственной, покойной Софи!

Мнѣ было безконечно жаль бѣдную Японку. Я сама готова была заплакать вмѣстѣ съ нею.

Тихими, осторожными шагами подошла я къ ней и, легонько коснувшись ея руки своею, прошептала:

— Если-бъ вы знали, какъ мнѣ жаль, m-lle, что... что... я такъ раскаиваюсь...

Я хотѣла докончить фразу и сказать, какъ я раскаиваюсь, что не побѣжала слѣдомъ за Жюли и не остановила ее, но я не успѣла выговорить этого, такъ какъ въ ту-же минуту Японка, какъ раненый звѣрь, подскочила съ полу и, схвативъ меня за плечи, стала трясти изо всѣхъ силъ.

— Ага, раскаиваетесь! Теперь раскаиваетесь, ага! А сама что надѣлала! О, злая, негодная дѣвчонка! Безжалостное, безсердечное, жестокое существо! Сжечь мою книжку! Мою ни въ чемъ неповинную книжку, единственную память моей дорогой Софи!

И она трясла меня все сильнѣе и сильнѣе, въ то время какъ щеки ея стали красными, и глаза округлились и сдѣлались совсѣмъ такими-же, какъ были у погибшаго Фильки. Она навѣрное бы ударила меня, если-бы въ эту минуту дѣвочки не вбѣжали въ классъ и не обступили насъ со всѣхъ сторонъ, разспрашивая въ чемъ дѣло.

Японка грубо схватила меня за руку, вытащила на середину класса и, грозно потрясая пальцемъ надъ моей головою, прокричала во весь голосъ:

— Это воровка! Она маленькая воровка, дѣти! Сторонитесь ее! Она украла у меня маленькую красную

книжку, которую мнѣ подарила покойная сестра и по которой я вамъ дѣлала нѣмецкіе диктанты. Не знаю, что побудило Иконину II-ую совершить такой нечестный, неблагородный поступокъ, но тѣмъ не менѣе она совершила его и должна быть наказана! Она — воровка!

Воровка!.. Боже мой! Мамочка моя! Слышишь-ли ты это?

Голова у меня шла кругомъ. Шумъ и звонъ наполняли уши. Я очнулась только, услышавъ легкое шуршанье бумаги у меня на груди.

Боже мой! что это? Поверхъ чернаго передника, между воротомъ и таліей, большой бѣлый листъ бумаги болтается у меня на груди, прикрѣпленный булавкой. А на листѣ выведено четкимъ крупнымъ почеркомъ: «*Она воровка! Сторонитесь ее!*» О, какой ужасъ! Я ожидала всего, но не этого. Мнѣ придется сидѣть съ этимъ украшеніемъ въ классѣ, ходить перемѣну по залѣ, стоять на молитвѣ по окончаніи гимназическаго дня, и всѣ — и взрослыя гимназистки, и дѣвочки, ученицы младшихъ классовъ, будутъ думать, что Иконина II-я воровка!

Боже!.. Боже!

Это было не подъ силу вынести и безъ того не мало настрадавшейся маленькой сироткѣ! Сказать, сію же минуту сказать и злой, жестокой Японкѣ и всѣмъ этимъ дѣвочкамъ, съ презрѣніемъ отвернувшимся теперь отъ меня, сейчасъ же сказать, что не я, а Жюли виновата въ гибели красной книжки! Одна Жюли! Да, да, сейчасъ же, во что бы то ни стало!

И взглядъ мой отыскалъ горбунью въ толпѣ прочихъ дѣвочекъ. Она смотрѣла на меня. И что за глаза у нея были въ эту минуту! Жалобные, просящіе, молящіе!.. Печальные глаза. Какая тоска и ужасъ глядѣли изъ нихъ!

«Нѣтъ! Нѣтъ! Ты можешь успокоиться, Жюли! — мысленно произнесла я, вся исполненная жалостью къ маленькой горбуньѣ.

Я не выдамъ тебя. Ни за что не выдамъ! Вѣдь у тебя есть мама, которой будетъ грустно и больно за твой поступокъ, а у меня моя мамочка на небесахъ и отлично видитъ, что я не виновата ни въ чемъ. Здѣсь же на землѣ никто не приметъ такъ близко къ сердцу мой поступокъ, какъ примутъ твой! Нѣтъ, нѣтъ, я не выдамъ тебя, ни за что! ни за что!»

И какъ только я приняла это рѣшеніе, тяжесть, навалившаяся было мнѣ на сердце, разомъ куда-то исчезла. Какое-то, даже будто радостное чувство, что я страдаю за другого, наполнило все мое сердце пріятной теплотой.

Когда по окончаніи нѣмецкаго чтенія, которое замѣнило диктовку, весь классъ шумно направился вразсыпную въ залу, и я пошла слѣдомъ за остальными

— Смотрите, mesdam'очки, воровка, воровка идетъ, — послышались голоса маленькихъ гимназистокъ другихъ классовъ.

— Графиня Симолинь! Симолинь! Гдѣ ты, Анночка? Анна! смотри-ка, что случилось съ твоимъ маленькимъ

другомъ! — кричала какая-то воспитанница старшихъ классовъ, въ то время какъ толпа маленькихъ дѣвочекъ и взрослыхъ дѣвушекъ плотнымъ кольцомъ окружила меня.

Я вздрогнула отъ неожиданности. Графиня Анна!.. О ней-то я и забыла! Какъ приметъ она это? Что подумаетъ обо мнѣ? Нѣтъ, нѣтъ! убѣжать скорѣе и забиться куда-нибудь подальше въ темный уголъ, пока не поздно.

Но увы! было уже поздно. Я не успѣла убѣжать.

— Гдѣ она? Что такое?.. Ленуша, Леночка! — послышался за моими плечами любимый, милый голосъ, который-бы я узнала изъ тысячи, и Анна, расталкивая толпу, вбѣжала въ кругъ.

— Леночка! Ты? Ахъ! — могла только выговорить моя старшая подруга, вмигъ прочитавъ на груди моей ужасную надпись.

На секунду глаза ея остановились на мнѣ строгимъ, вопрошающимъ взглядомъ. Лицо ея стало суровымъ и угрюмымъ, какимъ я еще ни разу не видала прелестное, доброе лицо Анны. И вдругъ, ясная, кроткая, какъ солнце, улыбка освѣтила чуднымъ свѣтомъ это милое лицо. Она обвела весь кругъ тѣсно толпившихся вокругъ насъ дѣвочекъ разомъ засіявшими, радостными глазами и произнесла высокимъ и звонкимъ, какъ струна, голоскомъ, указывая на меня дѣтямъ:

— Эта дѣвочка не виновата ни въ чемъ. Очевидно, она наказана по недоразумѣнію. Елена Иконина не

можетъ быть воровкой. Я говорю вамъ это, я — графиня Анна Симолинь.

Потомъ, въ два прыжка приблизившись ко мнѣ, она быстро протянула руку, и въ одну секунду ужасная бумага съ позорной надписью была сорвана съ моей груди. Я бросилась въ ея объятія.

ГЛАВА XVIII.

Раскаяніе.

Это была ужасная ночь!

Я просыпалась, и снова засыпала, и опять просыпалась, не находя себѣ покоя. И во снѣ переживала я невольно все то, что пришлось перенести за день. «Японка» совсѣмъ озвѣрѣла, узнавъ, что Симолинь сорвала надпись съ моей груди, и какъ только Матильда Францевна пришла за нами по окончаніи уроковъ, она нажаловалась ей на меня самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Конечно, Баварія поторопилась передать все тетѣ Нелли (дядя, къ счастью, въ этотъ день не былъ дома), а тетя Нелли... О, чего только не наговорила мнѣ тетя Нелли!

Я лучше готова была-бы провалиться сквозь землю, лишь-бы не слышать ея рѣзкаго, ровнаго голоса, произносившаго такія непріятныя для меня вещи. Тетя Нелли называла меня неблагодарной, черствой дѣвчонкой, не умѣющей цѣнить то, что для меня дѣлаютъ, заявляла, что я осрамила всю семью дяди, и что ей, тетѣ Нелли, стыдно, что воровка приходится ей пле-

мянницей... и... и еще многое другое, еще... Ахъ, что это была за пытка! Наконецъ, уставъ говорить, тетя отпустила меня готовить уроки, оставивъ предварительно безъ обѣда и запретивъ мнѣ строго-настрого играть и разговаривать съ другими дѣтьми.

— Такая дрянная дѣвчонка, какъ ты,—съ холодной жестокостью проговорила напослѣдокъ тетя,— можетъ только принести вредъ своей дружбой.

О, это было уже слишкомъ!

Что мнѣ запретили сноситься съ другими дѣтьми, этимъ я не была огорчена нимало, но что я не смѣла подходить къ Толѣ, къ моему милому вѣрному Пятницѣ—это мнѣ было очень и очень тяжело!

Я все-таки принялась, однако, за приготовленіе уроковъ, но учиться я не могла. Голова трещала и мысли путались.

Добрая Дуняша, узнавъ, что я оставлена безъ обѣда, принесла мнѣ вечеромъ потихоньку отъ «Баваріи» бутербродъ съ мясомъ и кусокъ сладкаго пирога. Но ни пирогъ, ни мясо не шли мнѣ въ горло, и я, вмѣсто ужина, чтобы забыться сномъ, улеглась пораньше въ постель. Но спать не могла до полночи пожалуй, а когда уснула, то мнѣ снились такіе странные, такіе тяжелые сны, что я поминутно вскрикивала и просыпалась.

Мнѣ снилось, что я поднимаюсь на какую-то очень высокую гору и везу за собою тачку. Въ тачкѣ сидитъ «Баварія» и больно подхлестываетъ меня кнутомъ. А съ горы кубаремъ катится Японка, вся красная, какъ піонъ, съ глазами круглыми, какъ у Фильки. Она бѣжитъ прямо на меня и, схвативъ за плечи,

трясетъ изо всей силы... А подъ горой горькими слезами плачетъ Толя. Мнѣ больно отъ цѣпкихъ пальцевъ Японки, я хочу освободиться и не могу... А Толя плачетъ все громче и громче. Наконецъ, я дѣлаю невѣроятное усиліе, вырываюсь изъ рукъ моего врага... и... и... просыпаюсь...

Кто-то плачетъ, тихо всхлипывая въ ногахъ моей постели. Я слышу чье-то тяжелое дыханіе. Лампада у образа, накоптившая за ночь, съ трескомъ потухла и въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Не видно ни зги. Но чей-то безпрерывный плачъ я продолжала слышать.

— Это ты, Толя? — тихо зову я, разомъ рѣшивъ, что такъ плакать можетъ только бѣдный Пятница о своемъ Робинзонѣ.

Отвѣта нѣтъ. Только прежнее громкое всхлипываніе звучитъ гдѣ-то близко, близко! Я чиркаю спичку... Зажигаю свѣчу, находившуюся всегда на ночномъ столикѣ у моей постели, и, высоко поднявъ ее надъ головою, разомъ освѣщаю комнату.

Боже мой! На яву это или во снѣ?

Прикорнувъ головой къ моимъ ногамъ, стоя на колѣняхъ у постели, горбунья Жюли плачетъ навзрыдъ горькими-прегорькими слезами.

— Жюли! Милая! Что съ тобою? Пойди сюда! Кто тебя обидѣлъ?—закидываю я вопросами дѣвочку.

Ни звука, ни слова въ отвѣтъ, только плачъ и всхлипываніе дѣлаются сильнѣе. Тогда я вскакиваю съ постели, съ трудомъ высвободивъ свои ноги изъ рукъ Жюли, и бросаюсь къ ней:

— Жюли! О чемъ же ты плачешь? Скажи мнѣ ради Бога!

Тихій стонъ вырывается изъ ея груди. Потомъ она отрываетъ отъ постели свое лицо, все залитое слезами, и, неожиданно схвативъ мои руки, осыпаетъ ихъ градомъ горячихъ поцѣлуевъ:

— Лена... Лена! Бѣдная! Святая! Да, да, святая! За что ты такъ страдаешь? — рыдаетъ она, — за что, за что?

И снова, обезсиленная слезами, валится на постель.

Я быстро разыскиваю стаканъ, наполняю его водою изъ умывальника и, поднося къ губамъ Жюли, говорю тихо:

— Выпей водицы, Жюли, это тебя успокоитъ!

И въ то же время тихо, ласково глажу черненькую головку дѣвочки, какъ это дѣлала мнѣ покойная мамочка, когда я была огорчена чѣмъ-нибудь. Жюли выпила съ трудомъ немного воды изъ стакана, при чемъ зубы ея такъ и стучали о края его, потомъ, неожиданно, съ силой притянула меня къ себѣ и до боли сжала въ своихъ объятіяхъ.

Мы просидѣли такъ минуту, другую. Потомъ Жюли вдругъ, неожиданно, оттолкнула меня отъ себя и снова зарыдала, съ трудомъ выговаривая слова:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не простишь меня! Ты не сможешь меня простить! Я слишкомъ злая!

— Я простила тебя, Жюли! Я уже давно простила!—стараясь успокоить дѣвочку, твердила я.

— Ты? Ты простила мнѣ? Мнѣ простила, мнѣ, которая мучила, терзала, оскорбляла тебя? Сколько разъ

— Жюли! О чемъ же ты плачешь?...

ты была наказана изъ-за меня! Вѣдь Фильку я сунула въ ящикъ; я не думала, что онъ тамъ задохнется. А онъ умеръ—Филька... И тебя изъ-за меня негодной тогда еще высѣчь хотѣли. А сегодня! О! Что ты перенесла изъ-за меня сегодня! Лена! Бѣдная, милая Лена! Какая я злая, гадкая, негодная! — всхлипывала горбунья.

— Полно, Жюли, ты не виновата!

— Я-то не виновата? — прорыдала она снова. — Я-то? Ахъ, Лена! Лена! Да я злодѣйка передъ тобою, а ты! Ты святая, Лена. Я поклоняюсь тебѣ!

И, прежде чѣмъ я успѣла остановить ее, Жюли склонилась предо мной до пола и, охвативъ мои ноги, покрыла ихъ поцѣлуями и слезами.

— Полно! Полно, Жюли! — съ трудомъ поднимая дѣвочку и сажая ее подлѣ себя на постель, говорила я,—такъ не надо дѣлать, это грѣшно! Ты лучше полюби меня.

— Полюбить тебя!—вскричала она, и вдругъ рыданія ея разомъ смолкли.

— Да я люблю тебя давно, Леночка, послѣ папы тебя только одну и люблю... Ты одна меня не обижала, бѣднаго, жалкаго урода!.. Вѣдь и злая-то я оттого только, что я уродъ, Леночка... Другія дѣти здоровыя, сильныя, красивыя, кому я такая нужна!.. А тебя я давно люблю... Только сама не знала... не вѣрила... а сегодня, какъ увидѣла, что ты за меня наказана была и меня не выдала, такъ у меня сердце забилось, забилось... И завтра-же непремѣнно рѣшила повиниться передъ классомъ и Японкой. И мамѣ скажу,

и Баваріи—всѣмъ, всѣмъ! Только ты люби меня, Лена. милая, люби меня злую, гадкую, уродку!

Я взглянула въ ея жалкое худенькое личико, распухшее отъ слезъ, въ ея измученные глаза, взглянула на ея горбатую фигурку со впалой грудью и вдавленными плечами—и вдругъ сильная, болѣзненно-жгучая жалость къ ней наполнила все мое существо.

— Я буду любить тебя, милая Жюли!—произнесла я чуть слышно.

Она бросилась ко мнѣ, обняла меня, покрыла горячими поцѣлуями мое лицо, руки, тихо лепеча мнѣ на-ушко:

— Теперь я счастлива! Въ первый разъ въ жизни совсѣмъ счастлива... вѣришь-ли, Леночка...

ГЛАВА XIX.

Ужасная новость.—Я справедливо заслуживаю наказаніе.

«ПОѢЗДЪ № 2, держа путь отъ станціи Ю—во по Рыбинской желѣзной дорогѣ, потерпѣлъ крушеніе на сто первой верстѣ отъ Петербурга. Первые три вагона и паровозъ разбиты вдребезги. Поѣздная прислуга и пассажиры выкинуты на полотно. Есть убитые и раненые. Потери еще не выяснены. Пострадавшихъ подобралъ встрѣчный поѣздъ и привезъ въ Петербургъ»...

Я сидѣла за утреннимъ чаемъ въ то время, какъ тетя Нелли, нарядная и красивая по своему обыкновенію, въ своемъ розовомъ капотѣ, читала эту выдержку изъ сегодняшней газеты Матильдѣ Францевнѣ, разливавшей чай.

Трахъ! Цзинь! Цзинь! Цзинь!—и чашка съ горячимъ чаемъ выскользнула изъ моихъ дрожащихъ рукъ и со звономъ упала на полъ.

Поѣздъ № 2-й, Рыбинскій поѣздъ, на которомъ пріѣхала я, и на которомъ служилъ мой взрослый другъ Никифоръ Матвѣевичъ! О, какой ужасъ! Какой ужасъ!..

Я вскочила, не помня себя, вся залитая горячимъ чаемъ, съ обваренными руками и, трясясь, говорила внѣ себя отъ ужаса:

— Тетя Нелли! Это онъ! Онъ погибъ, непремѣнно погибъ!

— Кто онъ? Что съ тобою? И какъ ты смѣла разбить чашку... Ужасная разиня! — разсердилась на меня тетя.—Кто погибъ? Говори же толкомъ.

— Нюринъ папа погибъ... Это его поѣздъ сошелъ съ рельсъ... Никифоръ Матвѣичъ... Ахъ, пустите меня къ нимъ, пустите, ради Бога!

И сама не помня себя и не понимая, что дѣлается со мною, я бросилась къ двери со всѣхъ ногъ.

Сильная рука удержала меня за плечо.

— Но ты съ ума сошла, глупая дѣвчонка!—услышала я за собою рѣзкій голосъ тети и, обернувшись, увидѣла передъ собой ея сердитое лицо. — Куда ты бѣжишь? Что тебѣ надо?

— Ахъ, пустите меня къ нимъ! Пустите, ради Бога, — рыдала я, отбиваясь отъ державшихъ меня рукъ. — Ради Бога, пустите къ нимъ!.. Онъ раненъ, убитъ!.. Я хочу быть около Нюрочки... Я хочу помочь ей ухаживать за ея больнымъ папой. Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, когда я ѣхала сюда послѣ смерти мамы! Пустите меня теперь къ нему... къ Нюрѣ... Прошу васъ! умоляю!

— Перестань дурачиться! — прикрикнула на меня тетя Нелли. — Сейчасъ же приведи себя въ порядокъ, перемѣни фартукъ, — этотъ весь залитъ чаемъ, — и ступай въ гимназію!

Я схватилась за голову... Въ первый разъ въ жизни я почувствовала приливъ страшной злобы. Я ожесточилась разомъ, какъ затравленный звѣрекъ. Мнѣ казалось такимъ жестокимъ не пустить меня къ нимъ. Все мое сердце обливалось кровью при одной мысли о томъ, что у моихъ друзей горе и что я не могу быть съ ними!

— Ну, хорошо-же! — прошептала я, до боли стискивая руки, такъ что пальцы мои захрустѣли, — вы не хотите отпустить меня — и не надо!

И, закрывъ лицо руками, я выбѣжала изъ столовой.

Пока Дуняша переодѣвала меня, мысли мои такъ и работали въ головѣ, такъ и кружились:

Что дѣлать? Какъ поступить? Какъ повидать Нюру и моего бѣднаго взрослаго друга, ея отца? Если написать ей, — письмо идетъ долго, и Богъ знаетъ когда я получу отвѣтъ. Черезъ сутки только! А что можетъ случиться за цѣлыя сутки!.. Боже мой, Боже мой!..

Дождаться, когда дядя вернется со службы, и упросить его свезти меня къ своимъ друзьямъ! Но вѣдь дядя иногда прямо со службы отправляется въ клубъ обѣдать и Богъ знаетъ какъ поздно возвращается въ такихъ случаяхъ домой, заигрываясь въ свои любимыя шахматы до перваго часа.

Нѣтъ, и это не идетъ. Надо другое...

И вдругъ... неожиданная мысль разомъ какъ бы освѣтила мою голову.

Я убѣгу! Да-да! Я убѣгу сегодня изъ гимназіи. Но для этого придется сдѣлать какую-нибудь шалость или выкинуть какую-нибудь продѣлку, за которыя-бы меня наказали, оставивъ въ гимназіи на неурочное время. А когда всѣ разойдутся, я отбуду срокъ наказанія и вмѣсто того, чтобы идти домой, отправлюсь къ Нюрѣ. Навѣрно «Баварія» не придетъ за мною, а если придетъ, то не найдетъ меня уже больше. Я буду тю-тю! уже въ дорогѣ...

И вдругъ вся моя выдумка показалась мнѣ такой простой и легко выполнимой, что я просіяла.

Всю дорогу отъ дома до гимназіи я все соображала, какъ и чѣмъ-бы лучше заслужить наказаніе. Первый урокъ былъ французскій, но француженку, веселую, добрую и ласковую дѣвушку мы никогда не рѣшились-бы огорчить. Второй урокъ — Яковлевъ. Но что-бы я ни сдѣлала на этомъ урокѣ,—добрый Василій Васильевичъ все спуститъ мнѣ съ рукъ, такъ какъ въ памяти его надолго остался мой благородный, по его мнѣнію, поступокъ, когда я, единственная изъ всего класса, блестяще отвѣтила «Демьянову уху», въ то время, какъ другія... Но не стоитъ, однако, вспоминать старое... Третій урокъ—батюшки. Батюшка считался у насъ самымъ взыскательнымъ изо всѣхъ учителей и каждый промахъ на его урокѣ наказывался особенно строго... Конечно, грѣшно будетъ съ моей стороны перевирать священную исторію, но что же дѣлать,

если иначе мнѣ не заслужить наказанія и не попасть къ моимъ друзьямъ!

Я такъ глубоко задумалась надъ рѣшеніемъ этого вопроса, что не замѣтила, какъ мы подошли къ знакомымъ дверямъ.

— Ну, будьте умными хоть сегодня!—проговорила Матильда Францевна. Она ежедневно говорила одну и ту же фразу, когда при помощи гимназическаго сторожа Иваныча мы съ Жюли снимали бурнусы и калоши.

Потомъ «Баварія» и ея клѣтчатая накидка и клѣтчатый бантъ на шляпѣ исчезли за дверью, а мы съ Жюли, крѣпко обнявшись (мы никогда не ходили теперь иначе), побѣжали въ классъ.

— Что ты такая блѣдная, Леночка? — заботливо освѣдомилась у меня Жюли.

— Блѣдная? Развѣ? — принимая самый безпечный видъ, произнесла я.

— Ну да, я понимаю тебя!—продолжала моя двоюродная сестрица,—тебѣ жаль бѣднаго Никифора Матвѣича и Нюру, да?

— Да,—отвѣчала я машинально, думая совершенно о другомъ.

Урокъ французскаго языка и классъ Василія Васильевича я просидѣла, какъ на иголкахъ.

— Господи! Что-то будетъ? Что-то будетъ?—мысленно твердила я.

Но вотъ наступилъ урокъ Закона Божія. Батюшка вошелъ въ классъ ровно черезъ двѣ минуты послѣ звонка. Дежурная Соболева вышла на середину класса

и прочла молитву передъ ученьемъ. И вдругъ, не успѣла Нина Соболева произнести послѣднія слова молитвы «возросли мы Тебѣ, Создателю нашему, на славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу», какъ дверь класса широко распахнулась и къ намъ вошла Анна Владиміровна—начальница пансіона.

— Здравствуйте, дѣти, — произнесла она, ласково кивая намъ своею сѣдой, какъ лунь, головою и широко улыбаясь молодымъ лицомъ. — Я пришла узнать насколько вы подвинулись въ Законѣ Божіемъ... Пожалуйста, батюшка, не обращайте на меня вниманія и продолжайте урокъ,—почтительно обратилась она къ священнику.

— Мы вамъ, Анна Владиміровна, сейчасъ хорошимъ отвѣтомъ похвастаемъ, — улыбаясь, отвѣтилъ о. Василій.—Иконина II-я,—назвалъ онъ меня,—отвѣчайте, что вамъ задано на сегодня.

Я поднялась со своего мѣста. Ноги у меня двигались съ трудомъ, точно свинцомъ налитыя, а въ головѣ такъ шумѣло, что въ первую минуту я даже не могла понять чего отъ меня требовали.

— Что вамъ задано на сегодня?—снова повторилъ свой вопросъ священникъ.

Я отлично знала что задано и выучила отлично исторію Прекраснаго Іосифа, котораго злые братья продали въ Египетъ въ неволю, но языкъ не слушался меня. Я думала въ эту минуту:

Что дѣлать? Огорчить-ли дурнымъ отвѣтомъ добрую Анну Владиміровну и заслужить наказаніе?... Наказаніе

я заслужу—я знала навѣрно. (У насъ всегда наказывали за незнаніе урока закона Божія, оставляли дѣвочекъ на два-три лишніе часа по окончаніи урока въ гимназіи). Это мнѣ дастъ возможность попасть къ Нюрѣ и ея папѣ, который, можетъ быть, умираетъ въ эту минуту... Или же лучше заслужить похвалу начальницы, доказать, что я «пай-дѣвочка», «умница-разумница», но зато не повидаться съ моими друзьями въ такое тяжелое для нихъ время!

Нѣтъ! Нѣтъ! Никогда! Ни за что!

Я разомъ рѣшила, что мнѣ надо было дѣлать.

— Что вамъ задано на сегодня?—значительно уже строже произноситъ свой вопросъ въ третій разъ батюшка.

Я смотрю на него глупыми, ничего не выражающими глазами и молчу. Упорно молчу, точно воды въ ротъ набрала·

— Исторія Іосифа! Исторія Іосифа! — шепчетъ мнѣ отчаяннымъ шопотомъ Жюли съ первой скамейки.

— Исторія Іосифа! — повторяю я, ужасно глупо, какъ попугай.

— Ну, и разскажите мнѣ, кто былъ Іосифъ, — какъ бы не замѣчая моего страннаго отвѣта, говоритъ батюшка и глубже усаживается въ креслѣ, приготовляясь къ хорошему отвѣту.

Я молчу...

Ахъ, какъ это ужасно — стоять и молчать въ то время, какъ языку такъ и хочется разсказать все то, что онъ знаетъ, отъ слова до слова!

Но я молчу... Молчу, какъ истуканъ, какъ нѣмая.

— Кто былъ Іосифъ?—совсѣмъ уже строго спрашиваетъ теперь батюшка.

Капельки пота выступаютъ у меня на лбу. Щеки дѣлаются сначала бѣлыми, какъ бумага, потомъ красными, какъ кумачъ.

— Іосифъ... Іосифъ...—лепечу я, захлебываясь, и дѣлаю круглые глаза.—Іосифъ былъ царь...

— Царь?—удивляется батюшка.—Вотъ такъ удружила! А не сынъ ли царя?—прищуривъ на меня глаза, что означало у него высшую степень недовольства, спрашиваетъ онъ снова.

— Ну, сынъ царя! — отвѣчаю я безшабашно. Японка даже на стулѣ привскочила. Надо сказать, что исторія съ красной книжечкой давно объяснилась; Жюли откровенно призналась, что книжку унесла и сожгла она, и Зоя Ильинишна снова засчитала меня прежней хорошей ученицей. Поэтому она очень удивилась, что хорошая ученица, знавшая всегда отлично уроки, отвѣчаетъ, да еще такимъ тономъ, какую-то чепуху.

И батюшка удивленъ, и начальница. Она даже въ лицѣ измѣнилась, покраснѣла немного и смотритъ на меня такими грустными, грустными глазами.

— Ну-съ, что-же сдѣлалъ этотъ царь, или сынъ царя, по-вашему, Іосифъ? — снова спрашиваетъ батюшка и прищуривается сильнѣе.

— Онъ продалъ братьевъ въ неволю,—отвѣчаю я храбро, даже не сморгнувъ.

Кто-то фыркаетъ за моею спиною. Кто-то закашливается, стараясь удержать бѣшеный приливъ хохота.

Но батюшка остается спокойнымъ и если онъ сердится, то этого совсѣмъ не замѣтно на взглядъ.

— Какъ продалъ?—снова задаетъ онъ вопросъ.— Всѣхъ двѣнадцать продалъ разомъ?

— Всѣхъ двѣнадцать разомъ! — вру я безъ запинки.

Японкѣ положительно дѣлается дурно въ эту минуту.

— Иконина, опомнитесь!—кричитъ она не своимъ голосомъ и, наливъ себѣ воды изъ графина, выпиваетъ весь стаканъ залпомъ.

Классъ не можетъ сдерживаться больше. Дѣвочки захлебываются отъ хохота, не будучи въ силахъ удержаться.

И вотъ весь этотъ шумъ покрываетъ тихій, но внушительный голосъ Анны Владиміровны:

— Иконина, стыдись! Я считала тебя хорошей, прилежной дѣвочкой, а между тѣмъ, оказывается, ты ничего не знаешь!.. Это возмутительно!.. Ты будешь наказана. Оставьте ее на три часа по окончаніи уроковъ,—обратившись къ Японкѣ, говоритъ начальница.

Вся обливаясь потомъ я иду и сажусь на свое мѣсто.

— Бѣдная Леночка! Что сдѣлалось съ тобой! — сочувственно шепчетъ мнѣ на ухо Жюли и крѣпко сжимаетъ мои похолодѣвшіе пальцы.

Ни Жюли, ни другіе, конечно, не догадываются, что я сама желала быть оставленной послѣ уроковъ и что я вполнѣ довольна

Пока все устраивается, какъ я хочу. Я скоро, скоро увижу васъ, бѣдные, милые мои Никифоръ Матвѣичъ и Нюрочка.

ГЛАВА XX.

Наказанная.—Въ путь-дорогу.—Потерянная записка.

СѢРЫЯ стѣны... сѣрыя доски... сѣрыя окна и сѣрый, ненастный день, заглядывающій въ эти окна, не могутъ, конечно, способствовать хорошему расположенію духа. Къ тому-же неизвѣстность мучаетъ меня: что-то дѣлается тамъ, у моихъ друзей, въ скромномъ маленькомъ домикѣ на окраинѣ города? Живъ-ли еще добрый Никифоръ Матвѣевичъ, котораго за наши съ нимъ двѣ встрѣчи я успѣла полюбить, какъ родного?.. А тутъ еще сиди и жди условнаго часа, когда сторожъ Иванычъ придетъ въ классъ и объявитъ мнѣ, что уже 6 часовъ и что срокъ наказанія конченъ. И тогда... тогда!

Но часы идутъ такъ медленно, такъ ужасно медленно. Я сижу около двухъ часовъ, я слышала, какъ било 5 за дверьми, а мнѣ кажется, что около сутокъ я провела одна въ этомъ скучномъ, пустомъ и неуютномъ классѣ.

Отъ нечего дѣлать я начинаю считать квадратики на паркетѣ.

— Одинъ... два... три... четыре...—Но, дойдя до двадцатаго, спутываюсь; въ глазахъ начинаетъ рябить и я бросаю это занятіе.

А на дворѣ-то что дѣлается!.. Господи Боже! Темно, ни зги не видать... Мятель такъ и кружитъ, такъ и кружитъ...

Какъ-то я дойду?

Если-бы у меня были хоть карманныя деньги, можно было-бы нанять извозчика. Но денегъ мнѣ не даютъ на руки, а тѣ, что остались послѣ мамочки, Матильда Францевна велѣла опустить въ копилку.

А что, если за мной придетъ Дуняша или Баварія? Побоятся такой непогоды и явятся сюда. Тогда прости-прощай всему!

Я даже губы стиснула и застонала, точно отъ боли, при одной мысли объ этомъ. Но нѣтъ; врядъ-ли кто догадается придти сюда. Въ шесть часовъ у насъ въ домѣ обѣдаютъ и Дуняшѣ приходится помогать Ѳедору прислуживать за столомъ, а Баварія... Мы слишкомъ близко живемъ отъ гимназіи для того, что-бы Баварія могла побезпокоиться на мой счетъ! Развѣ я не смогу пройти одна двѣ улицы и переулокъ?!

Разъ... два... три!—раздалось мѣрными ударами за дверью,—четыре... пять... шесть!..

— Шесть часовъ!.. Дождалась... Слава Богу!

Вошелъ Иванычъ.

— Пожалуйте, птичка, изъ клѣтки,—ласково улы-

баясь, пошутилъ онъ (Иванычъ былъ славный старикъ, любилъ насъ маленькихъ и всегда жалѣлъ наказанныхъ).

— Не будете проказничать больше, а?

— Не буду, Иванычъ,—черезъ силу улыбнулась я и, вся замирая отъ волненія, спрашиваю прерывающимся голосомъ:

— Что, Иванычъ, пришелъ кто-нибудь за мной?

Ахъ, какимъ долгимъ, долгимъ показалось мнѣ время, пока добрый старикъ не отвѣтилъ:

— Никого, кажись, нѣтъ. Никто не приходилъ.

«Никого нѣтъ! Никто не приходилъ!—запрыгало и заплясало что-то внутри меня.—Хоть въ этомъ удача, слава Богу! Никто не помѣшаетъ мнѣ тотчасъ же пуститься въ путь!»

Быстро сбѣжала я съ лѣстницы, надѣла теплый бурнусъ, капоръ и калоши и со всѣхъ ногъ бросилась къ дверямъ.

— Постойте, постойте, барышня! Книжечки-то и забыли,—крикнулъ мнѣ вслѣдъ Иванычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, книгъ я не возьму сегодня съ собою. Я всѣ уроки выучила! — солгала я чуть не въ первый разъ въ моей жизни и тутъ же густо покраснѣла до корней волосъ.

Но старикъ не замѣтилъ ни моей лжи, ни румянца, залившаго мои щеки.

— Умница! Умница, что выучила, — похвалилъ онъ.—А вотъ закройтесь-ка да застегнитесь получше... Ишь, погода-то какая! Такъ и рветъ! Такъ и рветъ! Да и морозъ къ тому же злющій. Настоящій крещен-

скій морозецъ. Потеплѣе кутайтесь! Долго-ли до грѣха!—заботливо запахивая на мнѣ бурнусъ, ласково говорилъ Иванычъ.

Но я едва-едва стояла на мѣстѣ.

Наконецъ, послѣдняя пуговица застегнута, сторожъ широко распахиваетъ мнѣ дверь и... я на улицѣ.

Вѣтеръ, вьюга, мятель и хлопья снѣга — все это разомъ охватило меня со всѣхъ сторонъ. Я едва удержалась на ногахъ и, съ трудомъ передвигая ихъ, пошла по панели.

День стоялъ сумрачный, темный. Несмотря на ранній часъ вечера, на улицѣ какая-то жуткая полутьма, по дорогѣ попадаются рѣдкіе прохожіе, зябко прячущіе голову въ поднятые воротники пальто и шинелей. А морозъ назойливо щиплетъ носъ, лобъ, щеки и концы пальцевъ на ногахъ и рукахъ.

Прежде чѣмъ пуститься въ путь, надо было взглянуть адресъ, который былъ очень подробно написанъ Никифоромъ Матвѣичемъ на лоскуткѣ бумаги и который, мнѣ хорошо помнится, я сунула, уходя изъ дома, въ карманъ. Я быстро опустила туда руку.

Но что это? Адреса въ карманѣ не оказалось. Напрасно я разъ десять подъ рядъ вытаскивала вещи, находившіяся тамъ,—и носовой платокъ, и игольникъ, и щеточку для волосъ, и записную книжку. Записки съ адресомъ не было между ними. Должно быть я выронила ее какъ-нибудь.

Сначала я очень испугалась сдѣланному мною открытію, но черезъ минуту, другую утѣшила себя на этотъ счетъ: Нюрочка такъ подробно объясняла мнѣ

какъ найти дорогу къ ихъ дому, что я разомъ перестала волноваться и только прибавила шагу и быстрѣе зашагала навстрѣчу мятели и ненастью, все впередъ и впередъ.

ГЛАВА XXI.

Подъ шумъ вѣтра и свистъ мятелицы.

ВѢТЕРЪ свистѣлъ, визжалъ, кряхтѣлъ и гудѣлъ на разные лады. То жалобнымъ тоненькимъ голоскомъ, то грубымъ басовымъ раскатомъ, распѣвалъ онъ свою боевую пѣсенку. Фонари чуть замѣтно мигали сквозь огромные бѣлые хлопья снѣга, обильно сыпавшіеся на тротуары, на улицу, на экипажи, лошадей и прохожихъ. А я все шла и шла, все впередъ и впередъ...

Нюрочка мнѣ сказала:

«Надо пройти сначала длинную большую улицу, на которой такіе высокіе дома и роскошные магазины, потомъ повернуть направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо и опять налѣво, а тамъ все прямо, прямо до самаго конца — до нашего домика. Ты его сразу узнаешь. Онъ около самаго кладбища, тутъ еще церковь бѣлая... красивая такая».

Я такъ и сдѣлала. Шла все прямо, какъ мнѣ казалось, по длинной и широкой улицѣ; но ни высокихъ

домовъ, ни роскошныхъ магазиновъ я не видала. Все заслонила отъ моихъ глазъ бѣлая, какъ саванъ, живая рыхлая стѣна безшумно падающаго огромными хлопьями снѣга. Я повернула направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо, исполняя все съ точностью, какъ говорила мнѣ Нюрочка — и все шла, шла, шла безъ конца.

Вѣтеръ безжалостно трепалъ полы моего бурнусика, пронизывая меня холодомъ насквозь. Хлопья снѣга били въ лицо. Теперь я уже шла далеко не съ той быстротой, какъ раньше. Ноги мои точно свинцомъ налились отъ усталости, все тѣло дрожало отъ холода, руки закоченѣли, и я едва-едва двигала пальцами. Повернувъ чуть-ли не въ пятый разъ направо и налѣво, я пошла теперь по прямому пути. Тихо, чуть замѣтно мерцающіе огоньки фонарей попадались мнѣ все рѣже и рѣже... Шумъ отъ ѣзды конокъ и экипажей на улицахъ значительно утихъ, и путь, по которому я шла, показался мнѣ глухимъ и пустыннымъ.

Наконецъ, снѣгъ сталъ рѣдѣть; огромные хлопья не такъ часто падали теперь. Даль чуточку прояснѣла, но, вмѣсто этого, кругомъ меня воцарились такія густыя сумерки, что я едва различала дорогу.

Теперь уже ни шума ѣзды, ни голосовъ, ни кучерскихъ возгласовъ не слышалось вокругъ меня.

Какая тишина! Какая мертвая тишина!..

Но что это?

Глаза мои, уже привыкшіе къ полутьмѣ, теперь различаютъ окружающее. Господи, да гдѣ-же я?

Ни домовъ, ни улицъ, ни экипажей, ни пѣшеходовъ.

Передо мною безконечное, огромное, снѣжное пространство... Какія-то забытыя зданія по краямъ дороги... Какіе-то заборы, а впереди что-то черное, огромное. Должно быть паркъ или лѣсъ—не знаю.

Я обернулась назадъ... Позади меня мелькаютъ огоньки... огоньки... огоньки... Сколько ихъ! Безъ конца... безъ счета!

— Господи, да это городъ! городъ, конечно,—восклицаю я.—А я ушла на окраину...

Нюрочка говорила, что они живутъ на окраинѣ. Ну, да, конечно! То, что темнѣетъ вдали, это и есть кладбище! Тамъ и церковь, и, не доходя, домикъ ихъ! Все, все такъ и вышло, какъ она говорила. А я-то испугалась! Вотъ глупенькая!

И съ радостнымъ одушевленіемъ я снова бодро зашагала впередъ.

Но не тутъ-то было!

Ноги мои теперь едва повиновались мнѣ. Я еле-еле передвигала ихъ отъ усталости. Невѣроятный холодъ заставлялъ меня дрожать съ головы до ногъ, зубы стучали, въ головѣ шумѣло, и что-то изо всей силы ударяло въ виски. Ко всему этому прибавилась еще какая-то странная сонливость. Мнѣ такъ хотѣлось спать, такъ ужасно хотѣлось спать!

— Ну, ну, еще немного — и ты будешь у твоихъ друзей, увидишь Никифора Матвѣича, Нюру, ихъ маму, Сережу!—мысленно подбадривала я себя, какъ могла...

Но и это не помогало.

Ноги едва-едва передвигались; я теперь съ трудомъ вытаскивала ихъ, то одну, то другую, изъ глубокаго

снѣга. Но онѣ двигаются все медленнѣе, все... тише... А шумъ въ головѣ дѣлается все слышнѣе и слышнѣе, и все сильнѣе и сильнѣе что-то бьетъ въ виски...

Наконецъ, я не выдерживаю и опускаюсь на сугробъ, образовавшійся на краю дороги.

— Ахъ, какъ хорошо! Какъ сладко отдохнуть такъ! Теперь я не чувствую ни усталости, ни боли... Какая-то пріятная теплота разливается по всему тѣлу... Ахъ, какъ хорошо! Такъ бы и сидѣла здѣсь и не ушла никуда отсюда! И если бы не желаніе узнать, что сдѣлалось съ Никифоромъ Матвѣичемъ и навѣстить его, здороваго или больного, — я бы непремѣнно соснула здѣсь часокъ, другой... Крѣпко соснула! Тѣмъ болѣе, что кладбище недалеко... Вонъ оно видно. Верста-другая, не больше...

Снѣгъ пересталъ идти, мятель утихла немного и мѣсяцъ выплылъ изъ-за облаковъ.

О, лучше-бы не свѣтилъ мѣсяцъ, и я-бы не знала, по крайней мѣрѣ, печальной дѣйствительности!

Ни кладбища, ни церкви, ни домиковъ, — ничего нѣтъ впереди!.. Одинъ только лѣсъ чернѣетъ огромнымъ чернымъ пятномъ тамъ далеко, да бѣлое мертвое поле раскинулось вокругъ меня безконечной пеленой...

Ужасъ охватилъ меня.

Теперь только поняла я, что заблудилась.

ГЛАВА XXII.

Назадъ! Волки!—Сонъ про царевну-Снѣжинку.

—НАЗАДЪ! Въ городъ! Туда, гдѣ сверкаютъ огоньки! Гдѣ ходятъ люди! Туда, туда скорѣе! Я сбилась съ дороги! Впереди страшный черный лѣсъ, гдѣ не можетъ быть жилья Нюры... Ни кладбища, ни церкви! Назадъ, скорѣе!..

Такъ говорила я себѣ, дѣлая напрасныя усилія подняться, и тутъ-же почувствовала, что не въ силахъ пошевелить ни рукой, ни ногой. Ноги нестерпимо ныли и горѣли, и руки горѣли, и лицо, и все тѣло. Я не могла сдѣлать ни шагу больше въ такомъ состояніи...

Вдругъ до ушей моихъ донесся громкій, жалобный вой.

Я вздрогнула отъ ужаса и закрыла лицо руками. Что это? Неужели еще новая опасность грозитъ мнѣ сейчасъ? Неужели я пришла сюда, что-бы быть заживо съѣденной волками? Положимъ, лѣсъ еще да-

леко, но развѣ ужасные звѣри не могутъ прійти сюда оттуда, почуя добычу поблизости!... О!..

Теперь я дрожала не отъ холода только... Страхъ, ужасъ, отчаяніе—все это разомъ наполняло мое маленькое сердечко.

Въ страхѣ повернулась я лицомъ къ лѣсу и тутъ же жалобный крикъ вырвался изъ моей груди. Я увидѣла двѣ яркія, свѣтящіяся точки, которыя приближались со странной быстротой по снѣжному полю прямо ко мнѣ. Точки ярко-ярко горѣли во тьмѣ. Я не сомнѣвалась теперь, что это были глаза волка. Онъ, казалось, со всѣхъ ногъ несся по дорогѣ.

Я снова вскочила на ноги, пробуя бѣжать, и снова безсильно опустилась въ сугробъ.

И странное дѣло: несмотря на приближающіеся ко мнѣ съ каждой секундой глаза волка, несмотря на ужасный вой, который гулко разливался по всей полянѣ, я уже не чувствовала того страха, который охватилъ меня за минуту до того. Снова непонятная сонливость наполнила все мое существо. Сонъ подкрался ко мнѣ неслышнымъ шагомъ, осторожно опустилъ мою голову на мягкую постель изъ снѣжнаго сугроба, насильно закрылъ мнѣ глаза отяжелѣвшими вѣками—и въ тотъ же мигъ пріятная теплота разлилась по всему моему тѣлу. Точно кто-то заботливо опустилъ меня въ теплую-теплую ванну, отъ которой боль въ ногахъ и рукахъ разомъ исчезла, прошла. Я не боялась теперь ни волковъ, ни ихъ горящихъ глазъ, ни громкаго воя...

— Только-бы уснуть... Только-бы уснуть!—произнесла я чуть слышно, — больше мнѣ ничего не надо!

— Неужели не надо?—послышался надо мной веселый звонкій смѣхъ.

Я открыла глаза, испуганная, удивленная.

— Кто здѣсь? Кто смѣется?

— Развѣ ты не видишь? Вотъ смѣшная дѣвчурка! Гляди!

Я быстро обернулась.

— Ахъ!

Передо мною дѣвочка... Прелестная бѣлокурая дѣвочка... Она смѣется такъ, точно серебряные колокольчики дрожатъ въ воздухѣ. И какая она вся хорошенькая! Чудо! Нѣжненькая, бѣленькая, какъ сахаръ, а за спиною у нея прозрачныя крылышки, которыя такъ и блестятъ-переливаются въ лучахъ мѣсяца.

— Кто ты?—спрашиваю я дѣвочку, которая ужасно нравится мнѣ.

— Развѣ ты меня не знаешь?—смѣется она.

И снова серебряные колокольчики поютъ-заливаются въ воздухѣ.

— Я царевна-Снѣжинка,—говоритъ дѣвочка. — Я летаю въ воздухѣ, поднимаюсь на облака и спускаюсь на землю. Хочешь, будемъ летать вмѣстѣ со мною?

— Хочу! Хочу! Ахъ, какъ это должно быть весело! Полетимъ, Снѣжинка! Скорѣй! Скорѣй!—радостно кричу я и протягиваю ей руки.

Колокольчики снова звенятъ. Дѣвочка смѣется.

— Летимъ! Летимъ! — говоритъ она и, схвативъ меня за руку, поднимается на воздухъ.

Я—за нею.

Ахъ, какъ хорошо летѣть такъ высоко-высоко надъ землею, надъ бѣлымъ снѣжнымъ полемъ, надъ чернымъ лѣсомъ.

— Въ городъ! Въ городъ! Летимъ въ городъ, Снѣжинка!—прошу я.

— Въ городъ, въ городъ!—смѣется дѣвочка своимъ колокольчикомъ-голоскомъ, и мы летимъ туда, гдѣ сіяютъ безчисленные огоньки гдѣ, стоятъ высокіе дома и ярко освѣщенные магазины.

— Что ты хочешь видѣть? — спрашиваетъ Снѣжинка, повернувъ ко мнѣ свое прелестное личико.

— Нюрочку и ея папу!—вырывается у меня взволнованный крикъ.

— Отлично,—говоритъ мнѣ моя спутница,—ты увидишь ихъ сейчасъ!

— Развѣ онъ здоровъ, Нюринъ папа?—спрашиваю я Снѣжинку и въ страхѣ ожидаю отвѣта.

— Сама увидишь! Сейчасъ увидишь!—звенятъ колокольчики и мы поворачиваемъ въ сторону отъ шумныхъ свѣтлыхъ улицъ и летимъ къ темной окраинѣ большого города.

— Вотъ и кладбище... Вотъ и церковь, и маленькій домикъ въ сторонѣ отъ нея, на краю дороги. Тамъ свѣтло, огонь. Видно, никто не спитъ.

— Смотри въ окно!—звенитъ Снѣжинка, и въ одну минуту мы спускаемся съ нашей высоты къ маленькому оконцу.

Я вижу всю семью моего друга и его самого, здороваго, невредимаго, сидящаго въ кругу своей семьи. Онъ разсказываетъ что-то женѣ и дѣтямъ, а тѣ улы-

баются, а у самого слезы стоятъ на глазахъ. Слезы умиленья и счастья.

— Ну, что-же, узнала ты, что хотѣла? — спрашиваетъ царевна-Снѣжинка.

— Все! Все узнала!—говорю я радостно.— Теперь летимъ въ другое мѣсто, въ домъ моихъ родныхъ! Я хочу видѣть, что они тамъ дѣлаютъ послѣ моего отъѣзда.

— Хорошо! Изволь! — звенитъ моя спутница, — сегодня я въ твоемъ распоряженіи. Проси чего хочешь!

И мы снова поднимаемся съ нею на воздухъ и летимъ съ быстротою стрѣлы.

Передо мною высокое четырехъэтажное зданіе съ массою ярко освѣщенныхъ оконъ. Я сразу узнаю его. Въ немъ живетъ дядя Мишель и его семья.

Быстро подлетаемъ мы съ царевной-Снѣжинкой къ окну столовой и я заглядываю туда.

Вся семья сидитъ за вечернимъ чаемъ. Но никто не притрогивается къ нему. Стѣнные часы бьютъ 10.

Входитъ Ѳедоръ быстро и неслышно, какъ всегда.

— Что барышня? Еще не возвращалась? — спрашиваетъ дядя.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ лакей.

Дядя блѣднѣетъ и хватается за голову. На его лицѣ такое страданіе, что жутко дѣлается смотрѣть на него.

— Успокойся, Мишель,—говоритъ тетя Нелли,—я заявила въ полицію и Лена найдется!

— Ахъ, что ты говоришь,—въ тоскѣ восклицаетъ

дядя,—пока полиція отыщетъ ее, она можетъ замерзнуть въ какой-нибудь трущобѣ. Бѣдная дѣвочка! Бѣдная малютка! Какой отвѣтъ я дамъ твоей покойной матери! — и дядя тихо, беззвучно рыдаетъ, охвативъ руками голову.

— А все изъ-за Баваріи! Все изъ-за нея! — слышится чей-то злобный шопотъ на концѣ стола.

— Что такое? Кто смѣетъ?—такъ и подпрыгиваетъ на своемъ стулѣ Матильда Францевна, сидѣвшая тутъ же.—Какъ вы смѣли сказать?

И, вскочивъ со своего мѣста, она подбѣгаетъ къ Жюли, помѣстившейся подлѣ Толи на противоположномъ концѣ стола.

— Конечно, изъ-за васъ! Изъ-за васъ все это случилось, — смѣло говоритъ дѣвочка и большіе черные глаза ея зло сверкаютъ изъ-подъ темныхъ бровей. — Не обращались-бы такъ худо съ Леной, не обижали-бы ее поминутно, — не случилось-бы ничего такого!

— Молчать!—возвышаетъ голосъ Баварія.

— Правда! Правда, Жюли! — пищитъ за сестрою мой милый Пятница и слезы ручьемъ текутъ изъ его глазъ.—Килька ревельская! Лягушка! Злючка! Крыса! Клѣтчатая вѣшалка! Ненавижу васъ за Лену, ненавижу! Бррръ!

И онъ плачетъ на весь домъ, громко всхлипывая и утирая глаза кулаками.

Я не могу больше выносить этого зрѣлища и шепчу моей спутницѣ:

— Летимъ скорѣе! Летимъ отсюда!

— Охотно! Но куда? Я жду твоего указанія,—слышится ея колокольчикъ-голосокъ.

Я задумываюсь на минуту. Потомъ быстрая мысль вихремъ проносится въ моей головѣ.

— Я хочу видѣть маму! Покажи мнѣ мою маму, царевна-Снѣжинка! Ты говоришь, что все можешь, лети со мной къ ней.

На этотъ разъ колокольчики не звенѣли и воздушная дѣвочка не разсмѣялась своимъ звонкимъ смѣхомъ. Лицо у нея стало серьезное, даже печальное, и она сильнѣе сжала мою руку своею.

Мы медленно стали подниматься вверхъ.

Но чѣмъ выше летѣли мы, тѣмъ взмахъ крыльевъ Снѣжинки становился все медленнѣе и слабѣе... И личико у нея поблѣднѣло, и губки раскрылись. Видно было, что она дышала съ трудомъ.

Еще одинъ взмахъ, одно усиліе — и внезапно моя спутница заколебалась въ воздухѣ.

— Что съ тобою? Ты устала, Снѣжинка? — вскричала я.

— Нѣтъ! Нѣтъ! — услышала я слабый голосокъ у самого моего уха, — но ты просишь невозможнаго. Такой услуги я тебѣ оказать не могу. Я слишкомъ понадѣялась на свои силы и этимъ погубила и тебя и себя. Мы падаемъ... смотри!

Въ ту же минуту я почувствовала, какъ моя спутница выпустила мои пальцы изъ своей руки, потомъ все закружилось, завертѣлось и заплясало передъ моими глазами...

Ужасъ охватилъ меня всю...

— Снѣжинка, гдѣ ты? Гдѣ ты, Снѣжинка? Не оставляй меня одну! Мнѣ страшно, мнѣ страшно! — вскричала я дикимъ голосомъ и, нѣсколько разъ перевернувшись въ воздухѣ, быстро-быстро полетѣла со своей заоблачной высоты прямо на землю...

ГЛАВА XXIII.

Сонъ переходитъ въ дѣйствительность.

—СНѢЖИНКА! Гдѣ ты? Гдѣ ты? — кричу я еще разъ и съ усиліемъ открываю глаза...

— Гдѣ я? Кто это?

Передо мною Снѣжинка. На ней бѣлое платье, но лучезарныхъ крыльевъ я не вижу у нея за спиной. И звонкаго смѣха ея не слышно больше.

Она заботливо склоняется надо мною. Я не вижу хорошо ея лица, потому что лампа заслонила его зеленымъ абажуромъ, и стоитъ Снѣжинка спиной къ свѣту. Но я рада, что она снова подлѣ меня. Мнѣ хочется утѣшить ее, успокоить. Мнѣ самой такъ хорошо и тепло въ широкой, мягкой постели подъ стеганымъ шелковымъ одѣяломъ, на мягкой подушкѣ, отъ которой такъ чудесно пахнетъ.

Я хочу, чтобы и Снѣжинкѣ было также хорошо, и я протягиваю къ ней руки и прошу слабымъ голосомъ:

— Пожалуйста, Снѣжинка, лягъ со мною... Вѣдь ты тоже устала. Отдохни.

Она послушно кладетъ голову на подушку рядомъ. Свѣтъ лампы падаетъ на ея лицо и...

— Анна!—вскрикиваю я не своимъ голосомъ,—вы! Здѣсь! Со мной!

— Тише! тише, Леночка! — шепчетъ подлѣ меня хорошо знакомый, дорогой голосокъ, — ради Бога, тише! Докторъ прописалъ тебѣ покой и сонъ, а то онъ запретитъ мнѣ ухаживать за тобою и прогонитъ отсюда!

— Прогонитъ отсюда? О!

И я съ силой обвиваю руками тоненькую шейку моего друга и не отпускаю ее. Мнѣ кажется, что сонъ еще продолжается... что, какъ только я отпущу отъ себя Анну, то снова очучусь въ снѣжномъ полѣ, снова завоетъ вьюга и закрутитъ мятелица, и снова увижу я передъ собою двѣ горящія точки—глаза волка.

И вспомнивъ о немъ, я дико кричу на всю комнату:

— Спасите меня! Спасите! Спасите!

На крикъ мой въ дверяхъ появляется высокій, очень красивый и сѣдой господинъ съ добрымъ печальнымъ лицомъ и говоритъ тихо:

— Твоя больная безпокоится, Анна! Не позвать-ли снова доктора?

— О, папочка, позволь мнѣ разсказать ей, какъ она попала сюда! Иначе она все будетъ думать объ этомъ и не уснетъ, пожалуй, всю ночь, — взмолилась молоденькая графиня, вырвавшись изъ моихъ объятій и бросаясь къ высокому старику.

Тотъ чуть замѣтно кивнулъ головою.

Тогда Анна бросилась ко мнѣ, обхватила мою голову обѣими руками и быстро-быстро заговорила, наклоняясь ко мнѣ:

— Вотъ видишь, Леночка, когда ты ушла изъ гимназіи, то благодаря мятели сбилась съ дороги и попала на самую окраину города, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ пустырей и огородовъ, да голодныхъ, бродячихъ собакъ. Ты сбилась съ дороги, сѣла въ сугробъ и навѣрное бы замерзла, если бы Богу не угодно было спасти тебя. Смотри, какъ милосерденъ Онъ, Леночка! И пути Его неисповѣдимы! Случайно въ эту самую ночь папа со своимъ старымъ пріятелемъ княземъ Бецкимъ и еще другими охотниками возвращались съ охоты на зайцевъ, за которыми они каждую недѣлю охотятся за городомъ. И вдругъ, когда ихъ тройка подъѣхала къ тому мѣсту, гдѣ была ты, папа услышалъ твой стонъ. Онъ остановился, всѣ вылѣзли изъ саней. Папина собака, Дикъ, побѣжала впередъ, остальные, захвативъ ручной фонарь — за ней — и тебя нашли въ снѣгу среди поля... Остальное тебѣ нечего досказывать. Можешь себѣ представить мое удивленіе и ужасъ, когда тебя, безчувственную, замерзшую, два часа тому назадъ привезли сюда! Папа и не зналъ кого онъ спасъ: ему и въ голову не приходило, что онъ привезъ друга своей дочурки... Сейчасъ же позвали доктора... Приняли мѣры... И... и... Вѣрно твоя мамочка очень усердно молилась за тебя на небѣ, если Господь такимъ чудеснымъ образомъ спасъ тебя отъ смерти, — закончила Анна свой разсказъ.

На прекрасныхъ глазахъ ея были слезы. Она об-

— Тебя нашли въ снѣгу...

няла меня, и мы тихо зарыдали въ объятіяхъ другъ друга...

Теперь все стало для меня яснымъ, какъ день. Глаза волка — было не что иное, какъ два фонаря графской тройки. Страшный вой — былъ воемъ голодной собаки. Голосокъ Снѣжинки, такъ странно похожій на колокольчикъ, и былъ колокольчикъ, заливавшійся подъ дугой графской тройки.

Это было все такъ просто! Совсѣмъ просто!

Но одного не понимала я: чѣмъ могла я, глупая, маленькая дѣвочка, заслужить такое чудесное спасеніе и вдобавокъ, точно въ волшебной сказкѣ, попасть прямо изъ пустыннаго темнаго поля къ моему лучшему другу, графинѣ Аннѣ, такъ горячо любившей меня!

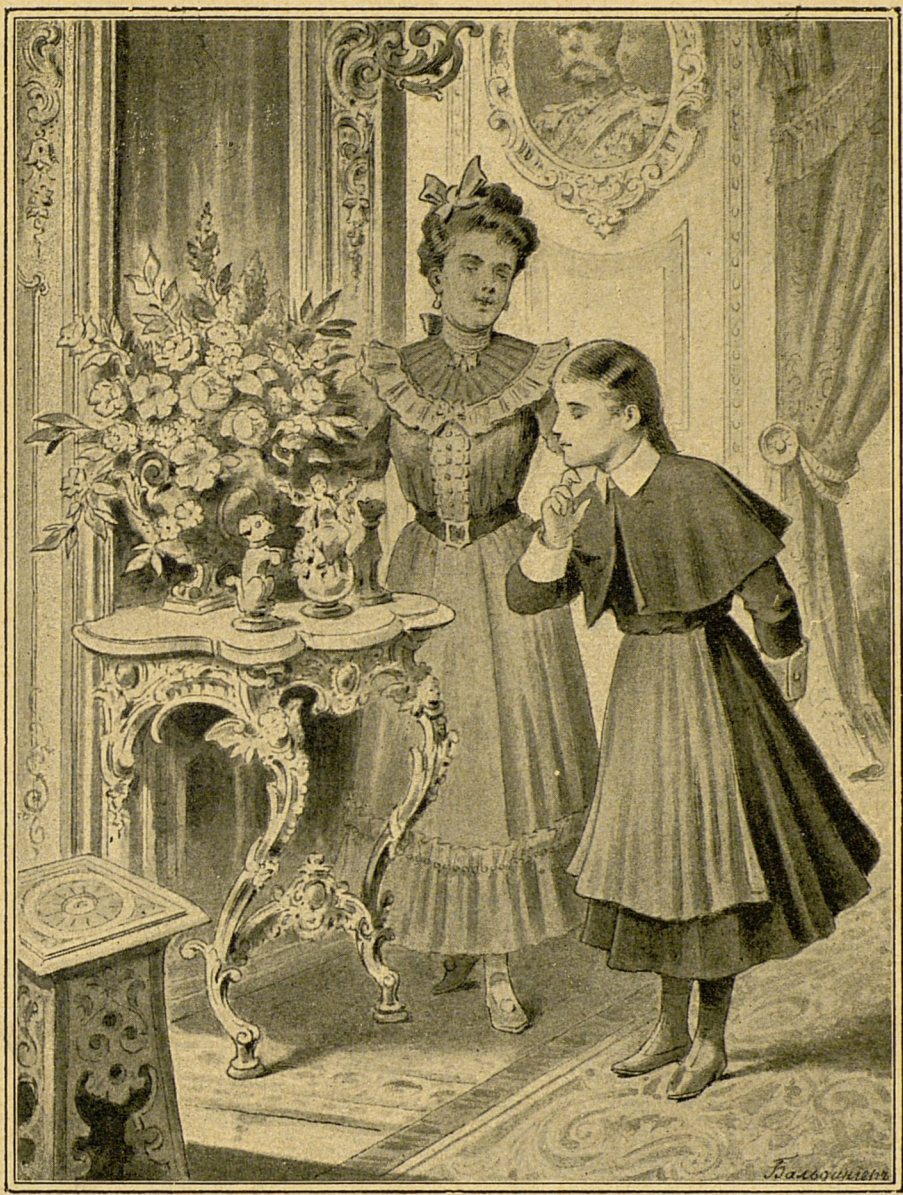
ГЛАВА XXIV.

Мое счастье. — Выборъ.

СЪ какимъ радостнымъ чувствомъ проснулась я на другое утро!.. Анна съ трудомъ могла удержать меня въ постели до пріѣзда доктора. Я чувствовала себя бодрой и здоровой. Вчерашнія невзгоды казались мнѣ теперь какимъ-то тяжелымъ сномъ, тѣмъ болѣе, что Анна прочла мнѣ изъ газеты о спасеніи всей поѣздной прислуги и пассажировъ, потерпѣвшихъ крушеніе на поѣздѣ № 2-й. Во вчерашнемъ номерѣ вкралась опечатка. Убитыхъ не было, раненыхъ также. Стало быть, и мой другъ Никифоръ Матвѣичъ былъ здравъ и невредимъ.

Пріѣхалъ докторъ. Осмотрѣлъ меня, подивился моей здоровой натурѣ и позволилъ встать съ постели.

Не знаю, кто изъ насъ больше обрадовался этому извѣстію — Анна, или я? Первое, что она сдѣлала — показала мнѣ всю ихъ квартиру. Конечно, отецъ Анны не былъ министромъ, а только имѣлъ высокій чинъ. Но что за роскошный дворецъ увидѣла я! У министра, должно быть, не было такого. Всюду зеркала, хру-



Я громко восхищалась всѣмъ...

сталь, золото, бронза. А сколько красивыхъ картинъ висѣло на стѣнахъ! Сколько прелестныхъ бездѣлушекъ стояло на изящныхъ этажеркахъ!

Я громко восхищалась всѣмъ, рѣшительно всѣмъ.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь! Ни за что бы не ушла отсюда! — вскричала я, не отрывая глазъ отъ прелестной статуэтки собаки, стоявшей у зеркала на золоченомъ столикѣ съ мраморной доской.

Она повернула ко мнѣ свое красивое личико и спросила очень серьезнымъ тономъ:

— Ты-бы хотѣла остаться здѣсь, Лена?

— До завтра?—спросила я.

— Нѣтъ, дольше. Надолго... навсегда... постоянно.

— Ахъ!—вырвалось у меня радостнымъ звукомъ...

— Хотѣлось бы быть постоянно со мною, хотѣлось бы сдѣлаться сестрой моей... Хотѣлось бы, Лена?

— Анна! Милая! Не говори такъ! Не дразни меня!

Я сама не замѣтила, какъ говорила ей ты. Счастье казалось мнѣ слишкомъ велико, чтобы я могла получить его, я, маленькая, ничтожная Лена!..

— Дразнить тебя! Тебя, мою дѣвочку!—вскричала Анна и, неожиданно притянувъ меня къ себѣ, посадила на колѣни.—Слушай же, Лена,— произнесла она еще болѣе серьезнымъ, торжественнымъ голосомъ,— когда я увидѣла тебя безчувственную, жалкую, при смерти, когда папа привезъ тебя замерзшую къ намъ, я поняла, какъ сильно люблю тебя. А полюбила я тебя съ той

самой минуты, какъ увидѣла тебя плачущую, обиженную подругами тамъ, въ библіотекѣ... И мнѣ вспомнились нѣкоторыя слова твоихъ двоюродныхъ сестеръ и брата у васъ на елкѣ, изъ которыхъ я поняла, какъ всѣ они очень мало любятъ тебя и что тебѣ тяжело живется у дяди. И тутъ же я рѣшила просить папу оставить тебя у насъ. Мнѣ такъ скучно живется одной! Папа все время на службѣ; съ подругами я никакъ не могу сойтись, сестеръ и братьевъ у меня нѣтъ. Ты... Ты... хочешь быть моей сестрой, Леночка? — неожиданно спросила она.

— А твой папа? Что скажетъ онъ? — начала я робко.

— Папа ничего не скажетъ. Папа порадуется только этому, дитя мое,—услышала я ласковый голосъ за собою и, живо обернувшись, увидѣла стараго графа. Что-то толкнуло меня впередъ. Точно кто взялъ меня за руку и подвелъ къ нему.—Очень радъ, милое дитя, что ты останешься съ нами, — произнесъ онъ своимъ ласковымъ голосомъ, взявъ обѣими руками мою голову и цѣлуя меня отечески въ лобъ, — мы уже съ Анной рѣшили вчера твою судьбу. Надѣюсь, ты не противъ нашего рѣшенія.

— О, смѣетъ она быть противъ, — зажимая мнѣ рукою ротъ и въ то же время цѣлуя меня, со смѣхомъ вскричала Анна.

Мнѣ казалось, что я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ въ эту минуту...

* * *

— Ты должна быть умницей, Лена, и съѣздить

— Лена, дѣвочка моя, можно ли такъ пугать!..

къ твоимъ роднымъ успокоить ихъ, — сказалъ старый графъ, когда мы съ Анной сидѣли у ярко пылающаго камина въ его кабинетѣ, гдѣ Анна всегда проводила послѣобѣденное время.

— Вы уже были у нихъ, папа,—робко освѣдомилась я (старый графъ приказалъ мнѣ называть его такъ).

— Да, былъ сегодня утромъ, и дядя очень хочетъ видѣть тебя.

— Въ такомъ случаѣ я ѣду,—вскричала я и, тотчасъ же обернувшись на свою названную сестричку, спросила тихо:—Но ты поѣдешь со мной, неправда-ли, Анна?

— Конечно, конечно,—поспѣшила отвѣтить она и мы побѣжали одѣваться.

Не скажу, чтобы мысль повидаться съ родными улыбалась мнѣ. Всего только день провела я въ домѣ моего названнаго отца съ моей милой сестричкой, какъ все остальное отошло отъ меня далеко, далеко, и хорошее, и дурное разомъ было забыто мною.

Съ нехорошимъ чувствомъ подъѣхала я къ знакомому дому и, крѣпко держась за руку Анны, какъ-будто меня отнимали отъ нея, поднялась по лѣстницѣ и позвонила у дверей.

Насъ, очевидно, ждали. Не успѣла я войти въ прихожую, какъ изъ комнаты выбѣжала Жюли и повисла у меня на шеѣ. Дядя быстро вошелъ за ней, слѣдомъ за нимъ бѣжалъ Толя. Остальные столпились въ дверяхъ.

— Лена, дѣвочка моя, можно ли такъ пугать, —

произнесъ взволнованнымъ голосомъ дядя и, поднявъ меня на воздухъ, покрылъ мое лицо поцѣлуями.

Милый дядя! А я и не думала, что онъ такъ любитъ меня!

Онъ очень постарѣлъ и осунулся за ночь и еще новая морщинка легла на его высокомъ лбу.

Я отвѣчала горячими поцѣлуями на его ласку. Потомъ чьи-то руки тихонько отвели меня отъ него и я увидѣла передъ собою привѣтливое, красивое лицо. Я съ трудомъ узнала холодныя, строгія черты тети Нелли въ этомъ, сразу измѣнившемся, лицѣ.

Нѣтъ, я положительно никого не узнавала въ этотъ вечеръ. Даже Баварія—и та, мягко улыбаясь, подала мнѣ руку и произнесла взволнованно:

— Ну, вотъ, слава Богу, вы и вернулись, Елена!

— Вернулась на сегодня. Вечеромъ я уѣду снова,— произнесла я и помимо желанія торжествующими глазами обвела окружающихъ.

— Куда? Какъ? Почему?—послышалось отовсюду.

Тогда Анна выступила впередъ и объяснила въ чемъ дѣло.

Едва только она успѣла произнести: «Леночка моя сестра и останется жить съ нами», какъ вдругъ громкое всхлипываніе послышалось изъ угла залы:

— Бѣдный Пятница! Бѣдный Пятница! Гдѣ твой Робинзонъ?

Я сразу догадалась, кому принадлежала эта жалоба и бросилась утѣшать бѣднаго мальчика. Но вдругъ что-то жалкое, маленькое, безпомощное и больное преградило мнѣ дорогу.

— Лена, Лена! — вскричала Жюли, падая передо мною на колѣни, — если ты уйдешь, Лена, я опять стану гадкая горбунья-уродка и забуду все то хорошее, чему научилась, глядя на тебя.

И она умоляюще складывала ручонки, вся дрожала отъ волненія, ловила мои руки и цѣловала ихъ.

Въ одну минуту и мой милый Пятница очутился подлѣ.

— Не смѣй уходить, Ленуша! Не смѣй уходить!.. Я люблю тебя... Я не пущу тебя, слышишь, не пущу!.. Умру съ горя... У меня снова припадки начнутся... Отъ тоски будутъ припадки и я умру,—лепеталъ онъ сквозь слезы, бросаясь ко мнѣ.

Ниночка, стоя подлѣ матери, тоже кусала губы, глядя то на брата, то на сестру. Тогда Жоржъ подошелъ ко мнѣ, легонько ударилъ меня по плечу рукою и, глядя куда-то въ сторону, произнесъ, усиленно посапывая носомъ:

— Ты, можетъ быть, изъ-за насъ и оттого, что мы тебя «задирали», не желаешь оставаться и уходишь. Такъ ей-Богу же я Нинку вздую, если она хоть разъ тебя Мокрицей называть посмѣетъ, а если самъ, то языкъ себѣ откушу — вотъ что. Вѣдь ты уѣзжать вздумала изъ-за нашихъ щелчковъ. Остроумно!— и не выдержавъ больше, онъ отвернулся въ уголъ и захныкалъ не хуже Толи.

Я взглянула на дядю. Онъ смотрѣлъ на меня печальными, скорбными глазами и не говорилъ ни слова. Только руки его были протянуты ко мнѣ, и въ глазахъ было столько мольбы, что я не вынесла больше.

— Я остаюсь! Я остаюсь съ вами!—вскричала я, не помня себя, обнимая за-разъ и дядю, и Жюли, и Ниночку, и Толю.—Я остаюсь!—рыдала я,—я здѣсь нужнѣе... да, да, нужнѣе. И Жюли я нужна, и Толѣ, и всѣмъ... Прости, прости меня, Анна!

Молоденькая графиня приблизилась ко мнѣ, обняла меня и ея прекрасные глаза свѣтились.

— Ты права, Лена,—произнесла она тихо,—у меня тебя ждетъ вѣчный праздникъ, а здѣсь ты должна быть утѣшеніемъ. Здѣсь ты нужнѣе. Я такъ и скажу папѣ. Иначе ты поступить не можешь.—И она протянула мнѣ свою маленькую ручку.

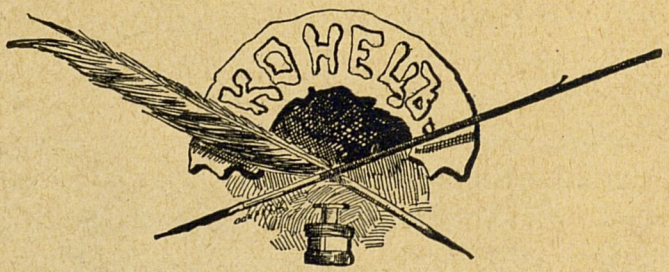
— Спасибо, дѣвочка, я глубоко цѣню твою жертву,—произнесъ дядя и горячо поцѣловалъ меня.

Тетя Нелли кивнула мнѣ головой и произнесла ласково:

— Я и не думала, что Елена такой чудный, благородный ребенокъ.

Жюли душила меня поцѣлуями въ то время, какъ просвѣтлѣвшій Толя кричалъ:

— Да здравствуетъ Пятница! Да здравствуетъ Робинзонъ!



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА	I. Въ чужой городъ, къ чужимъ людямъ	1
»	II. Моя мамочка	5
»	III. Клѣтчатая дама	10
»	IV. Семейство Икониныхъ.—Первыя невзгоды	17
»	V. Разбитая ваза.—Тетя Нелли и дядя Мишель	22
»	VI. Горбунья.—Новый врагъ	29
»	VII. Страшная комната.—Черная птица	40
»	VIII. Въ гимназіи. — Непріятная встрѣча. — Я гимназистка	45
»	VIII. Травля.—Японка.—Единица	55
»	IX. Филька пропалъ.—Меня хотятъ наказать	61
»	X. Маленькій другъ и ливерная колбаса	70
»	XI. Сюрпризъ.—Фискалка.—Робинзонъ и его Пятница.	74
»	XII. Яшку травятъ.—Измѣнница.—Графиня Симолинь.	83
»	XIII. Моя жизнь.—Дядина ласка.—Драка	94
»	XIV. Балъ.—Снова Нюрочка	100
»	XV. Неожиданная встрѣча.—Мазурка.—Нюрочка отличилась	107
»	XVII. Происшествіе.—Чужая вина	116
»	XVIII. Раскаяніе	125
»	XIX. Ужасная новость. — Я справедливо заслуживаю наказаніе	131
»	XX. Наказанная. — Въ путь-дорогу. — Потерянная записка	141
»	XXI. Подъ шумъ вѣтра и свистъ мятелицы	146
»	XXII. Назадъ! —Волки. — Сонъ про царевну Снѣжинку.	150
»	XXIII. Сонъ переходитъ въ дѣйствительность	158
»	XXIV. Мое счастье.—Выборъ	162

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЛЬФА

Собраніе разсказовъ и повѣстей извѣстныхъ русскихъ авторовъ, — преимущественно изъ русской жизни и русскаго быта Каждая книжка заключаетъ въ себѣ совершенно законченное произведеніе, отпечатанное на веленевой бумагѣ четкимъ и яснымъ шрифтомъ.

1. **Груня.** Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

2. **Красный фонарь.** Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

3. **Дуня Перехватова.** Разсказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелло. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

4. **Митина нива.** Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 k., въ папкѣ 30 k.

5. **Звѣздочка.** Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Ольшанскаго. Ц. 15 k., въ папкѣ 30 k.

6. **Птицеловъ.** Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 k., въ папкѣ 55 k.

7. **Крестьянская свадьба.** Разсказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

8. **Мунька.** Похожденія одной собаки. Разсказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со мног. рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 k., въ папкѣ 55 k.

9. **Счастье сыть богатымъ.** Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

10. **Канунъ Рождества.** Повѣсть для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

11. **В рбы.** Разсказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 k., въ папкѣ 45 k.

12. **Свѣтлый праздникъ.** Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

13. **Пангеранъ-Пугаръ, яванскій охотникъ.** Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

14. **То — что можно.** Разсказъ А. В. Круглова. Съ ориг. рисунк. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 k., въ папкѣ 55 k.

15. **Петро Акчинъ.** Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

16. **Семикъ и Троицынъ день.** Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

17. **Ночь на Ивановъ день.** Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

18. **Какъ поймать солнечный лучъ.** Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

19. **Субала, добродушный слонъ.** Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

20. **Гаранька.** Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

21. **Петрусь Мартынюкъ.** Повѣсть Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

22. **Чайка.** Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 k., въ папкѣ 45 k.

23. **Бѣлые индусы.** Повѣсть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

24. **Доминъ съ цвѣт. ин.—Старый садовникъ.** Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

25. **Орландъ. — Поэтъ и соловей.** Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 k., въ папкѣ 30 k.

26. **Выѣздъ въ деревню.** Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

27. **Воспоминанія моего товарища.** Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. И. В. Симакова. Ц. 25 k., въ папкѣ 40 k.

28. **Доброе слово.** Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

29. **Сюрпризъ.** Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 k., въ папкѣ 35 k.

30. **Наташа Гордѣева.** Разсказы для дѣ ей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 15 k. въ папкѣ 30 k.

31. **Друзья.** Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 k., въ папкѣ 30 k.

32. **Шмуэль.** Разсказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 k., въ папкѣ 30 k.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 и Невскій, 13. || МОСКВА, Кузнецкій Мостъ. 12 и Моховая, 22.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЛЬФА

Собраніе разсказовъ и повѣстей извѣстныхъ русскихъ авторовъ, — преимущественно изъ русской жизни и русскаго быта. Каждая книжка заключаетъ въ себѣ совершенно законченное произведеніе, отпечатанное на веленевой бумагѣ четкимъ и яснымъ шрифтомъ.

33. **Горькая судьба.** Разска ъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

34. **Промелькнувшее счастье.** Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 4 отд. иллюстр. и 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

35. **Нѣмецъ и Страшилище.** Два разсказа изъ гимназической и студенческой жизни И. Н. Потапенко. Съ 5 отд. карт. В. Полякова и А. Юдудскаго. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

36. **Гриша.** Разсказъ изъ раскольничьяго быта Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 3 отд. карт. и 1 рис. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

37. **Иванъ Пестриковъ.** Историческій разсказъ изъ торговой жизни вольнаго Новгорода А. В. Аѳсеньева. Съ 1 отд. карт. и рис. М. Малышева. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

38. **За раками.** Разсказъ Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Съ 1 отд. карт. и 1 рис. М. Малышева. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

39. **Арефьевна варенье варитъ.** Разсказъ Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

40. **Жертва богамъ (Нигварь и Малуш).** Историческая повѣсть изъ временъ язычества на Руси кн. Н. М. Волконскаго. С 1 отд. карт. и 9 рис. худ. Быкодорова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

41. **Архангельскіе поморы.** Разсказъ А. П. Смирнова. Съ 4 рис. А Шлипера. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

42. **Какъ мы ѣздили въ Гахчи.** Разсказъ Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Съ 2 рис. А. Аѳанасьева. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

43. **Паша Вихровъ.** Разсказъ А. Ѳ. Писемскаго. Съ 3 отд. карт. худ. Э. К. Соколовскаго. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

44. **Какъ мы ѣздили къ бабушкѣ гостить.** Разсказъ Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Съ 1 отд. арт. и 1 рис. Р. Гвелесіани. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

45. **Бабушка-правительница.** Разсказъ Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Съ 1 отд. карт. и 1 рис. М. Малышева. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

46. **На ворѣ шапка горитъ.** Очеркъ С. В. Максимова. Съ 3 рис. М. Малышева. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

47. **Тарка корнкъ.** Повѣсть М. А. Ляминой. Съ 5 рис. Р. Гвелесіани. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

48. **Тамбовскій Робинзонъ.** Разс азъ Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Съ 1 отд. карт. К. Тихомирова и 3 рис. М. Малышева. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

49. **Проданный талантъ.** Разсказъ Л. А. Чарской. Съ 8 рис. В. А. Полякова. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

50. **Мой другъ Алексѣй Петровичъ.** Разсказъ Н. А. Лухмановой. Съ 2 рис. С. Поль. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

51. **Два человѣка.** Повѣсть М. Б. Чистякова. Съ рис. А. Бальдингера. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

52. **Ручей слезъ.** Кавказская легенда К. С. Баранцевича. Съ рис. Ел. Герунгъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

53. **Гриша Телепневъ, стрѣлецкій сынъ.** Историческій разсказъ изъ эпо и молодости А. В. Аѳсеньева. Съ рисунками Н. Быкодорова. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

54. **Праздничный день Царе ича Петра.** Историческій разсказъ А. В. Аѳсеньева. Съ 3 рис. Б. Скиргелло. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

55. **Погорѣльцы** Разсказъ А. Б. Хвольсонъ. Съ рис. П. Левченко. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

56. **Ученье—свѣтъ.** Разсказъ М. В. Самочерновой. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

57. **Школьникъ-нищій.** Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

58. **Человѣкъ съ пятакомъ.** Разсказъ С. Ф. Либровича. Съ рис. А. Бальдингера. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

59. **Герои-изгнанники.** Историческій разсказъ П. Н. Потапенко. Съ иллюстр. Г. Нарбута. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к

60. **Лучшій даръ.** Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи Л. А. Чарской. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 и Невскій, 13. || МОСКВА, Кузнецкій Мостъ. 12 и Моховая. 22.

1911 г.

37.36.7.1

Паровая Типогр. Т-ва М. О. Вольфъ.